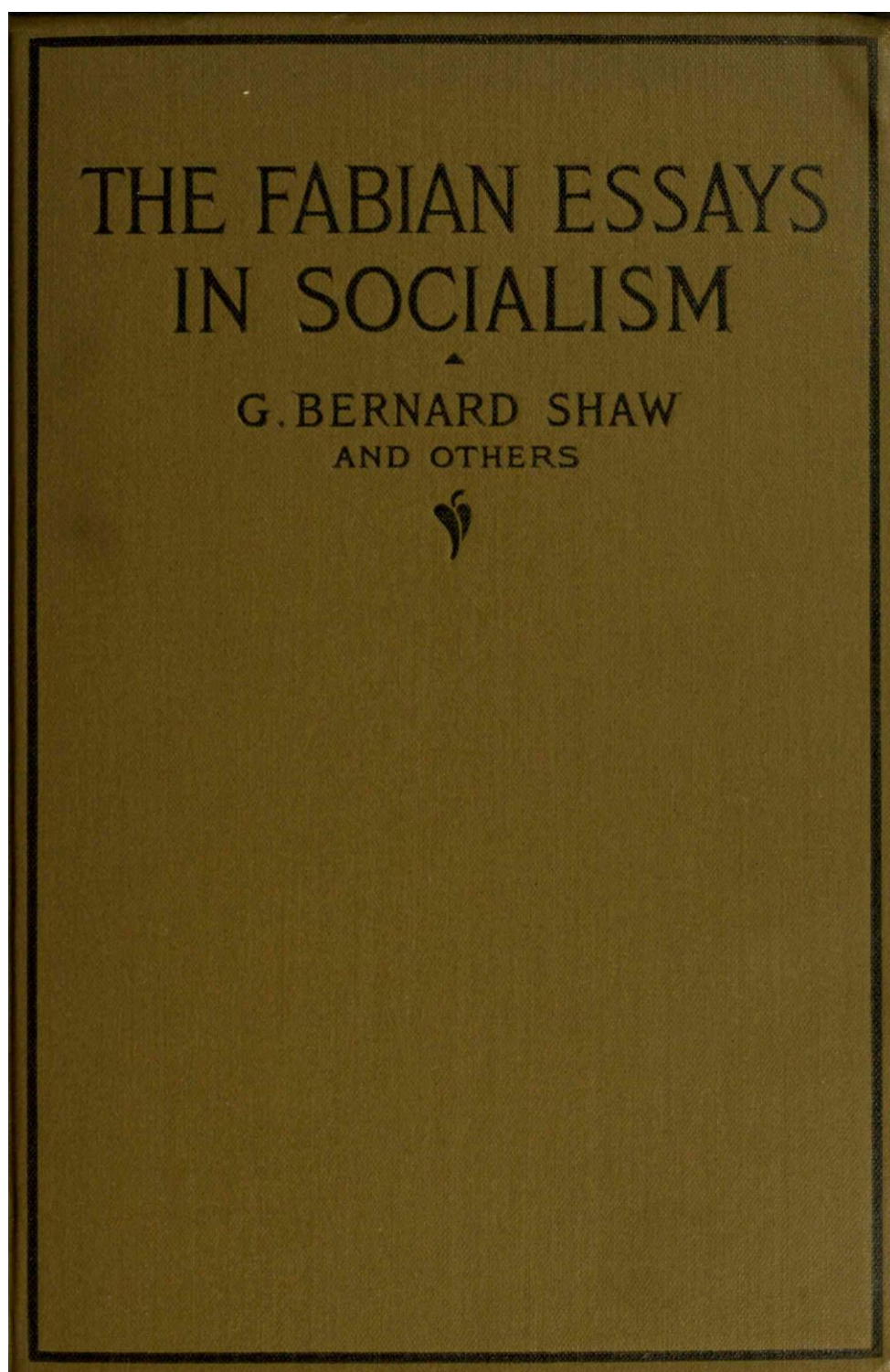

Фабианские очерки о социализме

Бернард Шоу

Электронная книга проекта "Гутенберг""Фабианские очерки социализма"

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Фабианские очерки социализма

Редактор: Бернард Шоу

Автор: Анни Безант

Хьюберт Блэнд

Уильям Кларк

Барон Сидни Холдейн Оливье Оливье

Грэм Уоллас

Сидни Уэбб

Дата выхода: 2 октября 2022 г. [Электронная книга № 69088]

Последнее обновление: 19 октября 2024 г.

Язык: Английский

Оригинальная публикация: США: Ball publishing Co, 1908

Кредиты: Команда онлайн-распространяемой корректуры по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ОЧЕРКИ ФАБИАНА В СОЦИАЛИЗМЕ"

ОЧЕРКИ ФАБИАНА О СОЦИАЛИЗМЕ

Г. БЕРНАРД ШОУ

СИДНИ УЭББ

УИЛЬЯМ КЛАРК

СИДНИ ОЛИВЬЕ

АННИ БЕЗАНТ

ГРЭМ УОЛЛАС

И

ХЬЮБЕРТ БЛЭНД

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Г. БЕРНАРДА ШОУ

С новым предисловием к этому изданию мистера Шоу

BOSTON
THE BALL PUBLISHING CO.
1911

Авторское право, 1908
Джордж Бернард Шоу

Содержание.

ФАБИАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО РАБОТА.

УИЛЬЯМ КЛАРК.

Страница xxiii.

ОСНОВЫ СОЦИАЛИЗМА.

ЭКОНОМИКА

Г. БЕРНАРДА ШОУ.

Рента. Обработка и заселение Земли.—Экономическое происхождение семьи графства.—Экономическая рента на землю и способности.—Право арендатора.—Приход пролетария.

Страница 1.

Ценность. Механизм обмена.—Цена и полезность.—Влияние предложения.—Закон безразличия.—Общая и конечная полезность.—Отношение стоимости к издержкам производства.

Страница 9.

Заработная плата. Пролетариат.—Продажа рабочей силы.—Прожиточный минимум.—Капитализм.—Увеличение богатства и уменьшение богатства.—Отделение меновой стоимости от общественной полезности.

Страница 15.

Заключение. Очевидные расхождения между историей и теорией.—Социализм.—Пессимизм и частная собственность.—Экономическая обоснованность мелиоризма.

Страница 20.

ИСТОРИЧЕСКИЙ

Развитие демократического идеала. Происхождение английского социализма.—Утописты.—Введение концепции эволюции.—Урок демократии.

Распад старого синтеза. Упадок средневековья.— Промышленная революция.—Французская революция.— Прогресс демократии.

Период анархии. Индивидуализм.—Философский радикализм и невмешательство.—Утилитарный анализ.

Интеллектуальный и моральный бунт; и его политический исход. Поэты, коммунисты, философы, христианские социалисты и эволюционисты.—Расширение государственной деятельности.—Существующая государственная регистрация, инспекция и прямая организация труда.—Радикальная программа.

Новый синтез. Эволюция и социальный организм.—Свобода и равенство.—Социальное здоровье.

ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ

Вытеснение индивидуалистического производства. Кустарная промышленность.—Изобретения в области механики.— Фабричная система.

Рост крупной промышленности. Экспансия Ланкашира.— Белое рабство.—Вмешательство государства.

Развитие мировой торговли. Триумф свободной торговли.— Борьба за новые рынки.—Перевозчики мира.

Дифференциация менеджера и капиталиста. Рост кооперации и акционерного общества.— “Кольцо” и “Доверие”. — Деспотизм капиталистического коммунизма.

МОРАЛЬ

Эволюция морали. Общая цель.—Условия свободы.—Личность и раса.—Рост общественного сознания.—Конвенции и закон.

Собственность и мораль. Реакция форм собственности на моральные идеи.—Классовая мораль.—Отрицание условий свободы.—Социальное разложение.

Реинтеграция общества. Упорядочение первичных условий.— Идея Закона о бедных.—Вторичные условия.—Мораль и

Материал СИДНИ Уэбба, доктора права, юриста, преподавателя политической экономии в колледже Лондонского сити.

[Страница 26.](#)

[Страница 31.](#)

[Страница 35.](#)

[Страница 40.](#)

[Страница 50.](#)

УИЛЬЯМ КЛАРК, магистр медицины, Кембридж.

[Страница 56.](#)

[Страница 65.](#)

[Страница 71.](#)

[Страница 76.](#)

СИДНИ ОЛИВЬЕ, бакалавр, Оксфорд.

[Страница 93.](#)

[Страница 104.](#)

[Страница 112.](#)

разум.—Идея школы.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА.

СОБСТВЕННОСТЬ При СОЦИАЛИЗМЕ.

Видимое богатство. Капитал потребителей.—Капитал производителей.

Долги и услуги. Отложенное и ожидаемое потребление.—Интерес.

Идеи. Авторское право и патентные права.—Образование.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ При СОЦИАЛИЗМЕ

Организация труда. Сельский.—Городской.—Международный.

Распространение Продукта. Частное лицо.—Муниципалитет.—Государство.

Социальные гарантии. Стимул к труду.—Обеспечение инициативы.—Награда за выдающиеся достижения.

ПЕРЕХОД К СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.

ПЕРЕХОД

От средневековья к капитализму. Старый порядок. —Купец-авантюрист, Пират, работороговец, капиталист.—Новый рост разрушил Старый порядок.—Хаос.

Анархия из-за вмешательства государства. Политическая экономия.—Гегелевская концепция совершенного государства.—Социализм: его практические трудности.—Невозможность катастрофических изменений.—Демократия как противоядие бюрократии.—Государство вмешивается.

Вмешательство государства в государственную организацию. Трудные времена.—Возрождение революционного социализма.—Оставшиеся шаги к завершению демократии.—Механизм социализма.—Социальное давление.—Городская рента.—Новое налогообложение.—Государственная организация труда - ее незаменимое дополнение.—Безработные.—Решение проблемы компенсации.—Экономические реакции на прогресс муниципального социализма.— Воинствующий социализм отвергнут, но не обещен.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Положение английских партий. Направления прогресса.—Темпы прогресса в мысли и промышленности по сравнению с прогрессом в политике.—Предполагаемое исчезновение вигов.

Обобществление политики. Политическая близорукость.—Фиктивный социализм.—Отвлекающий маневр.—Мечты

ГРЭМ УОЛЛАС, магистр философии, Оксфорд.

Страница 120.

Страница 125.

Страница 132.

Автор Анни БЕЗАНТ.

Страница 136.

Страница 147.

Страница 150.

Г. Бернарда ШОУ.

Страница 157.

Страница 160.

Страница 169.

ХЬЮБЕРТА БЛЭНДА.

Страница 184.

Страница 189.

проникнуть в Либеральную партию.—Разочарование.—Новое отправление.

Обязанности на час. Истинная линия разрыва.—Надежды и страхи.—Солидарность трудящихся.

УКАЗАТЕЛЬ.

[Страница 198.](#)

[Страница 203.](#)

ФАБИАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО РАБОТА.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1908 ГОДА

С 1889 года социалистическое движение полностью трансформировалось по всей Европе; и результат этой трансформации справедливо можно охарактеризовать как фабианский социализм. В восьмидесятих годах восемнадцатого века, когда социализм возродился в Англии впервые после подавления Парижской коммуны в 1871 году, поначалу не осознавалось, что на самом деле был окончательно подавлен романтический революционный либерализм и радикализм 1848 года, к которым социалисты примкнули как к чему-то само собой разумеющемуся, отчасти потому, что они сами были романтиками и революционерами, а отчасти потому, что и у либералов, и у социалистов была общая цель в демократии.

Помимо этой общей цели, у этих двоих была общая концепция метода в революции. Они оба были катастрофистами. Либерализм победил автократию и бюрократию таким методом в Англии и Франции, а затем предоставил промышленности извлекать все возможное из новых политических условий с помощью нерегулируемого действия конкуренции между индивидами. Короче говоря, либеральный план состоял в том, чтобы отрубить королю голову, а остальное предоставить Природе, которая, как предполагалось, должна стремиться к экономической гармонии, когда ее не сдерживают тиранические правительства. Социалисты намного опередили либералов в их понимании подавляющего значения промышленности, даже зайдя так далеко, что утверждали, вместе с Баклом и Марксом, что все социальные институты, какие бы то ни было, были навязаны экономическими условиями, и что по сути существует только одна тирания: тирания Капитала. И все же даже социалисты настолько сформировали свои политические привычки в либеральной школе, что были вполне склонны верить, что если отрубить голову King Capital, то можно ожидать, что все наладится более или менее спонтанно.

Несомненно, это общее утверждение показывает революционеров 1848-71 годов более простыми, чем они представляются в их собственных записях. Прудон был полон предложений: одно из них, минимальная заработная плата, оказывается первостепенно важным теперь, когда мистер и миссис Сидни Уэбб обосновали его на нерушимой основе промышленных фактов и экономической теории. Лассаль действительно кое-что знал о природе права, практике правления и образе мыслей правящих классов. Маркс, хотя, безусловно, был немного либеральным фаталистом (разве он не сказал, что сила - повивальная бабка прогресса, не напомнив нам, что сила в равной степени является повивальной бабкой хаоса, а хаос -

повивальной бабкой военного положения?), во всяком случае, не верил в *Laissez-faire*. Социализм предполагает внедрение замысла, изобретательности и координации нацией, сознательно стремящейся к собственному коллективному благополучию, в нынешнюю промышленную борьбу за частную выгоду; и поскольку ясно, что это не может быть спонтанным результатом насильственного свержения существующего порядка, и поскольку социалисты 1848-71 годов не были слепы, было бы невозможно обосновать претензии на "Фабианские очерки" как на первый учебник социализма, в котором катастрофизм отвергается как метод социализма.

Поэтому мы не должны говорить, что революционеры и интернационалисты 1848-71 годов верили в драматическое свержение капиталистической системы одним ударом, за которым последует установление нового неба, новой земли и нового человечества. Несомненно, они были мечтателями, как и все политические идеалисты; но они были такими же практичными, как консерваторы или либералы, которые сейчас верят, что триумф их партии обеспечит счастье и мир в стране. Тем не менее, было почти невозможно заставить их говорить или думать о социалистическом государстве будущего с точки зрения имеющегося для него человеческого материала. Они говорили о коммунах и, более туманно и менее охотно, о центральных департаментах для координации деятельности коммун; но если вы осмеливались указать, что эти, на первый взгляд, странные и романтические изобретения были просто городскими корпорациями при местном правительственном совете, они яростно отвергали такую конструкцию и обвиняли вас в том, что вы относите условия существующей системы к социализму. У них было все старое либеральное недоверие к правительствам и бюрократии и вся старая тенденция буржуазных революционеров боготворить рабочий класс. Они не подозревали о том, до какой степени само существование общества зависит от квалифицированной работы администраторов и экспертов, или о том, сколько мудрости и силы характера требуется для контроля над ними со стороны народных представителей. Они действительно верили, что когда их усилия по всей Европе продемонстрируют пролетариям великих столиц экономику социализма, на клич "Пролетарии всех стран, соединяйтесь" будет дан ответ; и что капитализм падет перед Международной федерацией рабочих классов Европы не в том смысле, в каком какой-нибудь будущий историк подведет итоги двух или трех столетий (в этом смысле они могут оказаться достаточно правы), а как немедленный практический план действий, который, вероятно, будет реализован за двадцать лет социалистическими обществами, полностью и презрительно отстраняющимися от обычной политики. Короче говоря, они были романтическими любителями и, как таковые, были чрезвычайно воодушевлены и польщены, когда Маркс и Энгельс настаивали на "научном" характере своего движения в противовес "утопическому" социализму Оуэна, Фурье, Сен-Симона и людей фазы 1820-48 годов. Когда события 1871 года в Париже подвергли их практическому испытанию, их безнадежная общественная неспособность вынудила их противников уничтожить их в ходе самой ужасающей резни современности — тем более ужасной, что это была резня невинных.

Общественное мнение Европы примирилось с этой резней с помощью обычного процесса клеветы на жертв. Теперь, если бы Европа была политически образованной, не было бы необходимости в клевете; ибо даже если бы было в человеческих силах предположить, что все федералы, убитые митральезами в Париже, были поджигателями и убийцами, все равно было бы сомнительно, является ли беспорядочная резня правильным способом борьбы с поджигателями и убийцами. Но не может быть никаких вопросов о том, что нужно делать с абсолютно некомпетентными губернаторами. Единственная вещь, которая в настоящее время

политически бесспорна, заключается в том, что если группа людей свергнет существующее правительство современного государства, не имея достаточных знаний и способностей для продолжения необходимой и честной части своей работы, и если, будучи неспособными выполнять эту работу сами, они также не позволят никому другому выполнять ее, их уничтожение становится вопросом немедленной необходимости. Им ничего не даст то, что они ставят перед собой более высокие цели, чем ставили их отцы; что их намерения благие, их действия лично бескорыстны, а их противники - эгоистичные и продажные рутинеры, которые сами были бы в равной степени растеряны, если бы им пришлось создавать новый порядок вместо того, чтобы просто дергать за ниточки старого. Любой, кто посмотрит на портреты членов Парижской коммуны, с первого взгляда увидит, что они очень выгодно отличались по всем внешним признакам дружелюбия и утонченности от любого руководящего органа, находившегося тогда или сейчас у власти в Европе. Но они не могли справиться с делом, которое взяли на себя, а Тьер мог. Демонстрация Марксом того, что они были героями и мучениками, а Тьер и его союзники - негодяями, нисколько не помогла, хотя это, несомненно, был самый талантливый документ в конфликте моральных лозунгов, который затушевывал реальные проблемы, — настолько талантливый как произведение литературы, что более чем через тридцать лет после его публикации он сразил маркиза де Галлифеэ наповал, как если бы он появился в *"Темпс* или *"Дебаты"* за день до этого. Со стороны федералов было любезно проявить гораздо меньшую способность уничтожить Тьера, чем он был способен уничтожить их; но сентиментальная дружелюбность сама по себе не является необходимым условием для управления великими современными государствами.

Теперь Фабианское общество, родившееся в 1884 году и достигшее возраста благоразумия менее чем через два года, не собиралось подвергаться уничтожению. Один из нас описал мученичество как "единственный способ, которым человек может прославиться, не имея способностей". Кроме того, у нас не было иллюзий относительно того, как с нами поступят, если, подобно парижским федералам, мы запугаем имущественные классы до того, как они будут выведены из строя длинной серией мелких столкновений. В Париже в 1871 году обычные здравомыслящие люди неделями прятались в своих домах под впечатлением, что улицы небезопасны: они не отваживались выходить на улицу, пока не подвергались серьезному риску быть застреленными на месте собственными партизанами в разгуле убийств и жестокости, последовавшей за открытием, что Коммуна может сражаться только так, как крыса дерется в углу. Природа человека с тех пор не изменилась. Майским утром 1906 года эссеист-фабиан стоял на улице Риволи и обнаружил, что он едва ли не единственный человек в вест-энде Парижа, который осмелился там появиться. Культурные жители этого избранного квартала, как и прежде, прятались в своих домах, их кладовые были полны окороков, а ванны - живой рыбы, чтобы обеспечить себя на случай осады. Опасность революции в тот день была гораздо меньшей, чем опасность того, что Примроуз-Хилл превратится в действующий вулкан в шесть часов вечера; и цель правительства и его партийных газет по нагнетанию паники, чтобы запугать буржуазию и заставить ее поддержать их на только что начавшихся всеобщих выборах, была очевидна, можно было бы подумать, до самой смутной политической проницательности. Вечером тот же публицист на площади Революции увидел толпу зевак, собравшихся поглазеть на обещанное восстание, а войска и полиция собрались, чтобы спасти от него общество. Это было очень похоже на Трафальгарскую площадь в 1887 году, когда такой же жестокий фарс разыгрывался в Лондоне. Время от времени войска сбивали некоторых из туристов, а полиция арестовывала некоторых из них. Достаточно людей вышли из себя, чтобы предпринять

несколько слабых попыток устроить беспорядки и опубликовать информацию об арестах в утренних газетах. На следующий день спасенное общество вышло из своих укрытий; продало рыбу из своих ванн и ветчину из кладовых в качестве пожертвования (погода была очень жаркой, а ветчина сомнительного качества); и с благодарностью проголосовало за правительство, которое напугало его до полусмерти воображаемой революцией и нелепым “заговором”. Англия смеялась над парижанами (хотя многие приезжие англичане покинули Париж, чтобы избежать угрожающего правления террора); однако уже в следующем месяце наши собственные имущие классы в Каире, напуганные националистическим движением в Египте, впали в пароксизм трусости и жестокости и совершили Деншавайское зверство, по сравнению с которым резня в Гленко была сущим пустяком. Легковерие, которое позволяет убедить себя повторением благочестивого слова "Прогресс" в том, что мы живем в более благородный век, чем наши отцы, и что худших проявлений террора и мести нашим недавно обогатившимся классам автомобилистов следует опасаться меньше, чем аристократии старых порядков, не является характерной чертой Фабиана. Фабиан знает, что собственность не колеблясь стреляет, и что теперь, как всегда, неудачливый революционер может ожидать клеветы, лжесвидетельства, жестокости, судебной и военной расправы без пощады. И Фабиан не намерен подвергаться подобному обращению, если это в его силах. Если будет какая-то стрельба, он намерен быть на острие пистолета. И он знает, что ему потребуется немало лет, чтобы добраться туда. И все же он думает, что видит свой путь — или, скорее, оставшуюся часть своего пути, потому что он уже на верном пути.

Это было в 1885 году, когда Фабианское общество под насмешки катастрофистов повернулось спиной к баррикадам и решило превратить героическое поражение в прозаический успех. Мы ставим перед собой две определенные задачи: во-первых, разработать парламентскую программу для премьер-министра, обратившегося к социализму, как Пил обратился к свободной торговле; и, во-вторых, сделать так, чтобы обычному уважаемому англичанину было так же легко и естественно быть социалистом, как либералом или консерватором.

Эти задачи мы выполнили, к великому отвращению наших более романтических товарищей. Сейчас никто не воспринимает социализм как разрушительное восстание, заканчивающееся, в случае успеха, тысячелетним абсурдом. Членство в Фабианском обществе, хотя и предполагает прямое признание социализма, вызывает не больше комментариев, чем членство в Обществе друзей или даже в Англиканской церкви. Между прочим, лейбористы были организованы как отдельный политический интерес в Палате общин, в результате чего в самом следующем бюджете впервые было признано, что в стране существуют как незаработанные, так и заработанные доходы; признание, которое, если и не является капитуляцией капиталистической цитадели перед социализмом, то, во всяком случае, опускает подъемный мост; ибо социализм, с его агрессивной стороны, является и всегда был атакой на праздность. Решение покончить с частной собственностью набирает силу с каждым днем: люди начинают понимать разницу между собственностью человека в виде его трости, которая строго ограничена общественным условием, что он не должен использовать ее для того, чтобы проломить голову своему соседу или вымогать деньги угрозами, и теми частными правами собственности, которые позволяют праздным людям взимать огромную дань, составляющую в настоящее время не менее 630 000 000 фунтов стерлингов в год, с доходов остальной части общества. Старая попытка запутать проблему, утверждая, что существование семьи, религии, брака и т.д. и т.п. неразрывно связаны с терпимостью к бессмысленному общественному воровству, больше никому не навязывается: после целого года беспрецедентной эксплуатации

этой особой разновидности непристойной брани самыми читаемыми дешевыми газетами Лондона ни один социалист не пострадал от этого ни на пенни.

Единственное действительно эффективное оружие прессы против социализма - это молчание. Даже Епископы не могут быть привлечены к ответственности, когда они выступают за социализм и вдребезги разбивают старое представление о том, что политическая экономия, наука и религия поддерживают нашу существующую промышленную систему. Ораторы-социалисты теперь так легко находят аудиторию, что даже при сравнительно высокой плате за вход большие залы могут быть заполнены, чтобы послушать их, не прибегая к обычным каналам рекламы. Их речи напичканы фактами и цифрами и неотразимыми апелляциями к повседневному опыту и денежным затруднениям несчастных налогоплательщиков и арендаторов, которые слишком озабочены денежными заботами, чтобы интересоваться официальной партийной политикой; но ни одному слову из этого не позволено просочиться к общественности по обычным каналам газетных репортажей. Однако заговор молчания приносит нам свою пользу. Мы обратили людей, которые действительно слышали нас. Остальные, не имея никаких известий о наших операциях, оставили нас в покое до тех пор, пока наше движение не завоевало популярность среди общественности. Теперь, когда, наконец, поднята тревога, в стане наших врагов, похоже, не осталось никого, кроме невежественных, политически слабоумных, коррумпированно заинтересованных лиц и свиты сломленных, пьяных, безрассудных наемников, которые всегда готовы развернуть кампанию клеветы против противников любых корыстных интересов, располагающих обильным фондом секретной службы. Это может показаться сильным высказыванием, но невозможно не быть пораженным слабостью и низостью сегодняшней оппозиции социализму по сравнению с оппозицией двадцатилетней давности. В те дни, когда самые яркие ученики Герберта Спенсера, от миссис Сидни Уэбб до Гранта Аллена, отвернулись от него ксоциализму, в котором он не видел ничего, кроме “грядущего рабства”, мы могли уважать его, одновременно опровергая. Сегодня мы не уважаем наших оппонентов и не опровергаем их. Мы просто, подобно “истребительнице предрассудков” миссис Стетсон Гиллман, “проходим сквозь них, как будто их там нет”.

Тем не менее, мы не собираемся недооценивать огромную общественную опасность прессы, которая обязательно находится в руках тех самых людей, чья праздность и расточительность делают нацию бедной и несчастной, несмотря на ее огромные ресурсы. Выпуск лондонской ежедневной газеты, имеющей хоть какие-то шансы на успех, стоит четверть миллиона, и каждый, кто пишет для нее, рискует своими средствами к существованию каждый раз, когда пишет слово, угрожающее доходам владельцев и их класса. Количество созданного таким образом снобистского и антисоциального общественного мнения огромно; и новый вид преступлений — подстрекательство газетами толп к бесчинствам и даже убийствам, — которые до сих пор применялись только к религиозным самозванцам, начинает применяться к политике. Результат, вероятно, станет еще одной иллюстрацией невозможности сочетания индивидуальной свободы с экономическим рабством. Нам пришлось пренебречь свободой контрактов, чтобы спасти рабочий класс от истребления в результате “бесплатных” контрактов между нищими отцами голодающих семейств и богатыми работодателями. Свобода прессы едва ли менее иллюзорна, когда пресса принадлежит рабовладельцам нации, и ни один журналист по-настоящему не свободен. Поэтому в данный момент мы считаем уместным предупредить наших читателей, чтобы они не оценивали масштабы нашей деятельности или нашего влияния, а тем более силу нашей аргументации, по тому, что они читают о нас в газетах. Склонность проводить свою жизнь в тяжелой работе и нескончаемых денежных заботах

исключительно для того, чтобы некие праздные и, возможно, порочные люди могли обобрать вас ради собственного развлечения, не так широко распространена, как нам пытаются внушить газеты. Даже самый робкий из консерваторов, представитель среднего класса, имеющий менее 500 фунтов стерлингов в год (иногда менее 100 фунтов стерлингов), начинает задаваться вопросом, почему его сын, недоучившийся, должен в пятнадцать лет садиться за стол клерка, чтобы дать возможность сыну другого человека поступить в университет и получить образование, которым он, как потомственный бездельник, не намерен пользоваться. Сказать ему, что такое самокопание является серьезным симптомом Свободной Любви и атеизма, может привести его в ужас, но это не убедит. И эволюция социализма от Красного призрака на баррикадах с общиной жен (сплошь нефтяники) и принудительным атеизмом к Фабианскому обществу и Христианско-социальному союзу, конституционным, респектабельным, даже официальным, выдающимся и титулованным, с каждым днем ослабляет его страх перед этим и усиливает его скептицизм относительно неизбежности все более и более страшного удара агента землевладельца и сборщика налогов.

Итак, как всем известно, ход эволюции, будь то при социализме или в чем-либо другом, не предполагает трансформации более ранних форм в более поздние. Более ранние формы сохраняются бок о бок с более поздними до тех пор, пока те либо намеренно не уничтожат их, либо не выведут из себя настолько, что у них пропадет желание рождаться. Это то, что произошло в эволюции фабианского социализма. Фабианский социализм не истребил более ранние типы; и хотя он настолько выбил их из колеи, что они больше не размножаются свободно, они все еще существуют, проповедуют, собирают подписки и отталкивают от социализма многих достойных граждан, которые вполне готовы зайти так же далеко, как и фабианское общество. Иногда им удается даже побороться за место в парламенте во имя социализма и успокоить капиталистические партии, набрав в конце голосования меньше голосов, чем можно было бы ожидать от любого кандидата-человека, будь он даже человеком с плоской земли, в наши дни, когда каждый может найти себе сторонников того или иного рода. Однако чаще всего они объединяются в политически незначимые секты с местом еженедельных собраний, на которых они каждую неделю проповедуют друг другу, за исключением летних месяцев, когда они выносят красный флаг на открытое пространство и осуждают общество, когда оно проходит мимо или задерживается послушать. Теперь мы далеки от того, чтобы отвергать этих товарищей. Если человек был уличен в грехе Родственниками графини Хантингдон, а впоследствии вошел в Церковь и стал архиепископом, у него всегда будет достаточно нежности к этой Связи, чтобы воздерживаться от нападок на нее и помнить, что многие из ее членов - лучшие христиане и люди, чем более искушенные в мирских делах столпы Церкви. Главные лидеры фабианского движения находятся в таком же положении по отношению ко многим небольшим обществам, местным жителям известным как "социалисты". Мы знаем, что их поклонение Марксу (о работах которого они по большей части ничего не знают и о взглядах которого они интеллектуально неспособны) и их повторение небылиц о классовой войне и обобществлении всех средств производства, распределения и обмена имеют не больше применения к практической политике, чем кальвинистские заветы, которые так беспокоили Кромвеля, когда он тоже пытался примирить свое сектантское вероучение с практическими потребностями правительства и администрации. Мы также знаем и вынуждены при случае прямо говорить, что эти маленькие секты невежественны и неспособны в общественных делах; что во многих случаях их принятие крайней позиции является оправданием бездействия под прикрытием требования невозможного; и что их неспособность

инициировать какие-либо практические действия, когда они случайно оказываются представленными в государственных органах, часто приводит к тому, что они просто упорно голосуют за наших оппонентов в знак протеста против того, что они считают компромиссным оппортунизмом фабианцев. Бывают моменты, когда они становятся настолько невыносимой помехой для основной массы движения, что у нас возникает сильное искушение официально отлучить их от церкви и предупредить общественность, что они не представляют никого, кроме самих себя. Но такое заявление, хотя и было бы совершенно верным в том, что касается политических и административных действий, в целом вводило бы в заблуждение. В Англии каждый начинает с абсурдного невежества в общественной жизни и неумелости к общественным действиям. Точно так же, как Консервативные и Либеральные партии вербуются на собраниях Лиги Первоцветов и либеральных и радикальных демонстрациях, на которых едва ли произносится хоть одно разумное или правдивое слово, но, тем не менее, новичок оказывается в атмосфере сочувствия, так и Фабианское общество состоит в основном из социалистов, которые внесли свой вклад в ту или иную из этих маленьких сект импосибилистов. Поэтому мы не только терпим их с радостью, насколько позволяет человеческая природа, но и оказываем им посильную помощь и поддержку, когда можем это сделать, не одобряя специально их грубые ошибки. К счастью, огромные дополнения, внесенные в механизм демократии в Англии за последние двадцать лет, от Советов графств в 1888 году до органов образования в 1902 году, послужили школами общественной жизни для тысяч людей с небольшим достатком, которые в прежние времена, должно быть, оставались импосибилистами из-за недостатка общественного опыта. Один час работы в ответственном комитете местного органа власти, который должен удовлетворить некоторые общественные нужды и потратить немного государственных денег, будь то всего лишь полкроны, излечит любого здравомыслящего человека от невозможности на всю оставшуюся жизнь. И такие исцеления происходят каждый день и превращают бесполезных энтузиастов в полезных фабианцев.

Несколько слов об этой книге. Это не новое издание Эссе Фабиана. Они перепечатаны в том виде, в каком появились в 1889 году, ничего не изменилось, кроме цены. Другого выхода не было. Когда были написаны эти эссе, эссеистам было за тридцать; сейчас им за пятьдесят, за исключением одного, Уильяма Кларка, который покоится в могиле. Тогда на нас смотрели как на молодых отчаянных людей, которые пожертвовали своими шансами в жизни, публично посвятив себя социализму: теперь нас цитируют как иллюстрацию новой теории о том, что социалисты, подобно квакерам, процветают в этом мире. Это опасная теория; ибо социализм, как и все религии и все "измы", может вскружить голову слабым, а также вдохновить и привлечь к работе сильных; но нам, во всяком случае, посчастливилось добиться признания наших притязаний на общественное внимание за девятнадцать лет, прошедших со времени нашей юношеской авантюры в качестве фабианских эссеистов.

Само собой разумеется, что в нашем нынешнем положении и с тем опытом, который мы приобрели, мы должны были бы выпустить совсем другую книгу, если бы работа была проделана заново. Мы не должны тратить наше время на убийство мертвых лошадей, как бы энергично они ни брыкались в 1889 году. Нам, конечно, следует быть гораздо более осторожными и не одобрять идею о том, что безработных можно заставить работать для установления социализма; хотя остается правдой, что проблема безработных, с того момента, как мы перестанем бессердечно бросать их на произвол судьбы или глупо успокаивать свою совесть, откупаясь от них подаянием, заставит нас организовать их, обеспечить и обучить; но самым первым

условием успеха в этом будет отказ от старой идеи, что безработного портного можно заставить шить одежду для безработного сапожника и для безработного сапожника сшить сапоги для безработного портного, настоящая трудность которого заключается не в нехватке одежды и ботинок, а в глупом неправильном распределении денег на их покупку. Нам также, вероятно, следует уделять больше внимания человеческой воле и меньше - экономическому давлению и исторической эволюции как ведущим к социализму. Короче говоря, мы должны использовать сухую практику наших решений социальных проблем вместо вдохновения и теории о них. Но мы также должны выпустить книгу, которая, хотя и могла бы больше, чем нынешняя, заинтересовать экспертов по административным вопросам, банкиров, юристов и конструктивных государственных деятелей, имела бы гораздо меньше очарования для молодежи и для обычного гражданина, который в этих вопросах дилетант.

Кроме того, разница во взглядах молодежи и пожилых людей не обязательно является разницей между неправильным и правильным. Теннисоновский процесс создания ступеней из наших умерших "я" к высшим вещам благочестив по своему замыслу, но иногда он ведет вниз, а не вверх. Когда Герберт Спенсер в свои последние дни вычеркнул из своей Социальной статистики неотразимые аргументы в пользу национализации земли, которыми он предвосхитил Генри Джорджа, мы не могли признать, что старый Спенсер имел какое-либо право совершать такое насилие над молодым Спенсером, или был менее обязан либо опровергать его позицию, либо признавать ее, чем если бы они были незнакомцами друг с другом. Усвоив этот урок, мы не чувствуем себя вправе изменять даже те отрывки, которые больше не отражают наших последних выводов. К счастью, в основном нам не о чем отступать, не о чем сожалеть, не за что извиняться и есть чем гордиться. Поэтому мы оставляем нашу книгу в том виде, в каком она впервые появилась на свет, просто записывая "За исключением ошибок", как это делают адвокаты: то есть с твердым убеждением, что ошибки, если они вообще существуют, не имеют большого значения.

21 мая 1908 года.

ФАБИАНСКОЕ ОБЩЕСТВО.

УИЛЬЯМ КЛАРК, магистр медицины

Ни один посетитель британской столицы не будет долго участвовать в политической жизни Лондона, прежде чем не услышит о Фабианском обществе. Мало кто из читателей не слышал о римском полководце Квинкте Фабии Максимусе, *восстановившем власть* впоследствии получившем титул Кунктатора. Этот выдающийся человек - святой покровитель общества, через которое, будучи мертвым, он все еще говорит.

Таким образом, Фабианское общество предлагает побеждать с помощью промедления; осуществлять свои программы не в спешке, а с помощью более медленных, но, как ему кажется, более надежных методов терпеливого обсуждения, изложения и политических действий тех, кто абсолютно убежден в своих собственных умах. В качестве удобного девиза общество взяло следующую фразу: "Вы должны терпеливо ждать подходящего момента, как это делал Фабий, во время войны с Ганнибалом, хотя многие осуждали его промедление; но когда придет время, вы

должны нанести сильный удар, как это делал Фабий, иначе ваше ожидание будет напрасным и бесплодным”. Таким образом, эта двойная политика выжидания и нанесения ударов является общей идеей общества.

Каковы теперь цели общества? Цитирую из официальной программы: “Фабианское общество состоит из социалистов. Таким образом, она направлена на реорганизацию общества путем освобождения земли и промышленного капитала от индивидуальной и классовой собственности и передачи их обществу на общее благо. Только таким образом весь народ может справедливо разделить естественные и приобретенные преимущества страны. Соответственно, общество работает над исчезновением частной собственности на землю и последующим индивидуальным присвоением в форме ренты цены, уплачиваемой за разрешение использовать землю, а также за преимущества превосходных почв и участков. Общество, далее, работает над передачей сообществу управления таким промышленным капиталом, которым можно управлять в социальном плане. Ибо, благодаря монополии на средства производства в прошлом, промышленные изобретения и превращение избыточного дохода в капитал в основном обогатили класс собственников, рабочие теперь зависят от этого класса в получении разрешения зарабатывать на жизнь”. Чтобы добиться такого положения вещей, продолжает программа, общество рассчитывает на распространение социалистических взглядов и стремится способствовать им путем всеобщего распространения знаний об отношениях между индивидом и обществом в их экономических, этических и политических аспектах.

Итак, таковы фундаментальные идеи Фабианского общества. Прежде чем описать его рост, работу и персонал, позвольте мне дать отчет и объяснение его происхождения. Эффективное современное социалистическое движение в Англии началось в 1881 году. В том году в лондонском отеле “Вестминстер Палас” состоялась конференция, на которой присутствовали почтенный Фрэнсис У. Ньюман, брат покойного кардинала; Хелен Тейлор, падчерица Джона Стюарта Милля; мистер Хайндман, писатель и лидер социалистов; несколько человек, которые сейчас находятся в парламенте, другие, которые были там, и небольшое количество энергичных людей, хорошо известных в Лондоне, но не столь известных в Америке. Эти и другие лица после долгих дискуссий сформировали Демократическую федерацию, орган, который поначалу казался не чем иным, как энергичным радикальным протестом против ирландской политики принуждения, проводимой находившимся тогда у власти кабинетом Гладстона. Массовые демонстрации, одни из крупнейших, когда-либо проводившихся в Лондоне, были инициированы Федерацией, которая заручилась поддержкой некоторых членов ирландского парламента в этом деле. Но постепенно простой радикализм исчез из программы Федерации; и под стимулирующим влиянием мистера Генри Джорджа, который в то время находился в Англии, чью книгу читали повсюду и который пользовался тогда большим влиянием в Англии, Федерация проповедовала доктрину “земли для народа”. Но предстояло достичь еще одной стадии в ее развитии; и к осени 1883 года она выступила как полномасштабная социалистическая организация и опубликовала небольшую брошюру под названием “Социализм стал очевиден”, которая имела большой тираж и которая, какой бы странной это ни казалось сейчас, вызвала полный ужас среди людей, которые полагали, что социализм был просто французской или немецкой эксцентричностью, вызванной милитаризмом и протекционизмом, и что он никогда не сможет поднять голову в “свободной” Англии. Мистер Герберт Спенсер, среди прочих, встревожился и предсказал “грядущее рабство”, а почтенное *Quarterly Review* качало своей почтенной головой и восхищалось, подобно

миссис Саре Гэмп, "браджианской наглостью" этих злобных агитаторов. Было совершенно очевидно, что зарождается новая политическая сила.

Но в Лондоне были те, кто, глубоко сочувствуя новому движению, тем не менее, не могли с головой окунуться в него по двум причинам: во-первых, оно предполагало, что революционные изменения, затрагивающие сами основы общества, могут быть осуществлены сразу; во-вторых, оно, казалось, игнорировало то, что можно назвать духовной стороной жизни, и игнорировало этические изменения, необходимые для того, чтобы сделать возможной иную социальную систему. Таково было положение вещей осенью 1883 года, когда очень способный человек, мистер Томас Дэвидсон из Нью-Йорка, которого все, кто встречался с ним, знают как человека исключительной силы и энтузиазма, провел несколько недель в Лондоне. Мистер Дэвидсон, заметив положение вещей, собрал вокруг себя небольшие группы людей, на нескольких из которых я присутствовал; и пока он был в Лондоне, и в течение нескольких месяцев после этого, эти чисто неофициальные конференции продолжались в домах разных людей. Было бы слишком долгой историей рассказывать о бесконечных дискуссиях, которые происходили, о скучных мужчинах и блестящих мужчинах, чудаках и мыслителях, мужчинах с длинными волосами и женщинах с короткими стрижками, которые спорили и давили друг на друга, а затем снова спорили и приводили доводы. Главным результатом было то, что эти люди в конечном счете оказались разделенными на два лагеря, не обязательно враждебных, но делающих упор на различные аспекты общественного движения. Одна из них состояла из людей, которые придавали первостепенное значение необходимости этических и духовных изменений как постоянному фактору общественного движения и как связующему звену с материальными изменениями. Эти люди объединились в небольшую организацию под названием "Новое братство", которая существует до сих пор, небольшая по численности, но очень серьезная по своей цели, и которая издает небольшой ежеквартальный журнал под названием *Seedtime*. Другой класс, который соглашался с Социал-демократической федерацией относительно настоятельной необходимости социальных и политических перемен, но считал, что это должно быть очень постепенным, а его лидеры - людьми определенной культуры и разбирающимися в экономике, сформировал Фабианское общество. Таково происхождение этого активного органа.

Существует распространенное мнение, иногда выражаемое в американских газетах, что социалистическое движение в значительной степени состоит из чудаков и негодяев — точку зрения, которую в меньшей степени разделяет часть английской прессы. Я верю, что в каждой стране и в каждую эпоху существует обильный урожай представителей обоих этих классов; и, несомненно, социалистическое движение, как и любое другое движение, получило свою долю от обоих. Но предполагать, что великое движение, охватившее Европу из конца в конец, породившее крупнейшую политическую партию в Германии, одержавшую бесчисленные победы во Франции, изменившую всю политическую жизнь Англии, — предполагать, что это движение является результатом заблуждений нескольких злых или глупых людей, само по себе является заблуждением людей, которые, вероятно, сами не слишком хороши или мудры. В лице Маркса, Лассалья, Родбертуса, Малона и других социалистическому движению служили одни из лучших умов нашего столетия; и Лассаль не напрасно хвастался тем, что он был оснащен всеми лучшими достижениями культуры своего времени. Я хорошо знаю социалистическое движение изнутри, и оно, безусловно, насчитывает среди своих приверженцев самых способных людей, которых я знаю. В Фабианском обществе немало таких людей. Уолтер Крейн, художник; Стопфорд Брук, проповедник и литератор; Грант Аллен, один из самых разносторонних и

образованных людей на свете; Джордж Бернард Шоу, один из самых блестящих, хотя и эксцентричных музыкальных и драматических критиков; мисс Уиллард, одна из женщин-реформаторов Америки; профессор Шаттлворт, ныне самый популярный и способный церковный деятель Лондона; мистер Д. Г. Ричи из Оксфорда, выдающийся среди английских философов-мыслителей; миссис Теодора Райт, одна из наших самых выдающихся актрис; Серджиус Степняк, после Толстого первый из ныне живущих русских; Альфред Хейз, один из первых наших молодых поэтов; доктор Фернивал, самый образованный и деятельный из староанглийских ученых, — вот среди его членов.

Но, конечно, не простое включение выдающихся людей придает обществу силу и авторитет. Это бытие, основанное на знаниях и идеях; и здесь общество сильно. Его члены с самого начала признали, что социальная проблема не может быть решена одними лишь чувствами, хотя чувства должны быть фактором в ее решении. Необходимо много размышлять и серьезно изучать не только книги (многие из которых по рассматриваемым нами экономическим проблемам ничего не стоят), но и социальные факты. Его критики считают, что общество допустило ошибку с другой стороны и стало слишком жестким и даже циничным; но, признаюсь, я думаю, что это лучше, чем говорить просто хлесткие моральные банальности, которым люди аплодируют, а потом обо всем забывают. Общество всегда неуклонно придерживалось идеи, что мы не стремимся к какому-то тысячелетнему царству, к какому-то совершенно блаженному земному раю, но что мы рассматриваем гораздо более прозаический вопрос, как должны быть удовлетворены экономические интересы общества, как должно осуществляться экономическое устройство общества. Поэтому его члены решили вооружиться для своей работы усердным чтением и обдумыванием, а также очень жестким обсуждением важнейших проблем истории, экономики и политической философии. В этом им очень помогло небольшое историческое общество, которое было образовано в одном из пригородов Лондона, где каждую неделю читалось эссе и всесторонне обсуждалось. Я не верю, что в Англии есть более начитанные или проницательные умы, чем те молодые люди, которые сформировали эту группу и которые в значительной степени остались ядром фабианского общества, — и это при том, что у них, как и у других людей, есть свои недостатки.

Сначала идея заключалась в том, чтобы иметь очень небольшое количество участников, едва ли больше, чем могло бы собраться в просторной комнате частного дома. Они должны были быть хорошо обучены и стать апостолами. Однако постепенно общество росло, барьеры отчуждения были разрушены, и в него были введены люди с меньшими знаниями и опытом. В настоящее время я думаю, что в обществе представлены почти все призвания. В последнем списке я нахожу членов организации, юристов, художников, журналистов, врачей, рабочих, священнослужителей, учителей, профсоюзных лидеров, литераторов, владельцев магазинов и лиц без профессии. В обществе нет миллионеров, как нет и нищих, но есть несколько вполне состоятельных людей. Значительная часть — это яркие молодые люди, и среди них немало ярких и активных женщин. Отдельные примеры того, к какому типу людей они принадлежат и чем они занимаются, лучше, чем просто расплывчатые обобщения. Вот примеры:—

Молодой человек работает в Центральном почтовом отделении с зарплатой 650 долларов в год. Он женился на очень очаровательной и способной девушке, тоже члене клуба. Они занимают две или три комнаты в загородном доме. Молодая леди была избрана опекуной бедных, единственной женщиной среди множества мужчин. Ее муж посвящает почти все свое свободное время после работы пропаганде общества. Он заказал для себя небольшой

переносной стол и подставку, и при этом он выступает на открытых площадках, на углах улиц или везде, где может собрать аудиторию. Его жена сопровождает его и продает литературу. Не думайте, что это наглый молодой демагог и обычная, решительная женщина. Оба образованны, интеллигентны, с приятным нравом; но социалистическое движение завладело ими и дало им то, в чем они нуждались, подняло их над областью того, что Джон Морли называет “грязной домашней жизнью”, и научило их, что за четырьмя стенами дома есть огромный страдающий мир, ради которого нужно помогать и работать. Поверьте, движение, которое может это сделать, таит в себе некоторое обещание будущего.

Или возьмем забавного, циничного, незаурядного Джорджа Бернарда Шоу, чей ирландский юмор и блестящие дарования отчасти помогли, отчасти помешали популярности в обществе. Этот человек закончит тщательно критиковать вчерашнюю оперу или концерт Рихтера (он - музыкальный критик *мира*) и после легкого, чисто вегетарианского ужина отправится в какой-нибудь отдаленный клуб на Юге Лондона, или на какой-нибудь угол улицы в Восточном Лондоне, или в какое-нибудь известное место встречи в одном из парков, и там поговорит с бедняками об их экономическом положении и их политических обязанностях. Люди такого сорта, которым нравятся книги, музыка, театр и хорошее общество, не спускаются в унылые трущобы или еще более унылые лекционные залы, чтобы говорить на подобные темы перед беднейшим классом рабочих без какой-либо мощной движущей силы; и именно на этой силе, на этой движущей силе я останавливаюсь, чтобы показать, что происходит в Лондоне сегодня. Из наведенных мною справок я убедился, что на самом деле ничего подобного не происходит ни в одной другой стране мира; но в Лондоне это обычное дело.

Первоначальное родительское фабианское общество, после того как оно начало расширяться, наняло платного секретаря и стало признанным учреждением, предложило людям в других местах создавать местные фабианские общества; и первое из них было создано в Бирмингеме, где несколько членов выступили перед переполненной, очень интеллигентной и очень восторженной аудиторией в зале в центре этого города. В настоящее время также существуют местные фабианские общества в Манчестере, Эдинбурге, Бристоле, Лидсе, Ньюкасле, Плимуте, Вулвергемптоне, Брэдфорде, Йорке и других английских городах, всего их сорок восемь; и есть также одно в Аделаиде, Южная Австралия, и еще одно в Бомбее. Некоторые из них довольно малы, но другие важны и начинают оказывать значительное влияние на муниципальную политику, а также в одном или двух местах в парламентской политике. Общество было представлено на Международных конгрессах труда в Париже, Брюсселе, Цюрихе и Чикаго.

А теперь, какова в основном была работа, проделанная обществом? Поначалу идея его членов заключалась скорее в том, чтобы обсуждать между собой и учить самих себя, чем в том, чтобы учить других. Это был начальный этап, или этап самоформирования. Затем наступил этап образования и, в-третьих, политический, или активный этап, хотя даже на этом, третьем этапе, образование по-прежнему является главной целью общества. Двухнедельные дискуссии проводились непрерывно, за исключением двухмесячного летнего перерыва, в течение многих лет. На них члены общества читали доклады или приглашались посторонние лица, особенно оппоненты. Покойный Чарльз Брэдли выступил против и был очень быстро разгромлен; в то время как, с другой стороны, Оскар Уайльд красноречиво и убедительно говорил о связи искусства и социализма. Общество пыталось привлечь мистера А. Дж. Бальфура, лидера консерваторов, и мистера У. Х. Мэллока, как самого способного литературного противника социализма, к серьезному спору, но ни один из них этого не сделал. мистер Холден, переводчик

Шопенгауэра и образованный член парламента-философ, выступил против, с ним обошлись довольно энергично, и теперь он в значительной степени обратился к коллективизму. Мистер Дэвид Ф. Шлосс, которого британское правительство недавно направило в Соединенные Штаты для расследования вопросов труда, высказался сочувственно; и мистер Донисторп. , умный, циничный, поверхностный английский индивидуалист, высказался, и с ним безжалостно обошлись. Результатом всех этих дебатов стало то, что в Фабианском обществе сейчас работают одни из лучших участников дебатов в Англии. В нем также работают одни из лучших лекторов, поскольку его работа в основном заключалась в лекциях. В настоящее время общество читает около тысячи лекций в год, и все они бесплатные, причем всем лекторам ничего не платят. Действительно, за исключением офиса секретаря, вся работа общества является добровольной, неоплачиваемой. Большинство этих лекций читается в рабочих клубах, которых в одном только Лондоне насчитывается несколько сотен. Я беру наугад из списка лекций 1891 года примерные темы: —

Социализм Джона Рескина; Счет за восемь часов; Железнодорожная реформа; Свобода, равенство, братство; Методы социальной эволюции; Адам, первый и последний индивидуалист; Почему мы хотим лейбористскую партию; Евангелие успеха; Чего хотят сельскохозяйственные рабочие; Социальный ад и его источники; Эксперименты по обеспечению жильем людей; Социализм и индивидуальная свобода; Послание Церкви богатым людям; Свободные комментарии по вопросу народонаселения; Доля рабочего в богатстве; Программа социал-демократии; Джон Лилберн и Левеллеры; Чартистское движение; Религия о социализме; Промышленная история Англии; Евангелие хлеба с маслом; Рабочие и их трудности; Кооперативное производство и социализм; Богатство и Содружество; Французская революция; Право на жизнь; Что предлагают делать социалисты; Двадцать лет рабочего движения.

Из них будет видно, какая обширная территория покрыта. Эти лекции по большей части читаются рабочим, но иногда встречаются аудитории среднего класса, и я слышал о лекторах Фабиана, беседующих с людьми в аристократических гостиных. С самого начала общество занималось некоторыми публикациями, и последний список содержит не менее сорока пяти брошюр или трактатов, выпущенных обществом. Первый из них, “Почему многие бедны?”, был грубым, но хорошим для привлечения внимания, что всегда делается в первую очередь, и вполне оправдывал некоторые любопытные социалистические причуды. Наиболее ценными из этих брошюр являются “Факты для социалистов”, действительно сокрушительный ответ тем, кого Мэтью Арнольд называет “самодовольными кротами”, основанный на наилучшей доступной статистике; “Факты для лондонцев”, ужасающее обобщение экономического состояния Лондона; “Что почитать”, самый замечательный и беспристрастно подобранный список книг для социальных реформаторов, которые с пользой могли бы быть переизданы в Америке; “Реформа закона о бедных”; и “Невозможности анархизма”, проницательная критика позиции анархистов Джордж Бернард Шоу. Помните, что все это было добровольным, неоплачиваемым трудом и потребовало огромного количества усилий.

В 1888 году общество решило прочитать курс лекций теми из своих членов, которые, как предполагалось, лучше всего подходили для этой цели, излагая общие принципы социализма в том виде, в каком они их понимали. Лекций было восемь, и они были прочитаны перед плотно набитой аудиторией, произведя такое впечатление, что было решено опубликовать их отдельным томом; и в следующем году они вышли под названием “Очерки Фабиана о социализме”. Поскольку это случай *quorum pars magna fui*, я лишен возможности дать свою

оценку тому, в котором я участвовал; но я могу сказать, что у этого труда были очень большие продажи — тридцать тысяч экземпляров, крупнейшие продажи из всех известных мне чисто экономических работ, за исключением “Прогресса и бедности,”... и что его уважительный и даже сердечный прием английской прессой был неожиданностью. Этот факт показывает, что общественное сознание готовится к большим социальным переменам. Основная идея книги — идея неизбежной политической и промышленной эволюции, ни в малейшей степени не утопическая, а попытка обобщения в русле современных научных идей. Публикация этой книги впервые придала Фабианскому обществу национальную, а не просто местную репутацию; и я полагаю, что сейчас книгу широко читают в Америке и Германии, а во Франции ее представило *Социалистическое ревю*. С тех пор общество прочитало несколько курсов лекций, но ни один из них впоследствии не был опубликован.

Третья фаза деятельности общества, как я уже сказал, связана с практической политикой. Это было предпринято не без некоторых опасений. Исходя из принципа, что нельзя прикоснуться к смоле, не осквернившись, признаюсь, я сомневался, разумно ли выходить на несколько грязную политическую арену до тех пор, пока люди не станут гораздо более образованными в этих идеях. Но сильное желание что-то *сделать*, воплотить идеи в факты, организовать людей, помочь в формировании реального прогрессивного движения в Англии и, прежде всего, возможно, ослабить и уничтожить индивидуалистическое крыло Либеральной партии — эти и другие мотивы действовали с нарастающей силой, особенно по мере того, как члены общества начали обнаруживать, что они приобрели влияние на небольшие группы рабочих здесь и там. Там были большие опасности и трудности. Существовала опасность скатиться к простому дерганию за ниточки и заключению политических “сделок” — предмет, о котором люди в Америке знают так много, что нет необходимости распространяться на нем; и затем, существовала практическая трудность, связанная с различиями во мнениях в обществе, которые могли бы привести к краху, если бы потворствовали политическим действиям. Я могу сразу сказать, что эти трудности сохраняются и будут продолжаться, хотя они пока не привели к сбоям. В обществе есть закоренелые дергачи за ниточки, и есть те, кто выступает за независимую лейбористскую партию, те, кто хочет проникнуть в ряды радикалов и постепенно привлечь их на свою сторону; и есть даже несколько человек, которые, как между двумя партиями, предпочитают тори радикалам. Первый политический шанс для Фабианского общества представился на выборах в совет лондонского графства в 1889 году, когда передовая партия в Лондоне сделала обществу комплимент, присвоив всю его брошюру “Лондонская программа” и сделав ее прогрессивной платформой кампании. Прогрессисты выиграли эти выборы, и они выиграли их по “Лондонской программе”. Еще более поразительной была победа прогрессистов в 1892 году, когда Умеренная или Консервативная партия была почти уничтожена на выборах. Фабианское общество предложило Лондону свою программу реформ; и реформы были направлены на то, что сейчас модно называть муниципальным социализмом. На вторых выборах в совет графства несколько фабианцев были кандидатами, и четверо из них действительно были избраны; в то время как пятый, Бен Тиллетт, лидер лейбористов, впоследствии был назначен олдерменом. Три члена общества оказались грозными, хотя и неудачливыми кандидатами на парламентских выборах два года назад. Значительное число членов общества входят в местные муниципальные советы и школьные советы, а еще один вел очень заметную парламентскую борьбу в течение прошлого года. Таким образом, ясно, что общество в значительной степени является *очевидным*.

Что касается общей программы работы, в которой предполагается более или менее активное участие членов, я могу процитировать напечатанные рекомендации, данные членам относительно того, что они могут сделать. Прежде всего, настаивается на “необходимости изучения”. Предполагается, что член общества будет читать все публикации общества; и настоятельно рекомендуется, чтобы его следующей обязанностью было ознакомление с критикой другой стороны в манере Цицерона, который всегда старался аргументировать позицию своего оппонента. Если член клуба не может читать или заниматься самостоятельно, ему рекомендуется создать местный кружок чтения и обратиться к секретарю за литературой для кружка. Никакая общественная работа не должна проводиться до тех пор, пока это самообразование не будет завершено, и член клуба действительно не сможет говорить авторитетно и эффективно вести себя с оппонентом. Противниками социализма в Англии обычно являются лица, направляемые организацией под названием Лига защиты свободы и собственности, членом которой является американский миллионер мистер Астор, ныне владелец лондонской газеты Тори. Эти люди, как правило, обладают замечательной способностью выставить себя дураками; тем не менее, недооценивать способности своего оппонента всегда является тактической ошибкой, и лекторам Фабиана рекомендуется предполагать, что эти защитники свободы и собственности знакомы с экономикой, даже если есть веские основания подозревать, что это не так. Ничто так не убивает, как насмешка; повесить невежественного и самонадеянного участника дебатов и выставить его дураком перед большой аудиторией - источник удовольствия для каждого здравомыслящего человека. Членам общества также настоятельно рекомендуется переписываться со своим представителем в парламенте или муниципалитете по всем жизненно важным вопросам, до смерти беспокоить его, если он упрям, недалек или нечестен, и заставлять его, подобно поэту, тосковать по домику в какой-нибудь обширной глуши, где он, возможно, никогда в жизни не получит другого письма или вотума порицания. Это хороший способ бороться с тем, что Уолт Уитмен называет “бесконечной дерзостью избранных лиц”. Член церкви всегда должен присутствовать на собрании местного собрания и делать там все, что в его силах; и если у него есть свободное время, он должен быть кандидатом на любой государственный пост, такой как член парламента, окружного или муниципального совета, школьного совета, попечитель бедных или член приходского совета, который еще не сформирован. Большая трудность на этом пути заключается в том, что этим общественным деятелям в Англии не платят, и лишь немногие из занятых и небогатых членов Фабианского общества могут позволить себе уделять время этим вещам.

Описав таким образом устройство, работу и общий характер Фабианского общества, позвольте мне поговорить об общих интеллектуальных силах, которые действовали в Англии, чтобы вызвать этот новый политический рост среди активных молодых людей; ибо это совершенно ново. Мое первое знакомство с чем-либо, что можно было бы по праву назвать социализмом в Англии, состоялось в Лондоне в 1879 году, когда однажды вечером я пошел послушать, как молодой джентльмен-еврей, ныне покойный, мистер Монтефиоре, читал доклад о немецком социализме перед Лондонским диалектическим обществом. Мистер Монтефиоре обладал весьма скудными знаниями в своем предмете, и нам пришлось ждать выступлений немецкого друга Маркса, проживающего в Лондоне, и молодого, мечтательного вида мужчины с длинными, густыми, взъерошенными волосами, которого, как я узнал, звали мистер Эрнест Белфорт Бакс, с тех пор более известный как немецкий социалист. плодотворный писатель о социализме с революционной, марксистской точки зрения. В то время в Лондоне не было ни

одного молодого человека, заинтересованного или выступающего за что-либо подобное социализму, за исключением мистера Бака. Сейчас их сотни. Каковы причины перемен?

(1) Исчерпание старого либерализма и явно неудовлетворительный характер простого республиканизма. И здесь американские читатели должны позволить мне быть откровенным, сказав, что Соединенные Штаты, казалось, преподали миру наглядный урок неспособности простого республиканства решить хотя бы один из наших социальных вопросов. Четверть века назад Американская республика была путеводной звездой передовой английской политической мысли. Сейчас это не так: искренность вынуждает меня сказать это. Это не просто вопрос машинной политики, политической коррупции, всемогущего партийного босса; хотя бездейственным американцам, которые ничего не делают для свержения этого чисто политического зла, следует напомнить, что Европа, так же как и Америка, вовлечена в это и должна заплатить за свою трусость и безразличие. Но сверх этого стоит великий факт разделения на богатых и бедных, миллионеры на одном конце, бродяги на другом, беспрецедентный рост монополий, кризисы, порождающие крайнюю нищету, как в Европе. Эти факты ясно доказали людям, что новые институты бесполезны наряду со старыми формами собственности; что простая теоретическая демократия, не сопровождающаяся никакими социальными изменениями, является заблуждением и ловушкой. Результатом этого является то, что старый энтузиазм по поводу простого республиканизма угас, и что, хотя двадцать пять лет назад в Англии было немало республиканских клубов, сейчас от них не осталось ни одного.

(2) Второй причиной я считаю появление нового духа в литературе. Благородный, традиционный, утонченный вид романтической литературы начал вымирать, а мощная реалистическая школа начала привлекать умы мужчин. Было желание узнать вещи такими, какие они есть, оценить глубину в море социальных страданий, покончить с притворством и перейти к реальности. Русские писатели с их сильными социалистическими чувствами привлекали огромное количество читателей, которые, казалось, находили в них что-то совершенно новое и безмерно могущественное. Я бы назвал среди отдельных писателей, которые мощно способствовали росту, я не говорю о самом социализме, но о чувстве, на почве которого социализм легко развивается, Диккенса, Виктора Гюго, Карлайла, Уитмена, Рескина, Толстого, Золя и Арнольда. Любопытный и пестрый список, скажете вы, и это так; но я уверен, что каждый из этих великих писателей внес свой особый вклад в расширение и освобождение умов, которые сформировались, скажем, за последние двадцать лет. Ибо среди всех этих писателей, какими бы разнообразными они ни были, именно социальное чувство является самым мощным импульсом.

(3) Вместе с новой литературой выросло новое чувство искусства, сильная ненависть ко всему самодовольному и респектабельному, а также любовь к тому, чтобы быть окруженным привлекательными объектами. Раскин, Моррис и Уолтер Крейн показали, почему истинный художник находится в состоянии войны с коммерциализмом, с представлением о том, что вещи должны производиться ради прибыли, независимо от того, какие мерзости из них получаются. Представление о том, что ни один человек не имеет права создавать в мире какие-либо уродливые объекты, особенно ради извлечения из этого выгоды, овладело богатым воображением молодых людей из наших культурных слоев.

(4) В-четвертых, старая политическая экономия в Англии абсолютно мертва, хотя, возможно, вы и не догадываетесь об этом от некоторых английских авторов-экономистов. Влияние немецкой

мысли в этой области, как и в других областях, повлияло на умы людей. Возьмем серию книг, подобную серии "Социальные науки", изданной Зонненшайном; половина этих книг социалистические, а двадцать лет назад это было бы невозможно. О "Фабианских очерках социализма" можно сказать, что издатель, так же как и Общество, получил от этого большую прибыль. Я упоминаю такие произведения, как эти, а не романы вроде "Новостей из Ниоткуда" Морриса или "Оглядываясь назад" Беллами. Очарования стиля Морриса и изобретательности повествования Беллами было бы достаточно, чтобы объяснить их успех; но популярность этих других работ отражает серьезный интерес к передовой экономике, который вполне может считаться поразительным, если принять во внимание старые закостенелые предрассудки ортодоксальной английской экономики.

(5) *Невмешательство* в индивидуалистическую политическую философию умерло. Напрасно бедный мистер Герберт Спенсер пытается остановить этот поток. Его политические идеи уже устарели, как Ноев ковчег. Я не знаю ни одного молодого человека в Англии, на которого они оказали бы хоть малейшее влияние, хотя иногда о нем можно услышать, точно так же, как о чуде в дешевом музее. Для всех практических целей философский радикализм, как его называли, вымер, как дронг.

(6) Есть еще одна причина, которую нельзя игнорировать, хотя я говорю о ней с некоторой нерешительностью, поскольку намеренно избегаю, насколько это возможно, сложных вопросов религии и более глубокой этики. Я имею в виду, что старый дуализм с его убеждением в потусторонности ушел за борт. Каковы бы ни были теоретические взгляды людей на многие трансцендентные материи, сейчас существует общее ощущение, что мир един, и что реальная жизнь здесь такая же священная, нормальная, хорошая, какой она когда-либо была или когда-либо будет в любом гипотетическом прошлом или будущем; что если для нас есть какой-то рай, мы должны его создать, и что такой рай - это состояние ума, человеческих отношений, а не место, которого можно достичь в определенный период времени. Возможно, я могу процитировать красноречивые слова Уильяма Морриса из его "Сна о Джоне Болле": "Общение - это рай, а отсутствие общения - это ад". Я говорю, что эта идея является мощным фактором, приводящим умы молодых людей к взглядам, о которых я говорю. Но люди не полностью подвержены влиянию своих теоретических или даже духовных идей; они также движимы, и до тех пор, пока у них есть материальные тела, которые нужно кормить и одевать, они будут продолжать двигаться, руководствуясь чисто эгоистическими и экономическими соображениями. Давайте никогда не будем обманываться, полагая, что одни только альтруистические чувства побудят людей к большим социальным изменениям; эгоистические соображения также побудят их, желание самосохранения будет действовать наряду со стремлением к лучшему и более гармоничному социальному порядку, чем тот, который существует. Капиталистическая монополия сказывается не только на рабочих классах; она сказывается и на образованных средних классах, которые не входят в монополию. Они обнаруживают, что пути получения средств к существованию и повышения квалификации закрываются для них один за другим; и по мере распространения образования это будет становиться все более и более очевидным. Когда небольшое количество людей в большом сообществе высокообразованны, они обладают тем, что экономисты называют монопольной ценностью; они могут получать хорошую цену за свои услуги, потому что они обладают чем-то, чем обладают немногие люди. Распространяйте это высшее образование, и монополия будет разрушена. Примерно это происходит в обществе; демократия уравнивает всех до общего уровня, каким бы постепенным ни был процесс; и, следовательно, высокообразованные люди с

их особыми способностями обнаруживают, что их уровень вознаграждения становится все ниже и ниже, если только они не обладают каким-нибудь редким даром гения, как Сара Бернар в актерском мастерстве, Падеревски в игре, Стивенсон в рассказывании историй, Маскани в качестве композитора. Эти редкие люди все еще обладают своей монопольной ценностью, но для остальных она исчезла. Таким образом, современное развитие, возможно, даже в большей степени, чем рабочее, сильнее всего пострадало от образованных молодых мужчин среднего класса (и молодых женщин тоже). Пятьдесят лет назад вы могли бы собрать всех журналистов Лондона в одной комнате средних размеров. Сегодня, по общим данным, их насчитывается около десяти тысяч. Каждый, у кого есть ручка, чернила, бумага и хоть какая-то способность печатать “копию”, является журналистом; и вы сразу видите, что все эти люди не могут зарабатывать себе на жизнь. Они этого не делают и не могут. Есть множество высокообразованных людей, которые ежедневно работают в Британском музее по восемь-девять часов в день и зарабатывают меньше, чем механик при постоянной работе. Это одинаково для всех профессий. Только пятнадцать процентов лондонских адвокатов вообще получают справки; остальные восемьдесят пять процентов не получают ничего. В медицинской профессии то же самое. Премии получают около пяти процентов специалистов; что касается среднего медика в пригороде Лондона, то расценки настолько снижены, что, по достоверным сведениям одного из них, который учился в Кембридже и Гейдельберге и на чье образование были потрачены сотни фунтов, плата за посещение врача и выписывание рецептов в его пригороде была снижена до двадцати пяти центов. Будет видно, что речь идет не о зарабатывании денег или об отвратительном продвижении к самодовольной респектабельности, которое известно как “продвижение вперед”, — это положительно вопрос простого существования. Теперь, в то время как рабочий, который никогда не знал комфорта, чей отец никогда не знал его до него, часто может выносить ужасающую нищету, не впадая в отчаяние, хорошо воспитанный молодой человек не может; и в результате самое острое и опасное недовольство исходит от образованных классов, которые ведут за собой социалистические массы по всей Европе. Некоторые поверхностные люди думают, что лекарство можно найти в том, чтобы побудить молодых людей из лучших классов отказаться от так называемых “респектабельных” занятий и заняться физическим трудом. Пусть они во что бы то ни стало перестанут быть “респектабельными”, но пусть никто не льстит себе за то, что это, при существующих экономических условиях, является каким-либо решением. Ибо в чем сейчас сложность ручного труда? Почему тысячи тех, кто уже занят им, никому не нужны; это трудность безработных, трудность перепроизводства. В 1886 году, согласно Отчету Вашингтонского статистического бюро, в Соединенных Штатах насчитывалось по меньшей мере полтора миллиона безработных мужчин; и такое положение вещей почти, если не совсем, соответствовало 1893 году. В Лондоне нехватка рабочих мест носит хронический характер и достигает таких огромных масштабов, что наши трусливые, слепые общественные деятели не осмеливаются бороться с этим. В Австралии безработные тысячами выходят на улицы Мельбурна. В таком случае, насколько абсурдно предлагать увеличить число работающих, когда те, кто уже состоит в рядах, не могут найти средств к существованию! Увы, есть один метод, открытый для мужчин, как всегда есть один метод, открытый для искушенных, обнищавших женщин, — метод того, что я мог бы назвать интеллектуальной проституцией; и многие входят в эти ворота. Больные и измученные нищетой и борьбой, которые сопровождают честность, способные молодые люди сознательно продадут себя капиталисту, который загнал в угол нашу интеллигенцию, как он загнал в угол наше материальное производство, и будут служить ему, зарабатывая на жизнь. Сколько людей, которых я знал, выбрали этот путь! — и я не

могу их винить, потому что они вынуждены идти по нему из-за условий современной жизни. Бесплезно проповедовать им прекрасную мораль; условия жизни должны быть приспособлены к человеческой природе такими, какие они есть, ибо человеческая природа, можете быть совершенно уверены, не будет внезапно трансформироваться в соответствии с условиями. Итак, таковы экономические мотивы, которые в сочетании с моральными и интеллектуальными мотивами, о которых я говорил ранее, толкают образованных и воспитанных молодых людей в ряды социалистов и которые особенно действуют в случае такого органа, как Фабианское общество.

Читатели, вероятно, спросят к этому времени, не собираюсь ли я изложить настоящую политическую программу или “платформу”, как это называют в Америке, Фабианского общества. Да, это именно то, что я собираюсь сделать. Поскольку Фабианское общество считает, что социальные преобразования должны быть постепенными, если только не произойдет всеобщий крах, оно предлагает ряд реформ для осуществления постепенного преобразования общества в действительно социал-демократическое государство. Но эти реформы, как следует понимать, проводятся с определенной целью, и в этом факте заключается вся разница между принципиальными людьми и простыми оппортунистами, у которых нет иной цели, кроме как набить собственные карманы. Итак, ниже приведены основы политической платформы Фабиана: Избирательное право для взрослых, парламентское и муниципальное, один голос за каждого мужчину и каждую женщину в возрасте двадцати одного года и старше, которые не находятся в тюрьме или сумасшедшем доме. Второе голосование, как во Франции, Германии и Швейцарии, так что тот, кто будет избран, получит абсолютное большинство набранных голосов. Оплата членов штатом и избирательных расходов округом (следует помнить, что в настоящее время представителям в Англии не платят). Налогообложение незаработанных доходов такими средствами, как земельный налог, высокие пошлины в случае смерти, взимаемые муниципалитетами, и прогрессивный подоходный налог. Муниципализация земли и местной промышленности, чтобы бесплатная и почетная работа в муниципалитете могла быть заменена частной благотворительностью, которая, если перефразировать известную строчку Шекспира, дважды проклята— проклят тот, кто дает, и тот, кто берет. Все обучение на всех курсах должно осуществляться за государственный счет, включая обучение по учебным пособиям и книгам. Национализация всех каналов и железных дорог, чтобы автомобильные дороги общего пользования могли принадлежать населению, как это всегда было до новой эры пара, когда они попали в руки капиталистов. Платить мистеру Вандербильту, если вы хотите поехать из Нью-Йорка в Чикаго, так же нелепо, как платить ему, если вы хотите прогуляться по Пятой авеню. Восьмичасовой рабочий день для наемных работников во всех государственных и муниципальных учреждениях, во всех монополиях, таких как угольные шахты и железные дороги, и во всех отраслях промышленности, где этого хотят рабочие. Приходские советы для рабочих, обладающие обязательными полномочиями приобретать землю для строительства жилья, управлять школами и благотворительными организациями, а также заниматься кооперативным сельским хозяйством.

Такова программа, благодаря принятию которой Фабианское общество верит, что страна, некогда называвшаяся “веселой Англией”, но большая часть которой сейчас уныла, убога и погрязла в бедности, может снова стать по-настоящему счастливой и превратиться в страну настоящей, а не мнимой свободы. А теперь несколько слов в заключение по важному вопросу — отношению интеллектуального пролетариата, как его называли, к массам, образованной молодежи к основной массе рабочего класса. Большинство членов Фабианского общества -

образованные люди среднего класса, хотя есть и рабочие, связанные с ним. Каково должно быть отношение этих образованных представителей среднего класса к кишашим массам рабочих? Это жизненно важный социальный вопрос, самый насущный, который стоит перед нами непосредственно. Каждый помнит, что Мэтью Арнольд сказал в Америке, что спасение современного общества находится в руках остатка. Я был бы склонен сформулировать это несколько иначе и сказать, что, если социальная эволюция должна быть мирной и рациональной, она должна осуществляться путем объединения образованного остатка с массами трудящихся. Американский оптимизм может раздражать маленькое слово “если”. Можете ли вы спросить, есть ли какие-либо сомнения в том, что мы будем жить процветающе и мирно? Я отвечаю: да, есть вполне веские основания сомневаться в этом. Как сказал мистер Пирсон, автор замечательной книги “Национальная жизнь и характер”, которая произвела на нас в Англии очень глубокое впечатление, древняя цивилизация во времена Антонинов казалась такой же незыблемой и сильной, как и наша, более того, более сильной, поскольку она, в основном, просуществовала столько веков, сколько наша просуществовала десятилетий.

Крепкой была его рука, каждый нерв и косточка казались мощными и живыми.

Если бы вы предсказали тогда римскому сенатору, что великолепные греко-римские города будут преданы огню, а римский сенат и легионы будут растоптаны невежественными ордами варваров, он бы улыбнулся, предложил вам еще чашу фалернского вина и сменил тему. И все же мы знаем, что это произошло; и я признаюсь, что не вижу в нашей грибной цивилизации ничего, что мы имели бы какое-либо особое право рассматривать как более долговечное по своей сути, чем сложный и величественный организм римской юриспруденции. Но варваров нет! Да, они есть; но они не вне нас, они среди нас. Неужели вы полагаете, что мрачная жертва сокрушительной нищеты на лондонском чердаке или в берлинском подвале ничуть не дорожит всем наследием мировой мысли, которое привлекает высокообразованных людей? Как сплотить эти огромные массы бедных людей в огромную фалангу, заставить подчинить свои страсти требованиям разума, смотреть не только на потребности текущего момента, но и на потребности следующего года, осознать, что мир нельзя переделать за один день, но все же его можно перестроить так, чтобы дать все возможности жить так, как подобает людям? Глупые люди всегда несут чушь об опасности “агитаторов”. Я знаю все об агитаторах. Я знаю почти каждого видного агитатора в Великобритании; и я могу с уверенностью сказать, что именно агитаторам приходится сдерживаться, чтобы удержать людей от опрометчивых и даже безумных действий. Отчет о каждой английской забастовке показал бы, что это было так. Если заставить замолчать всех профсоюзных лидеров и агитаторов, это было бы самое худшее, что могло случиться с классом капиталистов. Массы в настоящее время, в лучшем случае, представляют собой армию рядовых без офицеров. Это не их вина; это их несчастье. У них не было той подготовки, той культуры, которая позволяла бы им встречаться с богатыми мужчинами и их агентами на равных. Один английский государственный деятель, чье имя известно во всем мире, не так давно сказал мне в частном порядке: “Все лейбористы здесь, в Палате общин, хорошие ребята, но они бесполезны как лидеры; главные деятели любой из партий могут с величайшей легкостью обвести их вокруг пальца. Если рабочее движение хочет быть успешным, им должны руководить образованные люди”. Я верю, что этот вердикт одного из самых способных и наиболее информированных общественных деятелей из ныне живущих справедлив. На что это указывает? На союз культуры с трудом, на реформирование этой плохо

слаженной системы. Только, заметьте, это должен быть союз на равных условиях. Высокого снисхождения со стороны культуры должно быть не больше, чем низменного корыстолюбия со стороны рабочей силы. Это должно быть равноправное партнерство, когда каждый партнер признает, что у другого есть то, что ему нужно. И позвольте мне сказать, как человеку, знающему рабочих, что в определенном и очень реальном смысле культуре есть чему поучиться у труда, как и труду у культуры. Пусть культурный человек обращается к трудящемуся на совершенно равных условиях, сердечно и открыто; и пусть оба объединятся, чтобы освободить стонущий мир от оков богатства. Английский опыт показывает, что это возможно; и эта идея в очень большой степени является *идеей матери* Фабианского общества, у членов которого нет более высоких амбиций, чем свободно общаться с рабочими и участвовать в общей жизни. Таким образом, ненависть и подозрительность, испытываемые французскими и немецкими рабочими по отношению ко всякому, кто носит черное пальто, устраняются, и как труд, так и культура приобретают широту, знания и сочувствие, а дело рационального прогресса становится более безопасным. Уолт Уитмен рассказал нам в “Листьях травы”, как он “свободно общался с влиятельными, необразованными людьми” — евангелие, которое, как говорит нам мистер Джон Аддингтон Саймондс в своем эссе об Уитмене, спасло его от ханжества. И это евангелие свободного общения с так называемыми “простыми людьми”, которые не являются ни святыми, ни великими грешниками, но настоящими мужчинами, более реальными, чем может позволить себе обычный представитель среднего класса, - самый здоровый совет, который я могу дать образованным людям.

ФАБИАНСКИЕ ОЧЕРКИ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Эссе, включенные в этот том, были подготовлены в прошлом году в качестве курса лекций для чтения перед смешанной аудиторией в Лондоне и провинциях. Они были переработаны для публикации, но не переработаны. Вопрос ставится не так, как автор поставил бы его перед студентом, а так, как оратор, имеющий в своем распоряжении всего час, должен изложить его аудитории. Сельские читатели могут воспринять эту книгу как образец пропаганды, проводимой лекторами-волонтерами в рабочих клубах и политических ассоциациях Лондона.^[1] Столичные читатели получают преимущество в том, что станут независимыми от критиков в прессе, встретившись лицом к лицу с авторами, сняв с их личности печатный покров, подвергнув перекрестному допросу, критике, призвав их к ответу в обстановке, которая не внушает благоговения, и перед самой терпеливой аудиторией. В любой воскресной газете, содержащей список лекций, будет показано, где некоторые, если не все, из семи эссеистов могут быть услышаны просто так; и во всех таких случаях вопросы и обсуждение являются частью процедуры.

Проектирование и координация этих лекций не является работой какого-либо отдельного человека. Номинальный редактор - это всего лишь член организации, которому поручено организовать публикацию статей и просмотреть их в прессе с соблюдением всех необходимых редакционных церемоний. Все, что обычно подразумевается под авторством и редактированием книги, в данном случае было сделано семью эссеистами, входящими в Исполнительный совет Фабианского общества; и ни одно из эссе не могло бы быть тем, что оно есть, если бы автор был незнакомцем для своих шести коллег и Общества. Но не было никакой жертвы индивидуальностью - никакой попытки вычеркнуть каждую фразу и мнение, ответственность за которые не взял бы на себя каждый из семерых. Если бы разделы были распределены по-другому, к ним относились бы по-другому, хотя конечный результат, вероятно, был бы тем же самым. Все авторы - социал-демократы, разделяющие общее убеждение в необходимости передачи организации промышленности и производственных материалов государству, отождествляемому со всем народом посредством полной демократии. Но это убеждение не свойственно никаким индивидуальным предубеждениям: это Столица, к которой ведут все дороги; и по крайней мере семь из них представлены в этих эссе Фабиана; так что читателю не нужно бояться угнетения здесь, как и в социализированном государстве будущего, господством одного определенного склада ума.

В настоящее время нет авторитетных учителей социализма. Эссеисты не претендуют на то, чтобы быть чем-то большим, чем просто коммуникабельными учениками.

Лондон, декабрь 1889 года.

СНОСКИ:

[1] В год, закончившийся в апреле 1889 года, количество лекций, прочитанных только членами Фабианского общества, превысило 700.

ОСНОВА СОЦИАЛИЗМА.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ.

Г. БЕРНАРД ШОУ.

Любой экономический анализ начинается с возделывания земли. Мысленному взору астронома земля - это шар, вращающийся в космосе без каких-либо скрытых мотивов. Для физического взора первобытного земледельца это обширная зеленая равнина, на которой, воткнув в нее лопату, можно вырастить пшеницу и другие съедобные продукты. Искушенному горожанину эта обширная зеленая равнина кажется скорее отличным игровым столом, ваши шансы в игре зависят главным образом от места, где вы делаете свои ставки. Опять же, для экономиста зеленая равнина - это своего рода место захоронения спрятанных сокровищ, где вся предусмотрительность и трудолюбие человека сведены на нет капризом власти, спрятавшей сокровище. Мудрый и терпеливый работник вонзает здесь свою лопату и при тяжелом труде не может обнаружить ничего, кроме плохого качества ячменя, небольшого

количества картофеля и обилия крапивы с несколькими листьями щавеля для лечения своих укусов. Глупый расточитель по другую сторону изгороди, лениво созерцающий сверкающий на солнце песок, внезапно понимает, что земля предлагает ему золото - танцует им перед его вялыми глазами, чтобы оно не ускользнуло от него. Другой человек, ищущий еще немного этого заманчивого золота, натывается на огромные запасы угля или добывает нефть. Так насмехается над человеком Земля, его мачеха, и, когда он тянет ее сжатую ладонь, он никогда не знает, что там - алмазы или кремни, хорошая красная пшеница или несколько глинистых и гнилых кочанов капусты. Таким образом, он тоже становится игроком и насмехается над теоретиками, которые разглагольствуют о трудолюбии, честности и равенстве. И все же он вечно восстает против этой судьбы. Ибо, поскольку в азартных играх многие должны проигрывать, чтобы немногие могли выиграть; поскольку нечестность - это просто стремление ухватиться за тень там, где нечестны все; и поскольку неравенство горько для всех, кроме высших, и ему ужасно одиноко, люди начинают сильно желать, чтобы эти капризные дары Природы были перехвачены каким-нибудь агентством, обладающим властью и доброй волей справедливо распределять их в соответствии с трудом, проделанным каждым в их коллективном поиске. Это желание есть социализм; и в качестве средства для его осуществления социалисты изобрели коммуны, королевства, княжества, церкви, поместья и, наконец, когда все они уступили старому духу азартных игр, социал-демократическое государство, которое еще предстоит испытать. В противоположность социализму, дух азартных игр побуждает человека не позволять сопернику встать между его личными силами и Мачехой-Землей, а скорее заполучить несколько акров ее земли и воспользоваться шансом получить алмазы вместо капусты. Это Частная Собственность, или несоциализм. Наш собственный выбор подтверждается нашим постоянным стремлением обладать собственностью, нашим общим почитанием ее как священной, нашим выделением слова "Респектабельный" для тех, кто ее приобрел, нашим приписыванием исключительной религиозности заповедям, запрещающим ее нарушение, и нашим отождествлением закона и порядка среди людей с их защитой. Поэтому для живого познания нашего общества жизненно важно, чтобы частная собственность была известна на каждом этапе ее развития, от истока в алчности до конца в смятении.

Давайте в манере политэкономиста проследим последствия заселения страны частной собственностью с ненарушенным законом и порядком. Представьте себе бескрайнюю зеленую равнину девственной страны, ожидающей пришествия человека. Представьте себе тогда прибытие первого колониста, первородного Адама, превратившегося за столетия цивилизации в Адама Смита, в поисках подходящего участка частной собственности. Адам, как в принципе предполагает политическая экономия, находится "в процессе становления"; поэтому он вонзает свою лопату в самый плодородный и благоприятно расположенный участок, который только может найти, и возводит свой частоклад вокруг него. Политическая экономия, вдохновленная этим зрелищем на пророчество, метафорически представляет маленький участок возделывания Адама как пруд, который еще поднимется и затопит всю землю. Давайте не будем забывать этот троп: он является ключом к постоянно повторяющейся фразе "граница культивации", в которой, как теперь можно понять, таится немного неожиданной поэзии. И действительно, вскоре лужа растекается. Приходят другие Адамы, все в процессе становления, и поэтому все стараются занять участки, максимально приближенные к участку первого Адама, отчасти потому, что он выбрал наилучшую ситуацию, отчасти ради удовольствия от его общества и беседы, а отчасти потому, что там, где два человека собраны вместе, существует власть двух человек, которая намного больше, чем двойная власть одного человека,

действительно в некоторых случаях это совершенно новая сила, полностью разрушающая идиотскую общую гипотезу о том, что общество - это не более чем сумма составляющих его единиц. Эти Адамы тоже приводят своих Каинов и Авелей, которые не убивают друг друга, а просто захватывают соседние участки. И так бассейн поднимается, а края все больше и больше удаляются от центра, пока бассейн не превратится в озеро, а озеро - во внутреннее море.

Арендная плата.

Но в ходе этого наводнения начинают действовать капризы Природы. Та особо плодородная область, на которой остановился Адам, рано или поздно полностью опустошается; и новоприбывшему не на что опережать, кроме почвы второго качества. И снова между соседями Адама наступает разделение труда; и вместе с ним, конечно, возникает рынок для обмена продуктами их разделенного труда. Сейчас нехорошо находиться далеко от этого рынка, потому что расстояние от него сопряжено с дополнительными расходами на дороги, вьючных животных, время, затрачиваемое на дорогу туда и обратно. Все это будет сохранено Адаму в центре культивации и понесено вновь прибывшим на окраине культивации. Давайте оценим годовую стоимость продукта Адама в 1000 фунтов стерлингов, а годовой продукт земли новичка на границе возделывания - в 500 фунтов стерлингов, предполагая, что Адам и новичок одинаково трудолюбивы. Здесь очевидное преимущество в размере 500 фунтов стерлингов в год для первого пришедшего. Эти 500 фунтов стерлингов - экономическая рента. Совершенно не важно, что это просто разница в доходах, а не явный платеж арендатора арендодателю. Оба мужчины трудятся одинаково, и все же один получает на 500 фунтов стерлингов в год больше, чем другой, благодаря превосходящему плодородию своей земли и удобству ее расположения. Избыток, обусловленный этим плодородием, является рентой; и вскоре мы обнаружим, что он признан таковым и выплачивается привычным для нас способом. Ибо почему бы Адаму не сдать свой участок новичку за арендную плату в 500 фунтов стерлингов в год? Поскольку продукт будет стоить 1000 фунтов стерлингов, у вновь прибывшего останется 500 фунтов стерлингов для себя, или столько, сколько он мог бы получить, обрабатывая свой собственный участок на окраине; и, кроме того, приятнее находиться в центре общества, чем на его окраине. Новоприбывший сам предложит такое соглашение; и Адам может уйти на пенсию как праздный домовладелец с бессрочной пенсией в размере 500 фунтов арендной платы. Избыток плодородия на земле Адама отныне признается арендной платой и выплачивается, как и сегодня, регулярно работником трутню. Я надеюсь, что теперь можно привести несколько примеров того, как наши экономисты описывают эту простую и доходчивую транзакцию, не опасаясь, что они окажутся такими трудными, какими они представляются в учебниках, из которых я их скопировал.

Стюарт Милль[2] говорит, что “земельная рента состоит из превышения ее доходности над доходностью самой плохой земли при обработке”. Фосетт[3] говорит, что “земельная рента представляет собой денежную стоимость преимуществ, которыми обладает такая земля по сравнению с наихудшими для обработки участками”. Профессор Маршалл[4] говорит, что “рента участка земли - это превышение его продукции над продукцией соседнего участка земли, который вообще не обрабатывался бы, если бы за него платили ренту”. Профессор Сиджвик[5] осторожно формулирует, что “нормальная рента с *акра* любого участка” [земли] “является превышением стоимости производимой продукции над стоимостью чистого продукта с *акра* наименее выгодной земли, которую выгодно обрабатывать”. Генерал Уокер[6] заявляет, что “в частности, арендная плата за любой участок земли определяется разницей между его

годовой доходностью и доходностью наименее продуктивной земли, фактически обрабатываемой для снабжения того же рынка, при этом предполагается, что качество земли как производственного агента ни в коем случае не ухудшается и не улучшается в результате такой обработки". Все эти определения предлагаются авторами как развитие того, что дал их учитель Рикардо,^[7] который говорит: "Рента - это та часть продукции земли, которая выплачивается землевладельцу за использование изначальных и неразрушимых свойств почвы".

Семья графства.

Давайте вернемся в нашу идеальную страну. Адам уходит из производственной сферы с доходом в 500 фунтов стерлингов в год; и его соседи спешат последовать его примеру, когда появляются новые арендаторы. Первый результат - это начало традиции, согласно которой старейшие семьи в стране занимают более высокое положение по сравнению с остальными и что главное преимущество их более высокого положения заключается в том, что они получают доход, не работая. Тем не менее, поскольку они по-прежнему зависят от труда своих арендаторов в плане средств к существованию, они продолжают оплачивать Труд с большой буквы; и возникающая в результате ассоциация процветания с праздностью, а похвалы с трудолюбием практически разрушает мораль, устанавливая ту несовместимость между поведением и принципами, которая является секретом укоренившегося цинизма нашего времени и которая порождает любопытный рикардианский феномен делового человека, который ходит по воскресеньям в церковь с регулярностью деревенского кузнеца, чтобы там отречься перед своим Богом от рода занятий. поведение, которого он намерен добиваться изо всех сил в течение следующей недели.

Согласно нашей гипотезе, внутреннее море земледелия в настоящее время распространилось на дикую местность так далеко, что на его границе годовая отдача от труда человека составляет всего 500 фунтов стерлингов. Но поскольку в этом море всегда бывает прилив, вызванный непрерывным увеличением населения, граница на этом не остановится; в конце концов, она охватит каждый акр пригодной для обработки земли, поднимаясь до линии снега в горах и опускаясь до побережья настоящего моря с соленой водой, но всегда достигая самых бесплодных мест в последнюю очередь, потому что земледельцы все еще, как всегда, находятся на подъеме и не будут рыть плохие земли, когда есть лучшие. Но предположим, что теперь, наконец, достигнут крайний пояс свободной земли и что на нем годовой доход от труда человека составляет всего 100 фунтов стерлингов. Очевидно, что теперь арендная плата за первобытный участок Адама возросла до 900 фунтов стерлингов, поскольку это превышение его продукции над тем, что к этому времени является всем, что можно получить бесплатно. Но Адам уступил свою землю арендатору за 500 фунтов стерлингов в год. Соответственно, именно этот арендатор теперь сдает участок Адама за 900 фунтов стерлингов в год новичку, который, конечно, ничего не теряет от этой сделки, поскольку у него остаются 100 фунтов стерлингов в год, которыми он все равно должен довольствоваться. Соответственно, он трудится на земле Адама; зарабатывает с нее 1000 фунтов стерлингов в год; сохраняет 100 фунтов стерлингов и платит 900 фунтов стерлингов арендатору Адама, который платит 500 фунтов стерлингов Адаму, оставляя 400 фунтов стерлингов себе, и таким образом также становится праздным джентльменом, хотя и с несколько меньшим доходом, чем у мужчины из более старой семьи. Фактически, дело дошло до того, что частная собственность на земле Адама разделена между тремя людьми, первый не выполняет никакой работы и получает половину продукта; второй не

выполняет никакой работы и получает две пятых продукта; а третий выполняет всю работу и получает только одну десятую продукта. Кстати, моралист, который наверняка где-то разглагольствовал о частной собственности, ведущей к поощрению промышленности, созданию здоровых стимулов и распределению богатства в соответствии с приложенными усилиями, разоблачается как бесполезный подслеповатый человек, исходящий *априори* из полного невежества и дедуктивно приходящий к простому противоречию и явной глупости.

Все это, однако, сущие пустяки по сравнению с продолжением. Когда внутреннее море достигнет своих границ, когда между бороздой и волной не останется ничего, кроме полоски песка вокруг берега, когда сами волны будут обработаны рыбаками, когда пастбища и лесные массивы коснутся линии снега, когда, короче говоря, вся земля станет частной собственностью, и все же каждый человек является собственником, хотя это может быть только на правах арендатора. Он пользуется фиксированным правом владения за так называемую справедливую арендную плату; то есть он живет так хорошо, как мог бы на земле, полностью принадлежащей ему. Всякая рента является экономической рентой; землевладелец не может ни повысить ее, ни понизить арендатор; она естественным образом определяется разницей между плодородием земли, за которую она уплачивается, и плодородием самой плохой земли в стране. По сравнению с миром, каким мы его знаем, такое положение вещей является свободой и счастьем.

Пролетариат.

Но в этот момент на земле появляется человек в странном положении — тот, кто бродит от линии снегов до морского побережья в поисках земли и не находит ничего, что не принадлежало бы кому-то другому. Частная собственность забыла об этом человеке. На дорогах он бродяга; вне их он нарушитель границы; он первый лишенный наследства сын Адама, первый пролетарий, тот, в семени которого еще будут благословлены все поколения земли, но который сам в настоящее время лишен пищи, бездомен, немощен, лишен необходимости и всего того, что превращает человека в бродягу или раба. И все же он по-прежнему человек с мозгами и мускулами, способный изобретать и осуществлять, способный властно распоряжаться землей, если бы он только мог получить к ней доступ. Но как получить этот доступ! Необходимость — мать Изобретательности. Возможно, этот второй Адам, праотец великого пролетариата, обладает одним из тех скудных мозгов, которые являются не последним из капризных даров Природы. Если плодородное поле приносит ренту, то почему не плодородный мозг? Вот первый участок Адама, все еще приносящий 1000 фунтов стерлингов в год труду арендатора, который, как мы видели, должен выплачивать 900 фунтов стерлингов арендной платы. Что, если бы пролетарий смело предложил этому человеку 1000 фунтов стерлингов в год за собственность? Очевидно, результатом стала бы голодная смерть пролетария, поскольку ему пришлось бы расстаться со всеми продуктами. Но что, если пролетарий сможет придумать — изобрести — предвидеть новую потребность — использовать землю в каких-то доселе немыслимых целях — извлекать 1500 фунтов стерлингов в год из почвы и участка, которые раньше приносили только 1000 фунтов стерлингов? Если он сможет это сделать, то сможет полностью оплатить арендную плату в размере 1000 фунтов стерлингов и оставить себе доход в размере 500 фунтов стерлингов. Это его прибыль — рента от его способностей — превышение их продукции над продукцией обычной глупости. Вот, значит, какая возможность предоставляется хитрому пролетарию, герою современного Плутарха, мистеру Сэмюэлю Смайлзу. Поистине, как сказал Наполеон, карьера открыта для талантливых. Но увы! социальный вопрос — это вопрос о судьбе

талантливых не больше, чем об идиотизме. При должном пополнении запасов земли приходит другой пролетарий, который не умнее других людей и может сделать столько же, но не больше, чем они. Для него не существует ренты за способности. Как же тогда ему правильно найти арендатора? Давайте посмотрим. Несомненно, что к этому времени не только новые устройства арендатора способностей будут скопированы людьми, неспособными их изобрести; но и разделение труда, использование инструментов и денег, а также экономика цивилизации значительно увеличат способность человека извлекать богатства из Природы. Все это увеличение принесет огромную выгоду владельцу права арендатора, поскольку его арендная плата представляет собой фиксированный платеж из продукции его хозяйства, а остаток принадлежит ему самому. Таким образом, добавление к продукции, не предусмотренное арендодателем, обогащает арендатора. Так что вполне может случиться, что урожайность земли на границе возделывания, которая, как мы видели, обеспечивает распределение урожая, оставляемого земледельцам на всей площади, может значительно возрасти. Предположим, что урожайность удвоилась; тогда наши старые друзья, которые платили 900 фунтов ренты и оставляли 100 фунтов себе, имеют теперь, хотя они все еще платят 900 фунтов ренты, 1100 фунтов для себя, общий объем продукции вырос до 2000 фунтов. Теперь у нашего неумного пролетария появилась возможность. Он вполне может предложить обрабатывать землю при условии оплаты, например, 1600 фунтов стерлингов в год, оставляя себе 400 фунтов стерлингов в год. Это позволит последнему обладателю права арендатора уйти на пенсию как праздному джентльмену, получающему чистый доход в размере 700 фунтов стерлингов в год и валовой доход в размере 1600 фунтов стерлингов, из которых он платит арендную плату в размере 900 фунтов стерлингов в год арендодателю, который снова платит главному арендодателю 500 фунтов стерлингов. Но следует отметить, что эти 700 фунтов стерлингов в год нетто не являются экономической рентой. Это не разница между лучшей и худшей землей. Это не имеет ничего общего с рентабельностью обработки. Это плата за привилегию вообще пользоваться землей — за доступ к тому, что сейчас является почти монополией; и ее размер регулируется не тем, что покупатель мог бы сделать для себя на своей собственной земле на окраине, а просто стремлением землевладельца бездельничать, с одной стороны, и потребностью пролетария в средствах к существованию, с другой. В текущих экономических условиях цена регулируется спросом и предложением. Поскольку спрос на землю усиливается с приходом новых пролетариев, цена растет; и сделки заключаются более жестко. Права арендатора, вместо того чтобы предоставляться бессрочно и, таким образом, навсегда обеспечивать арендатору прирост за счет непредвиденных улучшений в производстве, предоставляются по договорам аренды на ограниченный срок, по истечении которого арендодатель может пересмотреть условия или выгнать арендатора. Платежи растут до тех пор, пока первоначальная начальная арендная плата и арендная плата за прекращение работы не станут казаться незначительными по сравнению с доходами, получаемыми правообладателями промежуточных арендаторов или посредниками. Рано или поздно цена права арендатора вырастет настолько, что фактический земледелец будет получать продукции не больше, чем ему хватает на пропитание. На этом этапе заканчивается действие прав арендатора на субаренду. Поглощение земли пролетариями в качестве арендаторов, платящих больше экономической ренты, прекращается.

И что теперь делать следующему пролетарию? Для всех его предшественников мы нашли путь к спасению: для него, похоже, его нет. На двери висит доска с надписью "Осталось только свободное место"; и на ней вполне могла бы быть более поэтичная надпись: *"Ласкайте огни сперанцы, входите"*. Этот человек, родившийся пролетарием, должен умереть пролетарием и

оставить свою нищету в качестве единственного наследства своему сыну. Еще не ясно, хватит ли ему жизни на десять дней; ибо откуда ему брать средства к существованию, если он не может добраться до земли? У него должны быть еда и одежда; и то и другое как можно скорее. На рынке есть еда и одежда; но не даром: за это нужно платить звонкой монетой, и платить по факту, ибо тот, у кого нет собственности, не получает кредита. Таким образом, деньги являются жизненной необходимостью, а добыть их можно только путем продажи товаров. Это не представляет трудности для земледельцев, которые могут выращивать товары своим трудом; но пролетарий, будучи безземельным, не имеет ни товаров, ни средств их производства. Продать что-нибудь он должен. И все же ему нечего продавать - кроме самого себя. Идея кажется отчаянной, но осуществить ее оказывается довольно легко. У арендаторов, обрабатывающих землю, недостаточно сил или времени, чтобы исчерпать производительный потенциал своих владений. Если бы они могли покупать людей на рынке за меньшую цену, чем их труд прибавил бы к продукту, тогда покупка таких людей была бы чистой выгодой. Это действительно была бы лишь формальная покупка: люди буквально ничего бы не стоили, поскольку они производили бы свою собственную цену с избытком для покупателя. Никогда в истории купли-продажи покупатель не заключал такой великолепной сделки, как эта. Предложение дяди Аладдина о замене старых ламп новыми было по сравнению с этим сущим пустяком. Соответственно, как только пролетарий выставляет себя на продажу, он находит множество претендентов на него, каждый из которых стремится превзойти других, предлагая отдавать ему все больше и больше продуктов своего труда и довольствоваться все меньшим и меньшим избытком. Но даже у того, кто предложит самую высокую цену, должен быть некоторый избыток, иначе он не будет покупать. Пролетарий, принимая самую высокую цену, открыто продает себя в рабство. Он не первый человек, который сделал это; ибо очевидно, что его предшественники, приобретатели права арендатора, были поработаны собственниками, которые жили на выплачиваемую ими ренту. Но теперь вся маскировка спадает; пролетарий отказывается не только от плодов своего труда, но и от своего права думать самостоятельно и руководить своей промышленностью так, как ему заблагорассудится. Экономические изменения носят чисто формальный характер; моральные изменения огромны. Вскоре новая прямая торговля людьми охватывает весь рынок и занимает место, которое раньше занимала торговля правами арендаторов. Чтобы понять последствия, необходимо провести анализ товарного обмена в целом, поскольку рабочая сила сейчас находится на рынке на тех же условиях, что и любые другие товары, выставленные там на продажу.

Меновая стоимость.

Очевидно, что обычай обмена возникнет в первую очередь, как только люди перестанут обеспечивать каждый свои потребности собственным трудом. Человек, который сам делает свои столы и стулья, свою кочергу и чайник, свой хлеб с маслом, свой дом и одежду, - мастер на все руки и ни в чем не мастер. Он обнаруживает, что преуспел бы гораздо быстрее, если бы продолжал делать столы и стулья и обменивал их у кузнеца на кочергу и чайник, у пекарей и молочников - на хлеб и масло, а у строителей и портных - на дом и одежду. Делая это, он обнаруживает, что его столы и стулья стоят так много, что у них есть меновая стоимость, как это называется. Для общего удобства используется какой-нибудь подходящий товар для измерения этой стоимости. Мы устанавливаем золото, которое в данном конкретном случае называется деньгами. Производитель кресел определяет, сколько денег стоят его стулья, и обменивает их на это. Кузнец узнает, сколько денег стоят его кочерги, и обменивает их на них. Таким образом, используя деньги в качестве посредника, производители кресел могут получать кочерги в

обмен на свои стулья, а кузнецы - стулья за свои кочерги. Таков механизм обмена; и как только ценности товаров установлены, он работает достаточно просто. Но это всего лишь механизм, он не устанавливает ценности и не объясняет их. И попытка выяснить, что же их исправляет, изобилует очевидными противоречиями, которые преграждают правильный путь, и соблазнительными совпадениями, из-за которых неправильное кажется более многообещающим.

Очевидные противоречия вскоре обнаруживают себя. Очевидно, что меновая ценность чего-либо зависит от его полезности, поскольку никакие усилия смертного не могут сделать бесполезную вещь пригодной для обмена. И все же свежий воздух и солнечный свет, которые настолько полезны, что без них просто невозможно обойтись, не имеют меновой ценности; в то время как метеоритный камень, бесплатно сброшенный с небосвода в сад за домом, имеет значительную меновую ценность, хотя это в высшей степени необязательная диковинка. Вскоре мы обнаруживаем, что это каким-то образом зависит от того факта, что свежего воздуха много, а метеоритных камней мало. Если бы каким-либо образом можно было постоянно уменьшать подачу свежего воздуха, а количество метеоритных камней в результате небесной канонады или иным образом постоянно увеличивалось, то обменная стоимость свежего воздуха вскоре приобрела бы постепенный рост, в то время как обменная стоимость метеоритных камней постепенно падала бы, пока, наконец, свежий воздух не подавался бы через счетчик и не оплачивался бы как газ, а метеоритные камни были бы так же непригодны для продажи, как обычная галька. Меновая стоимость, по сути, уменьшается с увеличением предложения. Это связано с тем фактом, что полезность предложения уменьшается с течением времени, потому что, когда люди получили часть товара, они частично удовлетворены и не так сильно ценят остальное. Полезность фунта хлеба для человека зависит от того, съел ли он его уже. Каждый человек хочет определенное количество фунтов хлеба в неделю, никто не хочет намного больше; и если ему предложат больше, он не даст за это много — возможно, вообще ничего. Один зонт очень полезен, второй зонт - роскошь, третий - просто бревно. Точно так же хранители наших музеев хотят иметь умеренную коллекцию метеоритных камней, но им не нужна целая тележка их за штуку. Теперь меновая стоимость определяется полезностью не самой полезной, а наименее полезной части запаса. Почему это так, можно легко понять на иллюстрации. Если бы запас зонтиков на рынке был достаточно велик, чтобы обеспечить по два зонтика на каждого зонтоносца в округе, то, поскольку второй зонт не так полезен, как первый, доктринерский курс заключался бы в продаже половины зонтиков, скажем, за пятнадцать шиллингов, а другой половины - за восемь шиллингов шесть пенсов. К сожалению, ни один человек не отдаст пятнадцать шиллингов за предмет, который он может приобрести за восемь шиллингов и шесть пенсов; а когда публика придет покупать, она скупит все зонтики за восемь шиллингов и шесть пенсов. Если бы каждый человек был таким образом снабжен зонтиком, то остаток запасов, хотя и был бы обозначен как пятнадцать шиллингов, занял бы место вторых зонтиков стоимостью всего восемь шиллингов и шесть пенсов. Таким образом, меновая стоимость наименее полезной части предложения определяет меновую стоимость всего остального. Технически это происходит по “закону безразличия”. И поскольку наименее полезной единицей предложения обычно является та, которая произведена последней, ее полезность называется конечной полезностью товара. Полезность первой или наиболее полезной единицы называется общей полезностью товара. Если бы в мире был только один зонт, меновая стоимость его общей полезности была бы равна тому, что самый деликатный человек скорее заплатил бы за него в очень дождливый день, чем остался бы без него. Но

практически, благодаря закону безразличия, самый деликатный человек платит не больше, чем самый крепкий: то есть оба платят одинаково меновую стоимость полезности последнего произведенного зонтика - или конечной полезности всего запаса зонтиков. Эти термины — закон безразличия, общая полезность и конечная полезность — хотя и превосходно выразительны и понятны, когда вы заранее точно знаете, что они означают, сами по себе являются неудачными с точки зрения ясности и наводящей на размышления. Некоторые экономисты, перенося с культивирования на полезность нашу старую метафору расширяющегося пула, называют конечную полезность “предельной полезностью”. И то, и другое послужит нашей нынешней цели, поскольку я не намерен снова использовать эти термины. Главный момент, который необходимо усвоить, заключается в том, что каким бы полезным ни был любой товар, его меновая стоимость может быть сведена к нулю за счет увеличения предложения до тех пор, пока его не станет больше, чем требуется. Избыток, будучи бесполезным и не представляющим ценности, можно получить даром; и никто ничего не будет платить за товар до тех пор, пока его много можно получить даром. Вот почему воздух и другие незаменимые вещи не имеют меновой ценности, в то время как редкие безделушки стоят огромных денег.

Таким образом, таковы условия, с которыми сталкивается человек как производитель и обменник. Если он производит бесполезную вещь, его труд будет совершенно напрасным: он ничего за это не получит. Если он произведет полезную вещь, цена, которую он получит за нее, будет зависеть от того, сколько ее уже выставлено на продажу. Если он увеличивает предложение, производя больше, чем достаточно для замещения текущего потребления, он неизбежно снижает стоимость всего продукта. Поэтому ему подобает быть осторожным в выборе своего занятия, а также трудолюбивым в его осуществлении. Его выбор, естественно, падет на производство тех товаров, стоимость которых наиболее высока по отношению к труду, необходимому для их производства, — которые фактически приносят самую высокую цену пропорционально их стоимости. Предположим, например, что производитель музыкальных инструментов обнаружил, что изготовление арфы обходится ему ровно столько же, сколько изготовление фортепиано, но арфы выходят из моды, а на смену им приходят фортепиано. Вскоре арф стало бы больше, чем требовалось, а фортепиано - меньше: следовательно, стоимость арф упала бы, а фортепиано - возросла. Поскольку трудозатраты на то и другое были бы одинаковыми, он немедленно посвятил бы весь свой труд изготовлению фортепиано; и другие производители делали бы то же самое до тех пор, пока увеличение предложения не снизило бы стоимость фортепиано до стоимости арф. Возможно, тогда мода перешла бы от фортепиано к американским органам, и в этом случае он производил бы меньше фортепиано и больше американских органов. Когда и они достаточно возрастут, усилия Армии спасения могут создать такой спрос на тамбурины, что их стоимость в четыре раза превысит стоимость производства, после чего немедленно произойдет бешеная концентрация энергии приборостроения на изготовлении тамбуринов; и эта концентрация будет продолжаться до тех пор, пока предложение не снизит прибыль[8] до уровня, меньшего, чем можно было бы получить, удовлетворяя тягу публики к тромбонам. Наконец, как фортепиано дешевели до тех пор, пока они не стали не более прибыльными, чем арфы; затем американские органы, пока они не стали не более прибыльными, чем фортепиано; а затем тамбурины, пока они не сравнялись с американскими органами; так и тромбоны в конечном итоге будут приносить доход не выше, чем тамбурины; и будет достигнут общий уровень прибыли, указывающий на пропорцию, в которой инструменты востребованы публикой. Но чтобы избежать даже такого уровня прибыли,

может быть произведено больше инструментов в установленной пропорции до тех пор, пока их цены не упадут до уровня издержек производства, когда прибыли не будет. Здесь производство будет решительно остановлено, поскольку дальнейшее предложение привело бы только к убыткам; а люди могут терять деньги, не утруждая себя производством товаров, простым процессом выбрасывания их в окно.

То, что произошло с музыкальными инструментами на этой иллюстрации, происходит на практике со всей массой промышленных товаров. Те, которые являются дефицитными и, следовательно, относительно ценными, побуждают нас производить их до тех пор, пока увеличение предложения не снизит их стоимость до такой степени, что из них можно будет извлечь прибыли не больше, чем из других товаров. Достигнутый таким образом общий уровень прибыли используется далее до тех пор, пока общее повышение не приведет к снижению цен на все товары до уровня издержек их производства, эквивалент которых иногда называют их нормальной стоимостью. И здесь, возвращаясь к нашему анализу распространения земледелия и его результата в виде феномена ренты, возникает вопрос: что означают издержки производства товара? Мы видели, что из-за различий в плодородии и преимуществ положения между одним участком земли и другим себестоимость продукции варьируется от района к району, будучи самой высокой на границе возделывания. Но мы также видели, как землевладелец снимает в качестве экономической ренты все преимущества, получаемые возделывателями превосходных почв и участков. Следовательно, добавление арендной платы землевладельца к производственным издержкам приводит к тому, что даже на лучшей земле они возрастают до уровня издержек, понесенных на худшей. Таким образом, издержки производства означают издержки производства на границе возделывания и уравниваются для всех производителей, поскольку то, что они могут сэкономить на рабочей силе в расчете на товар, уравнивается большей массой товаров, которые они должны произвести, чтобы получить ренту. Только досконально изучив это уравнивающее действие, мы сможем обнаружить уловку, с помощью которой обычный экономист пытается обманом заставить нас признать систему частной собственности практически справедливой. Сначала он показывает, что экономическая рента не входит в издержки производства на границе возделывания. Затем он показывает, что издержки производства на границе возделывания определяют цену товара. Следовательно, он утверждает, во-первых, что рента не входит в цену; и, во-вторых, что стоимость товаров определяется издержками их производства, из чего следует, что землевладельцы ничего не стоят обществу и что товары обмениваются в точной пропорции к труду, который они стоят. Этот тривиально изобретательный способ лицемерия по сей день официально преподается в наших школах как политическая экономия. Сразу видно, что это просто игра в наперстки. Поскольку товары не обмениваются или имеют тенденцию к обмену в соответствии с трудом, затраченным на их производство, товары, произведенные в пределах пределов возделывания, будут стоить так же дорого, как товары, произведенные на пределе с гораздо большим трудом. Арендодатель пока не стоит ничего, он стоит всю разницу между ними.

Однако это не является целью нашего анализа стоимости. Теперь мы видим, что контроль человека над стоимостью товаров заключается исключительно в его способности регулировать их предложение. Люди постоянно пытаются сократить предложение в своих интересах. Были организованы гигантские заговоры с целью предотвратить мировые урожаи пшеницы и хлопка, чтобы поднять их стоимость до максимально возможного уровня. Грузы восточно-индийских специй были уничтожены голландцами, как грузы рыбы сейчас уничтожаются в Темзе, чтобы

поддерживать цены за счет ограничения предложения. Все кольца, трасты, углы, комбинации, монополии и коммерческие секреты преследуют одну и ту же цель. Производству и развитию социальных инстинктов одинаково препятствует сознание каждым человеком того, что чем больше он ограничивает сообщество, тем больше он приносит пользы себе, оправданием, конечно, является то, что, когда каждый человек приносит пользу себе за счет сообщества, сообщество выиграет от того, что каждый человек в нем получит пользу. С одной стороны, сообщество в безопасности. Не будет постоянных заговоров с целью снижения стоимости за счет увеличения предложения. Все люди перестанут производить, когда стоимость их продукта упадет ниже себестоимости его производства, будь то рабочая сила или труд *плюс* рента. Ни один человек не будет продолжать производить хлеб до тех пор, пока он не перестанет приносить ничего, как солнечный свет, или пока он не станет помехой, как дождь летом 1888 года. Пока что мы спокойно относимся к чрезмерному увеличению количества товаров, добровольно произведенных человеческим трудом.

Заработная плата.

Теперь я прошу вас поднять оброненную тему распространения самосовершенствования. Мы дошли до появления на рынке нового товара — пролетарского человека, вынужденного жить за счет продажи самого себя! Чтобы сразу осознать скрытый ужас этого, вам нужно только применить наше исследование стоимости с его неизбежным законом, согласно которому только ограничивая предложение товара, можно удержать его стоимость от окончательного падения до нуля. Товар, который продает пролетарий, — это товар, производство которого он практически не контролирует. Его самого побуждает производить его непреодолимый импульс. Именно рост населения распространил земледелие и цивилизацию от центра до снежного покрова и, в конце концов, вынудил людей продавать себя хозяевам земли: это та же самая сила, которая продолжает умножать людей, так что их обмен медленно и верно падает, пока не исчезнет совсем — пока даже чернокожие рабы-движимцы не будут освобождены как не стоящие содержания в стране, где людей всех цветов кожи можно получить даром. Таково сегодняшнее состояние наших английских рабочих: они больше не стоят даже копейки: они не имеют ценности, и их можно получить даром. Доказательством является существование безработных, которые не могут найти покупателей. По закону безразличия, никто не будет покупать людей по такой цене, когда он может получить столь же пригодных людей за бесценок. Как же тогда объяснить заработную плату, получаемую теми, кто работает по найму и кто, конечно же, работает не даром? Вопрос до прискорбия прост. Предположим, что лошади размножились в Англии в таких количествах, что их можно было добывать по первому требованию, как котят, приговоренных к ведру. Вам все равно пришлось бы кормить свою лошадь — кормить ее и хорошо содержать, если бы вы использовали ее как умного охотника, — кормить ее и плохо содержать, если бы вы использовали ее только как тяжелую работу. Но стоимость содержания не означала бы, что лошадь имела меновую стоимость. Если бы вы изначально заполучили его даром — если бы никто ничего не дал вам за него, когда вы с ним закончили, — он бы ничего не стоил, несмотря на затраты на его содержание. Это как раз относится к каждому члену пролетариата, которого сегодня можно заменить кем-нибудь из безработных. Их заработная плата — это не цена им самим; ибо они ничего не стоят: это всего лишь их содержание. За скромную заработную плату вы можете получить столько обычной рабочей силы, сколько захотите, и делать с ней все, что вам заблагорассудится, в рамках уголовного кодекса, который, несомненно, будет истолкован судьей класса собственников в вашу пользу. Если вам приходится давать своему лакею больше денег, чем вашему жалкому

рубщику спичек, то это по той же причине, по которой вы должны давать своему охотнику бобы и чистое стойло вместо рубленной соломы и хлева.[9]

Капитализм.

На этой стадии приобретение рабочей силы становится простым вопросом продовольствия. Если требуется железная дорога, все, что необходимо, - это обеспечить средства к существованию достаточному количеству рабочих для ее строительства. Если, например, железная дорога требует труда тысячи человек в течение пяти лет, то затраты владельцев участка составляют прожиточный минимум тысячи человек в течение пяти лет. Технически это прожиточный минимум называется капиталом. Это обеспечивается тем, что собственники не потребляют весь излишек сверх заработной платы продуктов труда других своих наемных рабочих, но откладывают достаточно для существования железнодорожников. Таким образом, капитал может претендовать на то, чтобы быть результатом экономии, или, как метко выразился один остроумный апологет, наградой за воздержание, проблеском юмора, который до сих пор оживляет трактаты о капитале. Вряд ли нужно говорить, что сберегатели - это те, у кого денег больше, чем они хотят потратить: воздерживающиеся - это те, у кого их меньше. По истечении пяти лет построенная железная дорога становится собственностью капиталистов, и железнодорожники возвращаются на рынок труда такими же беспомощными, как и раньше. Иногда владельцы называют построенную железную дорогу своим капиталом; но, строго говоря, это всего лишь фигура речи. Капитал - это просто запасные средства к существованию. Его рыночная стоимость, указываемая текущей процентной ставкой, падает с увеличением численности населения, тогда как рыночная стоимость установленных запасов растет вместе с этим.[10] Если бы мистер Гошен, воодушевленный своим успехом в сокращении консолей, попросил владельцев Лондонской и Северо-Западной железных дорог принять в качестве полной компенсации за их полную экспроприацию капитал, достаточный для того, чтобы построить железную дорогу заново, их изумление его дерзостью сразу же заставило бы его почувствовать разницу между железной дорогой и капиталом. В просторечии одна собственность с фермой на ней называется землей, приносящей ренту; в то время как другая, с железной дорогой на ней, называется капиталом, приносящим проценты. Но с экономической точки зрения между ними нет различия, когда они однажды становятся источниками дохода. Это было бы совершенно ясно видно, если бы дорогостоящие предприятия, такие как железные дороги, могли осуществляться одним землевладельцем на его собственной земле за счет его собственного избыточного богатства. Именно необходимость объединения ряда владельцев избыточного богатства и разработки финансового механизма для распределения их долей в произведенном продукте по отношению к их долям в вложенном капитале изменяет терминологию и внешний аспект эксплуатации. Но модификация не является изменением: акционер и землевладелец одинаково живут на продуктах, добытых из их собственности трудом пролетариата.

“Перенаселение”.

Введение капиталистической системы является признаком того, что эксплуатация рабочего, трудящегося за минимальную заработную плату, стала одним из главных жизненных искусств среди обладателей прав арендатора. Это также порождает обманчивое обещание бесконечной занятости, которое ослепляет пролетариат по отношению к тем катастрофическим последствиям быстрого размножения, которые очевидны для мелкого земледельца и

крестьянского собственника. Но на самом деле, чем больше вы унижаете рабочих, лишая их всякого художественного наслаждения и всякой возможности заслужить уважение и восхищение со стороны своих товарищей, тем больше вы отбрасываете их назад, безрассудно отказывая в единственном удовольствии и единственной человеческой связи, оставшейся у них, — удовлетворении их инстинкта производить новые партии людей. Вы будете аплодировать этому инстинкту как божественному, пока, наконец, чрезмерное предложение не станет помехой: начнется человеческая чума; и вы внезапно обнаружите, что инстинкт дьявольский, и поднимете крик о “перенаселении”. Но вашим рабам наплевать на ваши крики; они плодятся, как кролики; и их бедность порождает грязь, уродство, нечестность, болезни, непристойности, пьянство и убийства. Посреди богатств, которые они накапливают своим трудом для вас, их нищета тоже поднимается и душит вас. Вы с отвращением удаляетесь от них на другой конец города; вы назначаете для них специальные вагоны на ваших железных дорогах и специальные места в ваших церквях и театрах; вы отделяете свою жизнь от их всеми классовыми барьерами, которые только можете изобрести; и все же они по-прежнему окружают вас: на вашем лице отпечатывается ваше обычное отвращение и подозрительность к ним; ваши уши так наполняются бранью самых мерзких из них, что вы врываетесь в нее, когда теряете самообладание; они отравляют вашу жизнь так же безжалостно, как вы бессердечно пожертвовали их жизнью. Вы начинаете сильно верить в дьявола. Затем приходит ужас от их бунта; муштрование и вооружение их тел, чтобы подавить остальных; тюрьма, больница, пароксизмы неистового принуждения, за которыми следуют пароксизмы неистового милосердия. А тем временем население продолжает увеличиваться!

“Болен”.

Иногда говорят, что во время этого гротескно-отвратительного продвижения цивилизации от плохого к худшему богатство растет бок о бок с нищетой. Подобное вечно невозможно; богатство неуклонно уменьшается с распространением бедности. Но богатство увеличивается, а это совсем другое дело. Общее количество меновых ценностей, производимых в стране ежегодно, растет, возможно, не по дням, а по часам. Но накопление богатства и, следовательно, чрезмерной покупательной способности в руках определенного класса вскоре насыщает этот класс общественно полезным богатством и заставляет его предлагать определенную цену за предметы роскоши. В тот момент, когда необходимо установить цену на предмет роскоши, он приобретает меновую стоимость, и для его производства используется труд. Одна нью-йоркская леди, например, обладающая от природы изысканной чувствительностью, заказывает для своей мертвой собаки элегантный гроб из розового дерева и серебра, обитый розовым атласом. Это сделано, а тем временем живой ребенок бродит босиком и чахнет от голода по замерзшей канаве снаружи. Меновая стоимость гроба считается частью национального богатства; но нации, которая не может позволить себе еду и одежду для своих детей, нельзя позволить прослыть богатой только потому, что она предоставила красивый гроб для мертвой собаки. Меновая стоимость сама по себе, по сути, стала извращенной, как и все остальное, и представляет собой уже не полезность, а тягу к похоти, безрассудству, тщеславию, обжорству и безумию, технически описываемую благородными экономистами как “эффективный спрос”. Предметы роскоши не являются общественным богатством; механизмы для их производства не являются общественным богатством; труд, квалифицированный только для их производства, не является общественно полезным трудом; мужчины, женщины и дети, которые зарабатывают на жизнь их производством, обеспечивают себя не больше, чем праздные богачи, для развлечения которых они работают. Именно привычка считать богатством

меновые ценности, задействованные в этих сделках, заставляет нас воображать, что бедняки голодают посреди изобилия. Они умирают с голоду среди изобилия драгоценностей, бархата, кружев, экипажей и скаковых лошадей, но не среди изобилия еды. В том, что необходимо для благосостояния народа, мы крайне бедны; и социальную политику Англии сегодня можно сравнить с внутренней политикой тех авантюристок, которые оставляют своих детей полуодетыми и полуголодными, чтобы содержать экипаж и иметь дело с модной портнихой. Но совершенно верно, что в то время как богатство и благосостояние уменьшаются, производительная сила увеличивается; и ничто, кроме использования этой силы для производства социально бесполезных товаров, не мешает кажущемуся богатству стать реальным. Покупательная способность, которая обеспечивает роскошь в руках богатых, обеспечила бы истинное богатство в руках всех. И все же частная собственность должна по-прежнему возлагать покупательную способность на немногих богатых и отнимать ее у многих бедных. Так что, в конце концов, предмет единственного хвастовства, которым может похвастаться частная собственность, — огромного накопления так называемого “богатства”, на которое она с такой гордостью указывает как на результат своей власти ежедневно принуждать мужчин и женщин к длительному и напряженному труду, — оказывается симулякр. При всей своей энергии, своей смайлзианской “самопомощи”, своей предприимчивости, свойственной купцам-принцам, своей свирепой потливости и рабовладению, своей расточительности крови, пота и слез, что она накопила сверх грошей своих рабов? Только чудовищная груда безделушки, немного испорченной классовой литературы и классового искусства, и ни капли яда и озорства.

Таким образом, это экономический анализ, который с самого начала обвиняет частную собственность в несправедливости и совершенно невозможности окончательного решения даже индивидуалистического аспекта проблемы приведения доли работника в распределении богатства в соответствие с трудом, затраченным им на его производство. Все попытки, которые до сих пор предпринимались построить на нем настоящие общества, потерпели неудачу; ближе всего к обществам, достигнутым таким образом, были цивилизации, которые превратились в центры порока и роскоши и в конечном итоге были сметены нецивилизованными расами. То, что наша собственная цивилизация уже находится на продвинутой стадии гниения, можно считать статистически доказанным. То, что при сохранении института частной собственности произойдет дальнейший упадок вместо улучшения, экономически несомненно. К счастью, частная собственность в ее целостности сейчас практически невозможна. Хотя предохранительный клапан эмиграции яростно работал в течение этого столетия, все же давление населения вынудило нас начать возвращать людям суммы, отнятые у них для землевладельцев, обладателей прав арендатора и капиталистов, путем введения подоходного налога и принуждения их создавать из своих доходов национальную систему образования, помимо введения ограничений — пока только принудительно-слабого рода — на их ужасную способность злоупотреблять договором о заработной плате. Этим, однако, занимается мистер Сидни Уэбб в следующем историческом очерке. Я бы вообще не касался их, если бы недавний опыт не убедил всех экономистов в том, что ни одному упражнению в абстрактной экономике, каким бы точным ни был вывод, нельзя доверять, если оно не может быть экспериментально подтверждено путем отслеживания его проявления в истории. Верно, что процесс, который я представил как прямое развитие частной собственности между свободными обменниками, должен был реализоваться в Старом Свете косвенно и мучительно, через борьбу с

политическими и религиозными институтами и пережитками, совершенно противоположными ему. Верно, что земледелие в Западной Европе началось не с того, что эмигрант-одиночка присвоил себе частную собственность, а с племенных общин, в которых впоследствии возникло утверждение права личности на частное суждение и частные действия против тирании первобытного общества. Верно, что земледелие не происходило логическими шагами от хорошей земли к менее хорошей; от менее хорошей к плохой; и от плохой к худшей: исследование новых стран и новых регионов и открытие новых применений старых продуктов часто делали окраины более плодородными, чем центр, и на данный момент (пока центр перемещался к окраинам) обращали все движение ренты и заработной платы прямо вразрез с экономической теорией. Неверно и то, что, если рассматривать мир как единую страну, земледелие еще не распространилось от линии снегов до кромки воды. Для беднейшей изготовительницы спичечных коробков в Ист-Энде все еще есть свободная земля, если бы она могла добраться туда, восстановить тамошнюю дикую местность, говорить на тамошнем языке, переносить тамошний климат и быть накормленной, одетой и размещенной там, пока она расчищает свою ферму; учится возделывать ее; и ждет урожая. Экономисты были достаточно изобретательны, чтобы доказать, что эта альтернатива действительно обеспечивает ей независимость; но я не буду тратить время на рассмотрение этого вопроса. Практически, если в Англии нет свободной земли, экономический анализ говорит в пользу Англии, несмотря на Сибирь, Центральную Африку и Дикий Запад. Опять же, не совсем верно, что люди руководствуются в производстве исключительно стремлением реализовать максимум меновой стоимости. Импульс к производству часто в первую очередь принимает определенное направление; и человек будет настаивать на создании картин или пьес, хотя он мог бы заработать больше денег, производя сапоги или шляпки. Но однажды удовлетворив свой конкретный порыв, он заработает столько денег, сколько сможет. Он продаст свою картину или пьесу за сто фунтов, а не за пятьдесят. Короче говоря, хотя нет такой личности, как знаменитый “экономический человек”, человек скорее своенравный, чем рациональный, все же, когда своенравный человек добивается своего, он берет то, что еще может получить; и поэтому он всегда проявляется, в конечном счете, если не в первую очередь, как экономический человек. В целом, история, даже в Старом Свете, идет по пути, прослеженному экономистом. В Новом Свете соответствие точное. Соединенные Штаты и Колонии были заселены беглецами от полномасштабного индивидуализма Западной Европы, превалирующего над частной собственностью, именно так, как предполагалось в данном исследовании условий культивирования. С тех пор экономические отношения этих земледельцев не облекались ни в одну из старых политических личин. И все же среди них, в подтверждение достоверности нашего анализа, мы видим, как растет все зло наших старых цивилизаций; и хотя с ними еще не покончено, все же именно от них к нам пришло недавнее возрождение великого призыва к национализации земли, озвученного человеком, который видел, как вся трагедия частной собственности с беспрецедентной скоростью воплощалась в жизнь в городах-грибах Америки.

О социализме анализ экономического действия индивидуализма предполагает открытие в частном присвоении земли источника тех несправедливых привилегий, против которых направлен социализм. Это практически демонстрация того, что общественная собственность на землю является основным экономическим условием социализма. Но в настоящее время это не предполагает буквального возвращения земли народу. Земля в настоящее время находится в руках народа: ее собственники по большей части отсутствуют. Современная форма частной собственности - это просто законное право из года в год получать долю продукции

национальной промышленности, не работая за это. Оно не относится к какой-либо особой части или форме этого продукта; и в процессе потребления доход от него невозможно отличить от заработка, так что большинство людей, привыкших называть товары, образующие доход собственника, его частной собственностью и не видящих разницы между ними и товарами, образующими доход рабочего, распространяют термин "частная собственность" также и на средства существования рабочего и могут воспринимать посягательство на частную собственность только как попытку дать каждому возможность грабить всех остальных повсюду. Но доход частного собственника можно отличить по тому факту, что он получает его безоговорочно и безвозмездно по частному праву в ущерб общественному благу, что несовместимо с существованием потребителей, которые ничего не производят. Социализм предполагает прекращение выплаты этих доходов и добавление накопленного таким образом богатства к доходам, получаемым от труда. Как мы видели, доходы, получаемые от частной собственности, состоят частично из экономической ренты; частично из пенсий, также называемых рентой, получаемых за счет субаренды прав арендатора; и частично из формы ренты, называемой процентом, получаемой за счет специального приспособления земли к производству путем применения капитала: все это в конечном итоге выплачивается из разницы между продуктом труда работника и ценой этого труда, продаваемого на открытом рынке в виде заработной платы, окладов, комиссионных или прибыли.^[11] Вся сумма, за исключением экономической ренты, может быть добавлена непосредственно к доходам рабочих, просто прекратив ее взимание с них. Экономическая рента, возникающая в результате колебаний рождаемости или преимуществ ситуации, всегда должна рассматриваться как общее или общественное достояние и использоваться, как используются доходы, получаемые за счет налогообложения, в настоящее время на общественные цели, среди которых социализм придал бы первостепенное значение национальному страхованию и обеспечению капиталом.

Таким образом, экономическая проблема социализма решена; и политический вопрос о том, как экономическое решение должно быть практически применено, не входит в рамки данного эссе. Но если мы дойдем до интеллектуального убеждения, что источником наших социальных страданий является не вечный источник беспорядка и зла, а всего лишь искусственная система, подверженная почти бесконечным модификациям и перенастройке - более того, практическому разрушению и замене по воле Человека, - тогда ужасный груз будет снят с умов всех, кроме тех, кто, открыто для себя или нет, цепляется за нынешнее положение вещей из низменных побуждений. В этом столетии мы получили суровую серию уроков о глупости верить во что-либо только по той причине, что верить в это приятно. Приятно было оглядываться вокруг с сознанием обладания тысячей фунтов в год и говорить словами Дэвида Браунинга: "Всеобщая любовь и всеобщий закон". Приятно было верить, что шанс, которым мы были слишком ленивы воспользоваться в этом мире, вернется к нам в другом. Было приятно верить, что доброжелательная рука направляет шаги общества, превращая все дурные проявления в хорошие и превращая бедность здесь в залог великого блаженства и награды в будущем. Приятно было забыть о мирском неравенстве, размышляя о нашем равенстве перед Богом. Но утилитарные расспросы и научные ответы превратили весь этот спокойный оптимизм в самый черный пессимизм. Природа была показана нам как "красная от зубов и когтей": если направляющая рука действительно была доброжелательной, то она не могла быть всемогущей; так что наше доверие к ней было подорвано; если бы она была всемогущей, она не могла быть доброжелательной; так что наша любовь к ней превратилась в страх и ненависть. Мы никогда не допускали, что потусторонний мир, который должен был компенсировать горести этого, был

открыт для лошадей и обезьян (хотя по этой причине мы не были более милосердны к нашим лошадям); и теперь Наука показала нам кончик заостренного уха лошади на наших собственных головах и представила обезьяну нам как нашего кровного родственника. Не было никаких доказательств существования того, другого мира и той великодушной силы, которой мы предоставили средство от жестоких обид бедных; приходило доказательство за доказательством того, что то, что мы называли Природой, знало и заботилось о наших страданиях и удовольствиях не больше, чем мы знаем или заботимся о крошечных существах, которых давим ногами, когда идем по полям. Вместо того чтобы сразу понять, что это означало не более чем то, что Природа безнравственна и безразлична, мы скатились к грубой форме поклонения дьяволу и воспринимали Природу как безжалостно злобную силу. Это было ничем не лучше прежнего оптимизма и бесконечно мрачнее. Это по-прежнему закрывало нам глаза на истину о том, что вне самого Человека нет жестокости и эгоизма и что его собственная активная доброжелательность может бороться и с тем, и с другим и победить их. Когда социалист выступил в качестве мелиориста в этом направлении, старая школа политэкономов, которые не видели альтернативы частной собственности, выдвинула в доказательство бессилия благотворительных действий остановить смертоносное автоматическое порождение бедности за счет увеличения населения тот самый анализ, который я только что представил. Их выводы в точности соответствовали новым идеям. Это снова была Природа — борьба за существование, безжалостное истребление слабых, выживание наиболее приспособленных - короче говоря, естественный отбор в действии. Социализм казался слишком хорошим, чтобы быть правдой: его воспринимали просто как старый оптимизм, глупо бьющийся головой о каменную стену современной науки. Но социализм теперь бросает вызов индивидуализму, скептицизму, пессимизму, поклонению Природе, персонифицированной в виде дьявола, на их собственной научной основе. Наукой о производстве и распределении богатства является Политическая экономия. Социализм апеллирует к этой науке и, повернув против индивидуализма его собственное оружие, повергает его в неизлечимую катастрофу. Отныне озлобленный циник, который все еще считает мир вечной и недоказуемой собачьей норой, и безмятежный состоятельный человек, который повторяет известную неправильную цитату: “Бедные всегда будут с вами”, теряют свое узурпированное место среди культурных и переходят в ряды невежественных, поверхностных и суеверных. Что касается остальных из нас, поскольку в нашем несчастном детстве нас учили уважать респектабельность собственника, и поскольку мы обнаружили, что наши детские сердца настолько черствы и невозрожденны, что они тайно ненавидели респектабельность и бунтовали против нее, несмотря на это обучение, невозможно выразить облегчение, с которым мы обнаруживаем, что наши сердца всегда были правы, и что нынешняя респектабельность сегодняшнего дня - это не что иное, как огромная инверсия праведного и научного общественного порядка, погрязшего в нечестности, бесполезности, эгоизме, бессмысленном страдании и идиотской трате великолепных возможностей для благородной и счастливой жизни. . Было ужасно чувствовать это и в то же время бояться, что с этим ничего не поделаешь — что бедняки должны умирать с голоду и заставлять вас стыдиться своего обеда, что они должны дрожать и заставлять вас стыдиться своего теплого пальто. Именно экономической науке — когда—то мрачной, а теперь обнадеживающей — мы обязаны открытием того, что, хотя зло гораздо страшнее, чем мы думали, все же оно не вечно - даже не очень долговечно, если мы только постараемся положить ему конец.

СНОСКИ:

- [2] “Принципы политической экономии”, том. I, Указатель к главе. xvi (1865).
- [3] “Руководство по политической экономии”, книга II, глава. iii, стр. 116 (1876).
- [4] “Экономика промышленности”, книга II, глава. iii, с. 3, стр. 84 (1879).
- [5] “Принципы политической экономии”, книга II, глава. vii, стр. 301 (1883).
- [6] “Краткий учебник политической экономии”, глава. ii, с. 216, стр. 173 (1885).
- [7] “Принципы политической экономии и налогообложения”, глава ii. стр. 34 (1817).
- [8] Прибыль здесь используется в разговорной речи для обозначения превышения стоимости изделия над его стоимостью.
- [9] Когда одним из условий получения заработной платы является поддержание определенного состояния, прожиточный минимум может достигать цифры, для которой этот термин кажется смехотворно неподходящим. Например, модный врач в Лондоне не может откладывать более 1000 фунтов стерлингов в год; а должность лорда-наместника Ирландии может занять только человек, который располагает значительными частными средствами в дополнение к своей официальной зарплате в 20 000 фунтов стерлингов.
- [10] Текущий курс должен, при нынешних условиях, в конечном итоге упасть до нуля и даже стать “отрицательным”. К тому времени акции, которые сейчас приносят дивиденды в размере 100%, вполне возможно, принесут 200 или более. Однако падение курса было ошибочно принято за тенденцию к исчезновению процентов. Это действительно указывает на тенденцию к росту интереса.
- [11] Это превышение продукта труда над его ценой с впечатляющим эффектом рассматривается Карлом Марксом как отдельная категория, который назвал это “прибавочной стоимостью” (*мерверт*).

ИСТОРИЧЕСКИЙ.

АВТОР: СИДНИ УЭББ.

Развитие демократического идеала.

Обсуждая историческую основу социализма, стоит помнить, что никаких особых претензий к социализму не предъявляется в утверждении, что он имеет историческую основу. Точно так же, как у каждого человека есть предки, какими бы неизвестными они ему ни были; так и каждая идея, каждое происшествие, каждое движение имеют в прошлом свою собственную длинную цепь причин, без которых их не могло бы быть. Раньше мы были рады позволить мертвым хоронить своих мертвецов; в наши дни мы с любовью обращаемся к записям, будь то о людях или вещах; и мы охотно копаемся в истоках, даже без осознанной утилитарной цели. Мы больше не гордимся тем, что у нас есть предки, поскольку они есть у каждого; но мы больше, чем когда-

либо, интересуемся нашими предками теперь, когда находим в них фрагменты, из которых складывается само наше "я". Историческая родословная английской общественной организации в течение нынешнего столетия свидетельствует о непреодолимом импульсе идей, обозначаемых социализмом. Летопись века в английской социальной истории начинается с испытания и безнадёжного краха почти полного промышленного индивидуализма, при котором, однако, неограниченная частная собственность на землю и капитал сопровождалась подчинением политической олигархии. В этом индивидуалистическом порядке было так мало элемента постоянства, что с прогрессом политической эмансипации частная собственность на средства производства в том или ином направлении последовательно регулировалась, ограничивалась и вытеснялась, пока теперь можно с полным основанием утверждать, что современная социалистическая философия - это всего лишь сознательное и недвусмысленное утверждение принципов социальной организации, которые уже были по большей части приняты неосознанно. Экономическая история столетия - это почти непрерывный отчет о прогрессе социализма.[12]

Социализм тоже имеет в истории своего внутреннего развития свою собственную историю. Вплоть до нынешнего поколения стремящийся к социальному возрождению, естественно, доказывал осуществимость своих идей, предлагая тщательно продуманный план со спецификациями нового социального порядка, из которого были устранены все современные пороки. Точно так же, как у Платона была его Республика, а у сэра Томаса Мора - его Утопия, так и у Бабуфа была его Хартия равенства, у Кабе - его Икаррия, у Сен-Симона - его Промышленная система, а у Фурье - его идеальная Фаланстера. Роберт Оуэн потратил целое состояние, навязывая неверующему поколению свой Новый Моральный мир; и даже Огюст Конт, несмотря на то, что он был выше многих слабостей своего времени, должен был дополнить свою философию позитивизма подробной Политикой.

Ведущей чертой всех этих предложений было то, что можно назвать их статичным характером. Идеальное общество представлялось находящимся в идеально сбалансированном состоянии равновесия, без необходимости или возможности будущих органических изменений. С тех пор мы усвоили, что социальное переустройство не должно осуществляться таким образом. Главным образом благодаря усилиям Конта, Дарвина и Герберта Спенсера мы больше не можем думать об идеальном обществе как о неизменном состоянии. Социальный идеал из статичного превратился в динамичный. Необходимость постоянного роста и развития социального организма стала аксиомой. Ни один философ в настоящее время не ищет ничего, кроме постепенной эволюции нового порядка из старого, без нарушения преемственности или резкого изменения всей социальной ткани в любой момент процесса. Новое само становится старым, часто еще до того, как оно сознательно осознается как новое; и история не показывает нам примеров внезапной замены утопической и революционной романтики.

Хотя социалисты усвоили этот урок[13] лучше, чем большинство их оппонентов, обычная критика социализма еще не заметила изменений и по-прежнему имеет дело в основном с устаревшими утопиями доэволюционной эпохи. Пародии на бытовые подробности воображаемой Фаланстеры и проповеди о крахе Брук-Фарм или Икаррии могут быть проигнорированы как запоздалые и неуместные сейчас, когда социалисты всего лишь выступают за сознательное принятие принципа социальной организации, который мир уже считал неизбежным результатом демократии и промышленной революции. Ибо социализм к этому времени представляет собой волну, захлестывающую всю Европу; и из—за отсутствия

понимания серии явно несвязанных событий, благодаря которым он на протяжении двух поколений быстро надвигался на нас, - короче говоря, из-за отсутствия знания его интеллектуальной истории, мы в Англии сегодня видим, что наши политические лидеры в целом изумлены меняющимся лицом текущей политики; обе великие партии смутно дрейфуют перед безымянным подводным течением, которое они совершенно не в состоянии распознать или понять.^[14] С некоторым смутным впечатлением, что социализм - это одна из утопических мечтаний, о которых, как они помнят, в их академической юности с комфортом рассказывали как о невозможном идеале опьяненных человечеством французов, они идут своим путем через девятнадцатый век, когда соотечественник бредет по Чипсайду. Один или двое - любители истории, разбирающиеся в любопытных деталях прошлого: настоящее ускользает от них не меньше, чем от других. Они настолько близки к отдельным событиям, что не замечают движения колонны вперед. Они не видят леса за деревьями.

История не только дает ключ к пониманию значения современных событий; она также позволяет нам понять тех, кто еще не нашел этот ключ. Мы учимся классифицировать людей и идеи в своего рода геологическом порядке во времени. Граф Парижский дает нам превосходные доказательства того, что в абсолютной монархии заключается единственная гарантия общественного порядка. Он является пережитком: этот тип процветал в шестнадцатом веке, и великолепные окаменелости той эпохи можно изучить в любом историческом музее. Лорд Брэмсуэлл приведет убедительные доводы в пользу веры в то, что абсолютная свобода заключения договоров, за незначительным исключением в виде ужесточения уголовного законодательства, обеспечит идеальное государство. Его светлость - пережиток более близкой эпохи: примерно в 1840 году это было все, чего достигла социальная наука; и все еще есть люди, которые ничего не узнали о более поздних событиях. Когда я вижу Гиппариона в Южном Кенсингтоне, я не принимаю его незнакомые черты за черты лошади высшей породы: я знаю, что это устаревший и вытесненный образец, из которого развилась лошадь. Исторические окаменелости более опасны, поскольку они остаются на свободе и их даже не исключают с Даунинг-стрит или Вестминстера. Но против течения тенденций они в конечном счете бессильны. Хотя иногда они кажутся победителями, каждая последующая борьба происходит ниже по течению, которому, как они считают, они сопротивляются.

Основным потоком, который нес европейское общество к социализму в течение последних ста лет, является неудержимый прогресс демократии. Де Токвиль вбил эту истину в неохотные уши Старого Света два поколения назад; и с тех пор мы все делаем вид, что носим ее с собой как часть нашего ментального убранства. Но, как и большинство эпиграмматических банальностей, это обычно не осознается; и книга Де Токвиля со временем стала классикой, которую все цитируют, но никто не читает. Фактически, прогресс демократии часто представляется, как, например, сэром Генри Мэном, просто заменой одного вида политического механизма другим; и сегодня есть много политических демократов, которые не могут понять, почему социальные или экономические вопросы вообще должны быть смешаны с политикой. Не для этого они сломили власть аристократии: их тронула не столько любовь ко многим, сколько ненависть к немногим;^[15] и, как было остро сказано — хотя обычно глупцами — они радикалы просто потому, что сами не являются лордами. Но ни один человек не сможет долго упорствовать в вере в то, что политическая организация общества может быть полностью изменена без соответствующих изменений в экономических и социальных отношениях. Де Токвиль прямо указал, что прогресс демократии означает не что иное, как полное разрушение связей, с помощью которых общество удерживалось вместе при старом *режиме*. За этим распадом

следует период анархической духовной изоляции индивида от своих собратьев и в этой степени всеобщее отрицание самой идеи общества. Но человек - общественное животное; и через более или менее длительный промежуток времени неизбежно возникает новая связь, настолько полностью отличающаяся от старомодной организации, что историческое ископаемое отрицает, что это вообще связь или что какая-либо новая связь возможна или желательна. Для него, главным образом из-за отсутствия экономики, прогресс демократии - это не что иное, как уничтожение старых политических привилегий; и, вполне естественно, мало кто может увидеть какую-либо красоту в простом разложении и разрушении. Эти немногие - чисто политические радикалы, которых ненавидели Конт и Карлейль: в социальных вопросах они являются пережитками эмпирицизма донаучной эпохи.

С другой стороны, простые утописты, которые ткали безосновательную ткань своих видений реконструированного общества на своих личных ткацких станках, в равной степени, как правило, не могли понять проблему эпохи. В воображении они были возрожденным Иосифом Вторым, великодушными деспотами, которые перелили бы старый мир, если бы он только был текучим, в свои новые формы. Против их грубых планов Государственный деятель, радикал и Политический экономист были едины, ибо они не принимали во внимание слепые социальные силы, которые они не могли контролировать и которые продолжали неумолимо добиваться социального спасения способами, о которых не подозревали утописты.

В нынешнем социалистическом движении эти два течения объединены: сторонники социальной реконструкции усвоили урок демократии и знают, что именно благодаря медленному и постепенному обращению общественного сознания к новым принципам постепенно происходит социальная реорганизация. Все изучающие общество, идущие в ногу со временем, как социалисты, так и индивидуалисты, понимают, что важные органические изменения могут быть только (1) демократическими, а значит, приемлемыми для большинства людей, и подготовленными к ним в умах всех; (2) постепенными и, таким образом, не вызывающими потрясений, какими бы быстрыми ни были темпы прогресса; (3) не рассматривается как аморальный массами людей и, следовательно, субъективно не деморализует их; и (4) в этой стране, во всяком случае, конституционно и мирно. Поэтому социалисты могут быть вполне солидарны с радикалами в своих политических методах. Радикалы, с другой стороны, волей-неволей осознают, что простого политического выравнивания недостаточно, чтобы спасти государство от анархии и отчаяния. Обе части были вынуждены признать, что корень трудности экономический; и с каждым днем растет консенсус в отношении того, что неизбежным результатом демократии является контроль самих людей не только над своей собственной политической организацией, но, через это, также и над основными инструментами производства материальных ценностей; постепенная замена анархии конкурентной борьбы организованной кооперацией; и последующее восстановление единственно возможным способом того, что Джон Стюарт Милль называет "огромной долей, которую владельцы промышленных инструментов могут извлечь из продукта".^[16] Экономическая сторона демократического идеала - это, по сути, сам социализм.

Распад Старого Синтеза.

В середине прошлого века Западная Европа все еще была организована по системе, основой которой был фактически сохранившийся феодализм. Связь между людьми была, по сути, отношением превосходства и неполноценности. Социальная власть по-прежнему

принадлежала либо монарху, либо владельцам крупных земельных владений. Некоторые изменения в идеальной симметрии организации уже были сделаны, особенно благодаря росту городов и возвышению все еще сравнительно небольшого торгового класса; но основная масса населения была распределена по иерархическому ряду классов, связанных друг с другом узами Власти.

Мы склонны думать, что Англия отличается в этом отношении от Континентальной Европы, и воображать, что наша народная свобода была завоевана в 1688 году, если не в 1648-м, или даже еще в самом начале Великой хартии вольностей. Но что касается народа в целом, то это было, в основном, просто различием в политической форме. В Англии аристократическая олигархия одержала верх над монархом; во Франции король победил Фронду. Для массы людей в обеих странах не существовало ничего, кроме повиновения.

Даже в Англии вся политическая администрация была разделена между королем и знатными семьями; и ни один человек из 500 не обладал даже правом голоса. Совсем недавно, в 1831 году, сто пятьдесят человек вернули себе большинство в Палате общин (Молсуорт, “История законопроекта о реформе”, стр. 347). Церковь, некогда универсальная демократическая организация международного братства, стала простым уделом помещичьего дворянства. Отправление правосудия и исполнительной власти было полностью в их руках, в то время как парламент был заполнен их лидерами или выдвиженцами. Даже для исключительно одаренных сынов народа не существовало путей продвижения, и массы оказались в пожизненной зависимости от класса более высокого происхождения.

Экономическая организация носила аналогичный характер. Две трети населения обрабатывали землю и жили в одиноких деревушках, разбросанных по все еще малонаселенной стране. Хотя они и обладали остатками древних общинных прав, они практически зависели от фермеров прихода, которые устанавливали их заработную плату путем постоянного молчаливого сговора.^[17] Сами фермеры были послушными крепостными крупных собственников, которым они платили обычную ренту. Хотя номинально фермеры и рабочие могли свободно передвигаться, они были практически прикованы к поместью своим невежеством и бедностью;^[18] и хотя лорд утратил уголовную юрисдикцию своих поместных судов, его полномочия как мирового судьи были полностью эквивалентны. Его неограниченное владение землей позволяло ему получать для себя в качестве арендной платы все преимущества всех используемых почв, кроме самых худших; и сохраняющиеся манориальные права давали ему дань даже с этой худшей. Повсюду в сельской местности его слово было законом, а его власть непреодолимой. Это был мир, связующим звеном которого была мощь, экономическая и политическая, сдерживаемая только обычаями и отсутствием стимулов к переменам. Бедные не обязательно были в материальном отношении хуже, чем сейчас; сельскохозяйственный рабочий, действительно, был, по-видимому, в 1750 году в лучшем положении, чем в любое другое время между 1450 и 1850 годами.^[19] Но это был мир, все еще в основном средневековый в политических, экономических и социальных отношениях; мир статуса и постоянного социального неравенства, существенно не отличающийся от феодализма прошлого.

Система, однако, уже начала приходить в упадок. Подъем городов за счет роста торговли постепенно создавал новые центры независимости и новые классы, которые разрывали узы врожденного статуса. Вторжение богатых городских классов и индийских “набобов” в сельские

районы имело тенденцию разрушать феодальную идею. Рост новых религиозных сект создавал новые очаги индивидуального сопротивления, часто перерастающего в духовную анархию или антисоциальный квиетизм. Распространение знаний создало небольшую, но активную дезинтегрирующую силу среди тех, кто обнаружил обман вокруг себя. Но настоящим Персеем, которому предстояло освободить людей от их политического рабства, был Ньюкомен или Уотт, Харгривз или Кромптон, Кей или Аркрайт, кто бы ни внес главный вклад в Промышленную революцию прошлого века.^[20] Из изобретений этих людей возникла машинная промышленность с ее бесчисленными вторичными результатами — Фабричной системой и возникновением промышленных городов Севера и Средней полосы,^[21] и евангелизацией пустынных мест земли путем продажи серых рубашек. На протяжении трети Англии поместья уступали место мельницам или рудникам; и феодалу пришлось ослабить свою политическую и социальную власть, чтобы в полной мере реализовать перемены, которые обогатили его безграничной рентой и гонорарами за добычу полезных ископаемых. Так и случилось в Англии, что окончательный крах средневековья произошел не в результате Великого восстания, не в результате Государственной измены вигов 1688 года и даже не из-за правления Великого простолюдина, а в результате Промышленной революции восемнадцатого века, которая создала Англию сегодняшнего дня. В течение двух поколений сквайр уступал место владельцу фабрики; и с тех пор феодализм сохранялся только в быстро сокращающихся сельских округах и в пустых остатках церемониальной организации. Средневековое устройство, по сути, не смогло пережить упадок кустарной промышленности; и, по сути, именно использование новых двигателей на протяжении целого поколения разрушало индивидуалистическую концепцию собственности. Землевладелец и капиталист оба обнаруживают, что паровая машина — это Франкенштейн, которого им лучше бы не создавать; ибо с ней неизбежно приходят городская демократия, изучение политической экономии и социализм.

Событием, оказавшим решающее влияние на политические перемены, была Французская революция. Падение Бастилии приветствовали все, кого коснулись новые идеи. “Насколько это величайшее событие, которое когда-либо происходило в мире! и насколько лучше!” — писал Чарльз Джеймс Фокс.^[22] Это показало, или казалось, что показывает, людям, что подлинное социальное переустройство не только желательно, но и возможно. Национальное собрание, какой бы респектабельной ни была старая олигархия, указало путь к законодательным полям, которые еще даже не были полностью проработаны.

Когда правители Англии осознали, что во Франции, по крайней мере, Шалтай-Болтай действительно отстал, поначалу это привело к ужесточению существующей организации. Малейшая агитация подавлялась жестоко сильной рукой. Партия вигов в Палате общин сократилась до полудюжины членов. Цены поддерживались на высоком уровне, а заработная плата снижалась, в то время как на страдающих людей ложилось самое тяжелое из возможных налоговых бремени. Затем наступил Мир и “Белый террор” Каслри, достигший кульминации в “резне при Петерлоо” (1819) и печально известных “Шести действиях” лорда Сидмута. Но старый порядок был обречен. Самоубийство Каслри было не только концом человека, но и признаком краха системы. С серией политических потрясений последовали отмена законов о тестировании и корпорациях (1828), католическая эмансипация (1829), начало правовой и административной реформы и, наконец, Билль о великой реформе 1832 года, согласно которому господство среднего класса сменило правление аристократии. Но люди были не более обеспечены избирательными правами, чем раньше. Фабрика выиграла у Поместья в интересах не фабричного рабочего, а владельца фабрики. Демократия была у ворот; но она все

еще находилась по другую их сторону. Однако ее вступление было лишь вопросом времени. С 1832 года английская политическая история представляет собой летопись неохотного предоставления избирательных прав одному классу за другим, просто в силу тенденций эпохи. Ни один из этих обделенных избирательными правами классовников искренне не желал допустить новых избирателей, чтобы они разделили привилегии и лишили власти, которую они завоевали; но каждая политическая партия, в свою очередь, была вынуждена “стрелять Ниагарой”, чтобы конкурировать со своими оппонентами. Билль вигов 1832 года предоставил среднему классу избирательные права в парламенте: закон о муниципальных корпорациях 1835 года дал им контроль над провинциальными городами. После целого поколения волнений, в конечном счете, именно партия Тори предоставила горожанам в 1867 году Домашнее избирательное право. Одиннадцать лет спустя консервативное большинство приняло Закон сэра Чарльза Дилке о предоставлении избирательных прав арендатору многоквартирного дома (1878). В 1885 году либералы, намереваясь окончательно разорить своих противников, отдали голоса сельскохозяйственному рабочему; а в прошлом году (1888) именно тори, не желавшие отставать, передали ему контроль над местной администрацией графств и передали правительство Лондона в руки всенародно избранного совета. Ни одна из партий не может претендовать на большую заслугу в своих законопроектах о реформе, поскольку они были выдвинуты не из-за веры в демократию, а из-за страха перед противоборствующей фракцией. Даже сейчас гражданина обманом лишают права голоса с помощью всевозможных юридических и административных ухищрений; так что более трети наших взрослых мужчин не имеют избирательных прав,^[23] вместе со всеми представителями другого пола. Ни Консервативная партия, ни самозваная “Партия масс” не демонстрируют какого-либо реального желания отдать голос этому немалому остатку; но обе стороны на словах отдают дань уважения демократии; и все знают, что это всего лишь соревнование в ожидании, кого подтолкнуть к следующему шагу. Фактическое завершение политической революции уже налицо; и нельзя привести более поразительного свидетельства импульса новых идей, которые падение Бастилии эффективно распространило по миру, чем этот демократический триумф в Англии, менее чем за столетие, над политическим средневековьем, развивавшимся десять веков.

Рядовой политик пока не подозревает о полном значении этого триумфа. Индустриальная эволюция сделала иностранца безземельным чужаком в его собственной стране. Политическая эволюция быстро делает его ее правителем. Самсон нащупывает опору.

Период анархии.

Результатом промышленной революции с ее разрушением средневековья на фоне бурной реакции против бюрократической тирании прошлого стало то, что все новые элементы общества оказались в состоянии безудержной вседозволенности. Свобода личности, в смысле свободы частного присвоения средств производства, достигла своего максимума в начале века. Никакие сентиментальные предписания не препятствовали свободному использованию земли и капитала для получения максимально возможной денежной выгоды собственниками, сколько бы жизней мужчин, женщин и детей ни было загублено в этом процессе. Невежественные или нерефлексирующие капиталисты до сих пор говорят о том ужасном времени с ликованием. “Не пять и не десять процентов, - говорит один из них, - а тысячи процентов составили состояние Ланкашира”.

Мистер Герберт Спенсер и те, кто согласен с его поклонением индивидуализму[24], очевидно, желают вернуть правовую позицию, которая сделала возможным "белое рабство", которого нас лишили "грехи законодателей"; но никогда не предпринималось серьезных попыток добиться отмены какого-либо из фабричных законов. Женщины, работающие полуголыми в угольных шахтах; маленькие дети, целый день таскающие тележки в зловонной атмосфере подземных галерей; младенцы, привязанные к ткацкому станку на пятнадцать часов в раскаленном воздухе хлопчатобумажной фабрики, которым не дает уснуть только кнут наблюдателя; многочасовой труд для всех, молодых и старых, ограниченный только предельной физической выносливостью; полное отсутствие санитарных условий, необходимых для быстро растущего населения: эти и другие безымянные беззакония будут зафиксированы как результаты свободы контрактов и полного *попустительства* на беспристрастных страницах журнала. последовательные отчеты из синей книги.[25] Но либеральные фабриканты того времени, которым помогали некоторые политэкономисты, упрямо сопротивлялись любым попыткам ограничить их свободу использовать "свой" капитал и "свои" руки так, как они считали наиболее выгодным, и (подобно своим сегодняшним преемникам) предсказывали каждое ограничение по мере того, как оно наступало, что оно неизбежно разрушит экспортную торговлю и лишит их какой бы то ни было прибыли.

Но эта "острая вспышка индивидуализма, не сдерживаемая старыми ограничениями и получившая почти религиозную санкцию определенной бездушной школы писателей", [26] была неизбежна после экономических промахов правительств в восемнадцатом веке. До научного исследования экономических законов люди, естественно, вмешивались в общественное устройство с весьма неудовлетворительными результатами. Особо расточительный или особо бережливый король обесценил валюту, а затем с удивлением обнаружил, что, несмотря на строгие запреты, цены выросли и все хорошие деньги утекли из страны. Мудрые государственные мужи, чтобы сохранить заработную плату, поощряли шерстяные мануфактуры Англии, разоряя ирландские, а затем были поражены, обнаружив, что заработная плата англичан сократилась из-за иммиграции ирландских нищих. Благожелательные парламенты пытались повысить доход трудящихся за счет пособий по закону о бедных, а затем обнаружили, что они его снизили. Христианские короли изгнали половину квалифицированных ремесленников из своих королевств, а затем обнаружили, что они разорили остальных, выведя из строя промышленность. Правительственные инспекторы предписывали, как следует ткать ткань, какие узоры следует делать и какой ширины должен быть кусок, пока производители в отчаянии не закричали, чтобы их просто оставили в покое.

Когда ранние экономисты осознали, насколько радикально ошибочными были даже благонамеренные попытки регулировать экономические отношения с помощью законодательства и насколько в целом эти попытки умножали частные монополии, они в своих выводах сильно склонились к полной индивидуальной свободе. Управление густонаселенным государством - настолько сложное дело, и когда оно осуществляется на основе ложных принципов, оно настолько очевидно, что делается плохо, что было естественно выступать скорее за отсутствие управления вообще, чем за вмешательство невежественных и заинтересованных головорезов. Природа, прославленная культом знаменитой школы французских философов и английских поэтов и еще не подозревавшая о бесчисленных преступлениях "борьбы за существование", казалась, по крайней мере, более надежной, чем Каслри. Настоящая демократическая администрация казалась во времена "Белого террора" и даже при более мягком лицемерии вигов, пришедшем ему на смену, безнадежно далекой. По-

видимому, лучшее, над чем стоило работать и бороться, - это доведение до бессилия и нейтралитета всех "Сильных мира сего". Поскольку их влияние на данный момент было враждебно народу, народу надлежало полностью уничтожить их влияние. Так выросла доктрина того, что профессор Хаксли с тех пор назвал "Административным нигилизмом". Это был апофеоз *Laissez Faire, всеобщего попустительства*.

Хотя с тех пор экономистам пришлось нести всю вину за то, что почти все сейчас считают экономической и социальной ошибкой, ни Юм, ни Адам Смит не заразились *лихорадкой laissez faire* в такой степени, как их французские современники и подражатели. Промышленное положение Англии отличалось от положения Франции. "Торговая система", с помощью которой, как и с помощью современной "Справедливой торговли", внешняя торговля регулировалась и поощрялась в соответствии с тем, что она приводила к увеличению запасов товаров, особенно монет и слитков, в стране, была одинаковой по обе стороны Ла-Манша. Но наша политическая революция уже частично свершилась; и более очевидные оковы феодализма были давным-давно сброшены. Ни один англичанин не был вынужден молотить свою кукурузу на мельнице владельца поместья;[27] тратить неоплачиваемые дни на вспашку господского поля и возку господского сена; или проводить ночи, взбивая воду в господском болоте, чтобы кваканье лягушек не нарушало покой господина. Наши трудовые взносы задолго до этого были заменены денежными выплатами; и они стали незначительными из-за изменения курса валюты. Наши законы об ученичестве и правила гильдий быстро теряли силу. Никакие досадные акцизы или ограничения не мешали нашему производству.

Там была достаточная тирания и экономический разор; но они не принимали формы личного вмешательства и унижений. Француз, не принадлежавший к знати, был бондом, и он знал это; англичанин из среднего класса в значительной степени считал себя свободным: его экономическое рабство, хотя и раздражало его, не было четко отличимо от скупости природы. Землевладелец во Франции был очевидным тираном: здесь он, конечно, вызвал (путем абстрагирования экономической ренты) искусственное бесплодие труда рабочих; но бесплодие было настолько старым и постоянным, что оно не считалось искусственным и не вызывало возмущения как таковое. Ни один крестьянин не восстает против мора. Соответственно, с 1381 года у нас в Англии никогда не сжигали *замки*; и, соответственно, Адам Смит также не является абсолютным сторонником *laissez faire*, хотя его великая работа была эффективной главным образом в отмене ограничений и правил внешней торговли и в придании жизнеспособности труду путем установления географической свободы рабочего перемещаться и заключать договор о заработной плате, когда и где он лучше всего мог. Английские экономисты, нелогично не доходя до полной свободы, проповедуемой Руссо и Годвином, а также современными научными анархистами, отстаивали ровно столько свободы, сколько было достаточно для обогащения ланкаширских капиталистов и создания современного пролетариата.

Утилитаристы уместно сочетаются с политэкономистами в связи с этим направлением мысли. Хотя Адам Смит не принадлежал к их школе, почти вся работа по разработке и популяризации новой науки была проделана ими. Только после заключения Мира, когда Бентам и Джеймс Милль были в полном расцвете сил и вскоре получили подкрепление от Остина, Вильерса, Джона Стюарта Милля, Робака, Гроте, Рикардо и других, Политическая экономия стала силой в Англии. Мотив и энтузиазм по отношению к новой науке, несомненно, исходили из утилитарной этики. Если единственными хозяевами человека были удовольствие и боль, то знание естественных законов, выражающих ход социальных действий и, таким образом, регулирующих удовольствие и боль, приобрело жизненно важное значение. Если такова Божья воля, как

утверждали Пейли и Остин, что люди должны стремиться к счастью, то изучение того, как достичь экономического комфорта, становится священным долгом, и именно так всегда считалось такими рациональными богословами, как Мальтус, Чалмерс, Морис, Кингсли и сегодняшняя молодежь из Высшей Церкви. Христианство и течение современной мысли начали объединяться; и мы можем видеть в епископах Беркли и Пейли предшественников такого развития событий, как Гильдия святого Матфея.[28]

Утилитарная философия, помимо содействия популяризации экономической науки, оказала сильное влияние на ее ранний характер. Тенденция к *невмешательству*, унаследованная от страны и столетия потрясений и бунта против власти, была усилена деструктивной критикой Бентамом всех почтенных реликвий прошлого. Какая польза от этого, спрашивал он, от каждой частички существовавшего тогда социального института. Каков конечный результат его существования для индивидуального счастья? Мало что из законов и обычаев — да и вообще из социальной организации того времени — могло выдержать это испытание. Англия была покрыта прогнившими пережитками прошлых обстоятельств; вся администрация была инструментом классового господства и воспитания паразитов; прогресс промышленной революции быстро делал устаревшими все законы, обычаи, пословицы, изречения и детские сказки; а внезапный рост населения сбивал с толку все ожидания и приводил в замешательство все договоренности. В конце концов стало небрежно приниматься как учение как философии, так и опыта о том, что каждый человек должен бороться за себя; и “дьявол заберет последнего” стало общепринятым социальным кредо того, что все еще считалось христианской нацией. Утилитаризм стал протестантизмом социологии, и “как обеспечить для себя и семьи лучшее из обоих миров” считалось долгом, поскольку это, безусловно, было целью, каждого практичного англичанина.

Интеллектуальный и моральный бунт и его политический исход.

Новое кредо “Философского радикализма” не имело своего собственного значения. Его доктрины могли бы подойти владельцам фабрик, крупным торговцам и всем, кто был способен наслаждаться собственной силой в жизненной битве. Но по сути, это было кредо Мэрдстоунов и Грэдграиндов; и первый бунт произошел со стороны артистов. В “гнезде певчих птиц” на Озерах не было ничего подобного, хотя Де Квинси разработал свою абстрактную экономику в манере, до сих пор непревзойденной. Кольридж сделал все возможное, чтобы утопить это в немецком трансцендентализме. Роберт Оуэн и его последователи, восторженные коммунистические кооператоры, стойко отстаивали более высокий идеал. Огромная масса наемных работников никогда не преклоняла колена перед принципами, на которых поддерживалось нынешнее “Белое рабство”. Но первым человеком, который действительно пробил брешь в щите индивидуалистов, был Карлайл, который знал, как заставить людей слушать его. Чаше ошибаясь, чем правя в своих конкретных предложениях, он сумел сохранить веру в более благородные цели, чем сколачивание состояния в этом мире и спасение души в следующем. Затем появились Морис, Кингсли, Рескин и другие, кто осмелился подвергнуть сомнению нынешний культ среднего класса; пока, наконец, через Конта и Джона Стюарта Милля, Дарвина и Герберта Спенсера концепция Социального организма наконец не проникла в умы, хотя еще и не в книги, даже наших профессоров политической экономии.

Между тем, практичного человека, не заботящегося ни о чем из этого, неудержимо тянуло в том же направлении. В условиях нынешней политической экономии и вопреки всем усилиям

зарождающихся либералов Англия была вынуждена протянуть руку помощи своим более слабым членам. Множество местных законов о благоустройстве, О дренаже, о грузовиках, О регулировании шахт, Заводских актов, Законов об общественном здравоохранении, Законов о фальсификациях стали законом.[29] Свобода собственника угнетать неимущих путем взимания экономической дани в виде ренты и процентов начала ограничиваться, урезаться, чиниться препятствия и запрещаться в различных направлениях. Кусочек за кусочком постепенно урезали прибыль от капитала, а следовательно, и его продажную стоимость, общественно полезными ограничениями свободы его пользователя делать с ним все, что ему заблагорассудится. Кусок за куском сокращались доходы от арендной платы и процентов в результате постепенного переноса налогообложения с потребителей на лиц, имеющих доходы выше среднего по королевству.[30] Шаг за шагом политическая власть и политическая организация страны использовались в промышленных целях, пока сегодня крупнейшим работодателем рабочей силы не стал один из министров короны (генеральный почтмейстер); и почти каждая мыслимая торговля где-либо осуществляется приходом, муниципалитетом или самим национальным правительством без вмешательства каких-либо посредников или капиталистов. Теоретики, которые осуждают взятие обществом в свои руки организации собственного труда как дело экономически нечистое, противоречащее твердой индивидуальной независимости англичан и пока еще находящееся вне сферы практической политики, редко имеют хоть малейшее представление о том, до каких масштабов это уже дошло.[31] Помимо наших международных отношений и армии, военно-морского флота, полиции и судов справедливости, сообщество в настоящее время само управляет, в той или иной части этих островов, почтой, телеграфом, перевозкой мелких товаров, чеканкой монет, обследованиями, регулированием выпуска валюты и банкнот, обеспечением мер и весов, устройством, подметанием, освещением и ремонтом улиц, дорог и мостов, страхованием жизни, предоставлением аннуитетов, судостроением, биржевым маклерством, банковским делом, сельским хозяйством и ростовщичеством. Она обеспечивает многих тысяч из нас от рождения до похорон — акушерство, ясли, образование, питание и ночлег, вакцинацию, медицинское обслуживание, медикаменты, общественные богослужения, развлечения и погребение. Он обустривает и содержит свои собственные музеи, парки, художественные галереи, библиотеки, концертные залы, дороги, улицы, мосты, рынки, бойни, пожарные машины, маяки, лоцманов, паромы, лодки для серфинга, паровые буксиры, спасательные шлюпки, кладбища, общественные бани, прачечные, фунты стерлингов, гавани, пирсы, пристани, больницы, диспансеры, газовые и гидротехнические сооружения, трамваи, телеграфные кабели, земельные участки, пастбища для коров, жилища ремесленников, школы, церкви и читальные залы. Он продолжает и публикует свои собственные исследования в области геологии, метеорологии, статистики, зоологии, географии и даже теологии. В наших Колониях английское правительство далее разрешает и поощряет общины обеспечивать себя железными дорогами, каналами, ростовщичеством, театрами, лесным хозяйством, хинными фермами, ирригацией, деревнями для прокаженных, казино, купальнями и иммиграцией, а также торговать балластом, гуано, хинином, опиумом, солью и всем прочим. Каждая из этих функций, включая функции армии, военно-морского флота, полиции и судов, когда-то была оставлена частным предприятиям и являлась источником законных индивидуальных инвестиций капитала. Шаг за шагом сообщество поглотило их, полностью или частично; и область частной эксплуатации уменьшилась. Параллельно с этой постепенной национализацией или муниципализацией промышленности шло устранение чисто личного элемента в управлении бизнесом. Экономисты старшего поколения сомневались, что

акционерные предприятия могут заниматься чем-либо, кроме банковского дела и страхования: сейчас всеми мыслимыми отраслями, вплоть до выпечки и продажи молока, успешно управляют наемные служащие крупных корпораций, состоящих из праздных акционеров. Более трети всего бизнеса Англии, измеряемого применяемым капиталом, [32] в настоящее время осуществляется акционерными компаниями, акционеры которых могут быть экспроприированы обществом без каких-либо потрясений в отраслях, которыми они занимаются, кроме тех, которые вызваны ежедневной покупкой акций на фондовой бирже.

Помимо прямого вытеснения частного предпринимательства, государство теперь регистрирует, инспектирует и контролирует почти все производственные функции, которые оно еще не взяло на себя. В дополнение к рожденьям, бракам, смертям и выборщикам, государство регистрирует всех солиситоров, барристеров, нотариусов, патентных поверенных, брокеров, владельцев газет, производителей игральные карт, пивоваров, банкиров, моряков, капитанов, помощников капитана, врачей, извозчиков, лоточников, ростовщиков, табачников, винокурен, торговцев посудой, дичью; все страховые компании, дружеские общества, благотворительные школы и общества с ограниченной ответственностью, земли, дома, документы, купчие, сочинения, корабли, оружие, собак, кэбы, омнибусы, книги, пьесы, брошюры, газеты, движения за хлопок-сырец, товарные знаки и патенты; ночлежки, трактиры, закусочные, театры, мюзик-холлы, места отправления культа, начальные школы и танцевальные залы.

Регистрация также не является простой формой. Большинство из вышеперечисленного также подвергается проверке и критике, как и все железные дороги, трамваи, корабли, шахты, фабрики, суда на каналах, общественный транспорт, рыбные хозяйства, бойни, молокозаводы, молочные лавки, пекарни, детские фермы, газометры, анатомические школы, лаборатории вивисекции, взрывные работы, шотландская сельдь и обычные ночлежки.

Проверка часто носит детальный характер и строго соблюдается. Государство на большинстве крупных промышленных предприятий устанавливает возраст работника, часы работы, количество воздуха, света, кубического пространства, тепла, туалетов, время отпуска и приема пищи; где, когда и как должна выплачиваться заработная плата; как должны быть огорожены и охраняться машинные лестницы, лифтовые шахты и карьеры; как и когда завод должен убираться, ремонтироваться и эксплуатироваться. Даже вид упаковки, в которой должны продаваться некоторые товары, должным образом предписан, чтобы отдельный капиталист не воспользовался своим положением. Со всех сторон его регистрируют, проверяют, контролируют и в конечном итоге вытесняют обществом; а тем временем он вынужден уступать на общественные цели все возрастающую долю своей арендной платы и процентов.

Даже в областях, все еще оставленных частному предпринимательству, его деятельность, таким образом, с каждым днем все более строго ограничивается, чтобы анархическая конкуренция частной жадности, которая в начале века считалась единственным непогрешимым благотворным принципом общественного действия, не могла полностью уничтожить государство. Все это было сделано "практичными" людьми, несведущими, так сказать, ни в какой научной социологии, полагающими социализм самой глупой из мечтаний и абсолютно игнорирующими, как они думали, все высокопарные требования социального переустройства. Таков непреодолимый размах социальных тенденций, что каждым своим действием они стремились к тому самому социализму, который они презирали, и к разрушению

индивидуалистической веры, которую они все еще исповедовали. Они строили лучше, чем думали.

Ни в коем случае не следует предполагать, что эти начинания социальной реорганизации были осуществлены или предложения по их расширению выдвинуты на передний план без сознательных усилий отдельных реформаторов. “Дух времени” силен; но он не принимает парламентские акты без законодателей и не возводит муниципальные библиотеки без членов городских советов. Хотя наши решения формируются обстоятельствами времени, а окружающая среда, по крайней мере, приближает нас к цели, формирует их по нашему усмотрению; тем не менее, каждое поколение решает само за себя. Индивид по-прежнему должен сопротивляться социальной эволюции или способствовать ей, сознательно или бессознательно, в зависимости от его характера и информации. Важность полного осознания социальных тенденций эпохи заключается в том факте, что ее существование и всеобъемлющность часто определяют целесообразность наших конкретных действий: мы движемся с меньшим сопротивлением вместе с потоком, чем против него.

Общая неспособность осознать, до какой степени наш бессознательный социализм уже продвинулся вперед — неспособность, из-за которой тратится много времени и труда на изложение и разработку на бумаге самых нелепых, непрактичных, антисоциалистических демонстраций невозможности повседневных проблем, — объясняется тем фактом, что мало кто что-либо знает о местной администрации за пределами своего собственного города. Именно муниципалитеты сделали больше всего для “социализации” нашей промышленной жизни; и муниципальная история этого столетия еще не написана. Здесь можно привести несколько подробностей относительно этой прогрессирующей “муниципализации” промышленности. Большинство из нас знает, что местные органы власти взяли на себя заботу о дорогах, переулках и мостах, которые когда-то были полностью переданы в ведение отдельных предприятий, а также об освещении и очистке всех общественных магистралей и обеспечении канализации, дренажей и “ливневых стоков”. Возможно, не столь широко известно, что только в Англии и Уэльсе на эти услуги ежегодно расходуется не менее 7 500 000 фунтов стерлингов, что составляет около пяти процентов арендной платы в стране. Обеспечение рынков, ярмарок, гаваней, пирсов, доков, больниц, кладбищ и могильников по-прежнему находится в ведении частных капиталистов; но те, что находятся в государственных руках, ежегодно поглощают почти 2 000 000 фунтов стерлингов. Парки, площадки для развлечений, библиотеки, музеи, бани и прачечные обходятся государственным фондам более чем в полмиллиона фунтов стерлингов. Однако все это сравнительно неважные услуги. Именно в сфере обеспечения газом, водой и трамвайными путями местные власти организуют работу в больших масштабах. Практически половина потребителей газа в королевстве обеспечивается общественными газовыми заводами, которые существуют в 168 отдельных населенных пунктах, с ежегодными расходами более трех миллионов долларов.^[33] Вряд ли нужно добавлять, что выгода для населения огромна, несмотря на огромную цену, заплаченную за работу во многих случаях; и что дальнейшая муниципализация газовой промышленности продвигается с большой скоростью, не менее двенадцати местных органов власти получили займы на эти цели (и один на электрическое освещение) за один год (Отчет Совета местного самоуправления, 1887-8, с— 5526, стр. 319-367). С такой же быстротой водоснабжение становится делом коммерческой организации, государственные расходы уже достигают почти миллиона фунтов стерлингов в

год. Шестьдесят пять местных властей заняли деньги на водоснабжение в 1887-1888 годах, сельские и городские округа были представлены в равной степени (с—5550, стр. 319-367). Аналогичное развитие претерпевают трамваи и паромы. Около тридцати одного города, включая почти все крупные провинциальные центры, владеют некоторыми или всеми собственными трамвайными путями. Манчестер, Брэдфорд, Бирмингем, Олдхэм, Сандерленд и Гринок арендуют свои предприятия; но среди муниципалитетов Хаддерсфилду хватает здравого смысла прокладывать свои линии без какого-либо вмешательства "посредников" с отличными общественными результатами. Пробег трамваев, принадлежащих местным властям, увеличился в пять раз с 1878 года и составляет более четверти от общего пробега (Отчет Палаты общин, 1887-8, № 347). Последней важной работой, завершенной Метрополитенским строительным советом, было создание "бесплатного парового паром" на Темзе, стоимость которого зависит от тарифов. В некоторых отношениях это самое значительное событие из всех. Разница между бесплатным паровым паромом и бесплатной железной дорогой, очевидно, лишь в степени.

Стоит упомянуть еще несколько случаев. В Глазго строятся и обслуживаются семь общественных "общих жилых домов"; в Ливерпуле проводятся научные лекции; в Манчестере строится художественная галерея; в Бирмингеме работают школы дизайна; в Лидсе создаются обширные рынки для скота; а в Брэдфорде вода подается по цене ниже себестоимости. В стране насчитывается около сотни бесплатных библиотек и читальных залов. Мелкие услуги, которые в настоящее время оказывают государственные органы, неисчислимы.[34] Этот "Муниципальный социализм" стал возможным благодаря созданию местного долга, который в настоящее время достигает более 181 000 000 фунтов стерлингов.[35] Ежегодно выплачивается около 10 000 000 фунтов стерлингов в виде процентов и амортизационного фонда по долгу; и в этой степени денежная выгода от муниципализации уменьшается. Сохраняются все преимущества[36] общественной организации труда, помимо значительной денежной прибыли; в то время как объективная дифференциация экономических классов (путем отделения праздного *рантье* от менеджера или *предпринимателя*) чрезвычайно облегчает массовое понимание природы экономической дани, известной как процент. Более того, в той мере, в какой повышаются ставки, проценты, выплачиваемые капиталисту, взимаются главным образом за счет землевладельца, и мы имеем соответствующую "национализацию" значительной части экономической ренты. Рост местных ставок составил 36 процентов, или почти 7 000 000 фунтов стерлингов, за одиннадцать лет и продолжает расти. Они сейчас составляют более двадцати шести миллионов фунтов стерлингов только в Англии и Уэльсе, или около 17 процентов арендной платы в стране (С-5550, стр. clxxiv).

Также нет никакой очевидной перспективы замедления темпов этого бессознательного отказа от индивидуализма. Ни один член парламента даже не внес Законопроект, претворяющий в жизнь анархистские принципы, изложенные в книге Герберта Спенсера "Человек *против* государства". Небескорыстные усилия Лиги защиты свободы и собственности не в состоянии помешать даже консервативному парламенту принять дальнейшее социалистическое законодательство. Мистер Гладстон заметил другу в 1886 году, что вопрос о самоуправлении превратит Либеральную партию в радикальную. Он мог бы сказать, что это сделает обе партии социалистическими. Бесплатное начальное и государственное техническое образование в настоящее время практически признано по обе стороны Палаты представителей, при условии, что так называемые "добровольные школы", которые сами наполовину содержатся за счет государственных средств, не будут ликвидированы. Г-н Чемберлен и младоконсерваторы открыто выступают за далеко идущие проекты социальных реформ через государственные и

муниципальные агентства как средство получения поддержки населения. Национал-либеральная федерация принимает специальное налогообложение стоимости городской земли в качестве основного элемента своей внутренней программы,[37] несмотря на то, что это предложение характеризуется старомодными либералами как явная конфискация такой большой части собственности землевладельцев. Лондонский либерально-радикальный союз, президентом которого является мистер Джон Морли, даже предлагает, чтобы Совет графства получил полномочия по восстановлению лондонских трущоб исключительно за счет арендодателя.[38] Поэтому неудивительно, что Конгресс профсоюзов теперь должен был дважды заявить о “национализации земли” значительным большинством голосов или о том, что основная часть Совета Лондонского графства должна быть возвращена на по существу социалистическую платформу. Все непосредственно осуществимые требования самых требовательных социалистов, действительно, теперь часто воплощаются в текущей радикальной программе; и следующее изложение ее со страниц газеты “*Star*” от 8 августа 1888 г. может служить изложением текущих требований социалистов к дальнейшему законодательству.[39]

Пересмотр налогообложения.

Цель.— Полное перекалывание бремени с рабочих любого класса на получателей ренты и процентов с целью окончательного и постепенного исчезновения последнего класса.

Означает.-1. Отмена всех таможенных и акцизных сборов, за исключением сборов на спиртные напитки. 2. Повышение подоходного налога с дифференциацией в пользу заработанных по сравнению с незаработанными доходами и постепенной градацией по системе последовательных уровней снижения. 3. Выравнивание и увеличение сборов в случае смерти и использование вырученных средств в качестве капитала, а не дохода. 4. Перенос местных ставок и платы за жилье с жильца на владельца, несмотря на любой контракт, предусматривающий обратное. 5. Обязательное погашение существующего земельного налога и повторное взимание всей арендной платы за землю и повышение ее стоимости. 6. Отмена платы за лицензии на трудоустройство. 7. Отмена полицейско-судебных сборов.

Продление заводских актов.

Возражаю.— Повысить повсеместно уровень комфорта путем получения всеобщего признания минимальной заработной платы и максимального рабочего дня.

Означает.-1. Распространение общих положений Законов о фабриках и мастерских (или Законов о регулировании шахт, в зависимости от обстоятельств) на всех работодателей рабочей силы. 2. Обязательная регистрация всех работодателей, нанимающих более трех (?) работников. 3. Значительное увеличение числа инспекторов, в том числе женщин, которые будут в основном выбираться из класса наемных работников. 4. Немедленное сокращение максимального количества часов до восьми в день на всех государственных и муниципальных должностях, на всех шахтах и во всех лицензированных монополиях, таких как железные дороги, трамваи, газовые заводы, гидротехнические сооружения, доки, гавани и т.д.; и в любой профессии, которой желает заниматься большинство рабочих. 5. Обязательное включение положений во все контракты на государственные или муниципальные поставки, предусматривающих (а), что не должно быть субподряда, (б), что ни один работник не должен

быть занят более восьми часов в день, и (с), что не должна выплачиваться заработная плата ниже установленного минимума.

Реформа образования.

Возражаю.— Дать возможность всем, даже самым бедным, детям получить не просто некоторое, а самое лучшее образование, на которое они способны.

Означает.-1. Немедленная отмена всех сборов в государственных начальных школах, платных или добровольных, с соответствующим увеличением государственной субсидии. 2. Создание министерства образования, с контролем над всей системой образования, от начальной школы до университета, и над всеми образовательными ресурсами. 3. Создание государственных технических и средних школ там, где это необходимо, и учреждение значительных государственных стипендий для получения среднего образования. 4. Продолжение во всех случаях начального образования в вечерних школах. 5. Регистрация и инспекция всех частных учебных заведений.

Реорганизация системы администрирования законов о бедных.

Цель.— Щедро и без стигматизации оказывать помощь престарелым, больным и обездоленным из-за временной нехватки работы, не ослабляя “тестов” на способность к трудоспособному безделью.

Означает.-1. Отделение системы помощи престарелым и больным от системы работных домов посредством всеобщей системы пенсий по возрасту и государственных лазаретов. 2. Организация производства и технического образования всех трудоспособных бедняков. 3. Предоставление временной помощи безработным. 4. Замена Попечительских советов местными муниципальными властями.

Расширение муниципальной деятельности.

Возражаю.— Постепенная общественная организация труда для всех общественных целей и устранение частного капиталиста и посредников.

Означает.-1. Предоставление дополнительных возможностей для приобретения земли, разрушение без компенсации всех жилищ, признанных непригодными для проживания, и предоставление муниципалитетом жилищ ремесленников. 2. Содействие каждому расширению муниципальной администрации в Лондоне и всех других городах, включая газоснабжение, водоснабжение, рынки, трамваи, больницы, кладбища, парки, музеи, художественные галереи, библиотеки, читальни, школы, доки, гавани, реки и т.д. 3. Предоставление местным сельским властям обширных возможностей для приобретения земли местными сельскими властями под земельные наделы, общие пастбища, общественные залы, читальни и т.д.

Изменение политического механизма.

Возражаю.— Получить наиболее точное представление и выражение желаний большинства людей в каждый момент времени.

Означает.-1. Реформа регистрации таким образом, чтобы дать право голоса, как парламентского, так и муниципального, каждому взрослому. 2. Отмена любого периода проживания в качестве требования для регистрации. 3. Двухлетняя регистрация специальным государственным служащим. 4. Ежегодные парламенты. 5. Оплата избирательных расходов, включая почтовые расходы на избирательные адреса и карточки для голосования. 6. Оплата услуг всех представителей общественности, парламентских, окружных или муниципальных. 7. Повторное голосование. 8. Упразднение или безболезненное упразднение Палаты лордов.[40]

Это программа, к которой столетие промышленной революции привело Радикально настроенного рабочего человека. Подобно Джону Стюарту Миллю,[41] хотя и менее явно, он перешел от простой политической демократии к полному, хотя и бессознательному, социализму.[42]

Новый синтез.

Вряд ли нужно говорить, что социальная философия того времени не осталась незатронутой политической эволюцией и промышленным развитием. Все это время в умы людей медленно проникала концепция новой социальной связи и нового конца социальной жизни. Было обнаружено (или переоткрыто), что общество — это нечто большее, чем совокупность стольких отдельных единиц, что оно обладает существованием, отличным от существования любого из его компонентов. Идеальный город стал признаваться чем—то большим, чем любое количество добропорядочных граждан, - чем-то, что проверялось другими тестами и взвешивалось на других весах, помимо отдельного человека. Сообщество обязательно должно стремиться, сознательно или нет, к продолжению своего существования как сообщества; его жизнь выходит за рамки жизни любого из его членов; и интересы отдельной единицы часто должны вступать в противоречие с интересами целого. Хотя социальный организм сам развился из союза отдельных людей, индивид теперь создается социальным организмом, частью которого он является: его жизнь порождена более широкой жизнью; его атрибуты формируются социальным давлением; его деятельность, неразрывно переплетенная с другими, принадлежит деятельности целого. Без непрерывности и крепкого здоровья социального организма ни один человек не может сейчас жить или процветать; и, соответственно, его сохранение является его первостепенной целью. Его сознательный мотив действия может быть, нет, всегда должен быть индивидуальным для него самого; но там, где такое действие оказывается враждебным общественному благополучию, оно должно рано или поздно быть остановлено целым, иначе целое погибнет из-за ошибки своего члена. Соответственно, условия социального здоровья являются предметом научного исследования. В любой момент существует одно особое устройство социальных отношений, которое предполагает минимум человеческих страданий, тогда и там возможных среди “скупости природы”. Пятьдесят лет назад предполагалось, что абсолютная свобода в смысле индивидуальной или “мужской” независимости, плюс уголовный кодекс, спонтанно приведут к такому устройству для каждой конкретной нации; и результатом стал философский апофеоз *Laisser Faire*. Сегодня каждый студент осознает, что факты жизни не подтверждают таких оптимистичных предположений.[43] Теперь мы знаем, что при естественном отборе на стадии развития, когда на карту поставлено существование цивилизованного человечества, отбираемыми единицами являются не индивиды, а общества. Его действие на более ранних стадиях, хотя и аналогично, совершенно не похоже. Среди низших животных физическая сила или ловкость являются предпочтительными качествами; если бы какой-нибудь посланный небом гений среди каракатиц развил в себе утонченные

поэтические способности, это высокое совершенство не замедлило бы его уступить своему неповоротливому соседу. Когда, выше по шкале, умственная хитрость стала предпочтительным атрибутом, дополнительная извилина мозга, приведшая первобытного человека к изобретению огня или орудий труда, позволила сравнительно тщедушному дикарю стать победителем и выжить среди своих собратьев.

Культура мозга, соответственно, развивалась быстрыми темпами; но мы еще не до конца осознаем, что она сама по себе была вытеснена социальной организацией как “избранный” атрибут. Культурные афиняне, сарацины и провансальцы уступили в борьбе за существование своим соответствующим конкурентам, которые, уступая в индивидуальном отношении, обладали в то время более ценной социальной организацией. Французская нация потерпела поражение в последней войне не потому, что средний немец был на полтора дюйма выше среднего француза, или потому, что он прочитал на пять книг больше, а потому, что немецкий социальный организм, по меркам того времени, превосходил по эффективности французский. Если мы хотим передать загробному миру наше непосредственное влияние, а не просто память о нашем превосходстве, мы должны уделять еще больше внимания совершенствованию социального организма, частью которого мы являемся, чем совершенствованию нашего собственного индивидуального развития. Или, скорее, совершенное и подобающее случаю развитие каждого индивида - это не обязательно предельное совершенствование его собственной личности, но выполнение наилучшим возможным способом его скромной функции в великой социальной машине. Мы должны отказаться от самомнения, воображающего, что мы являемся независимыми единицами, и подчинить наши ревнивые умы, поглощенные собственным совершенствованием, этому подчинению высшей цели, Общему Благу. Соответственно, сознательная “прямая адаптация” неуклонно вытесняет бессознательную и расточительную “косвенную адаптацию” более ранней формы борьбы за существование; и с каждым прогрессом социологических знаний человек все больше и больше приобретает не только господство над “вещами”, но и сознательный контроль над самой социальной судьбой.

Эта новая научная концепция социального организма совершенно выбила из колеи заветные принципы политэкономистов и философских радикалов. Мы оставили их весело плывущими в Анархию по течению *Laisser Faire*. С тех пор ситуация изменилась. Публикация “Политической экономии” Джона Стюарта Милля в 1848 году удобно отмечает границу старой индивидуалистической экономики. Каждое издание книги Милля становилось все более и более социалистическим. После его смерти мир узнал личную историю, написанную его собственной рукой,^[44] о его развитии от простого политического демократа до убежденного социалиста.

С тех пор тон изменился настолько, что один компетентный экономист, открыто^[45] настроенный антисоциалистически, с сожалением сообщает миру, что все молодые люди теперь социалисты, так же как и многие профессора постарше. Действительно, главным образом из них мир узнал, насколько ошибочными были прежние экономические обобщения и, прежде всего, насколько неполными были руководства к социальным или политическим действиям. Соответственно, эти обобщения сейчас можно встретить только в передовых статьях, проповедях или выступлениях священников или епископов.^[46] Сам Экономист знает их не больше.

Результатом такого развития социологии является необходимость пересмотра относительной важности свободы и равенства как принципов, которые необходимо учитывать при социальном управлении. В знаменитых “целях” Бентама, на достижение которых будет направлен гражданский кодекс, свобода преобладает над равенством на том основании, что полное равенство может быть сохранено только за счет потери гарантии на плоды труда. Это объяснение остается таким же верным, как и прежде; но остается вопрос, требующий решения: насколько велика свобода? Экономический анализ разрушил ценность старого критерия уважения равной свободы других. Бентам, экономика которого была слабой, не обращал внимания навечную дань плодам чужого труда, которую неизбежно создает полная частная собственность на землю. По его мнению, свобода и защита собственности означали, что каждый работник должен быть свободен получать полный результат своего собственного труда; и между ними не было никакого несоответствия. Политэкономист теперь знает, что при свободной конкуренции и частной собственности на землю и капитал ни один индивид не может получить полный результат своего собственного труда. Более того, исследователь промышленного развития обнаруживает, что неуклонно становится все более и более невозможным проследить, что именно является результатом труда каждого отдельного человека. Полные права на свободу и собственность обязательно предполагают, например, разграбление ирландского арендатора коттеджей в пользу лорда Клэнрикарда. Что же тогда происходит с бентамским принципом наибольшего счастья наибольшего числа людей? Когда бентамит приходит к пониманию Закона ренты, от какого из двух он откажется? Ибо он не может избежать урока века, преподанного в равной степени экономистами, государственными деятелями и “практиками”, что полная индивидуальная свобода с неограниченной частной собственностью на инструменты производства богатства несовместима с общим благом. Свободная борьба за существование между нами самими угрожает нашему выживанию как здоровому и постоянному социальному организму. Эволюция, заявляет профессор Хаксли[47], - это замена слепой анархической конкуренции сознательно регулируемой координацией между единицами каждого организма. Тридцать лет назад Герберт Спенсер продемонстрировал несовместимость полной частной собственности на землю с современным демократическим государством;[48] и почти каждый экономист сейчас проповедует ту же доктрину. Радикал на основе практического опыта быстро приходит к аналогичным выводам; и неуклонное усиление государственного регулирования частного предпринимательства, рост муниципального управления и быстрое смещение бремени налогообложения непосредственно на ренту и проценты тройным образом указывают на бессознательный отказ государственного деятеля от старого индивидуализма и наше неудержимое скольжение к коллективистскому социализму.

Было неизбежно, что Демократия должна была усвоить этот урок. Поскольку массы болезненно осознавали неспособность индивидуализма создать достойную социальную жизнь для четырех пятых людей,[49] можно было предвидеть, что индивидуализм не переживет их прихода к политической власти. Если частная собственность на землю и капитал неизбежно держит многих рабочих в постоянной бедности (не по их вине), чтобы сделать немногих бездельников богатыми (не по их собственной вине), частная собственность на землю и капитал неизбежно пойдет по пути феодализма, который она заменила. Экономический анализ подтверждает грубое обобщение страданий людей. История промышленной эволюции указывает на тот же результат; и на протяжении двух поколений главные учителя этики в мире настаивали на одном и том же уроке. Неудивительно, что небеса индивидуализма разворачиваются перед нашими глазами, как свиток; и даже епископы верят и трепещут.[50]

Конечно, возможно, как предположили сэр Генри Мэйн и другие, что весь опыт века - ошибка, и что политическая власть снова перейдет в руки монарха или аристократической олигархии. Действительно, именно недостаток веры в демократию удерживает большинство образованных сторонников социализма от откровенного принятия его принципов. В чем заключалась бы экономическая сторона такого политического атавизма, предсказать нелегко. Машиностроение и паровую энергетику вряд ли можно было бы отбросить вместе с собранием и урной для голосования. Однако до тех пор, пока демократия в политическом управлении продолжает оставаться доминирующим принципом, социализм можно с полной уверенностью предсказывать как его экономическую оборотную сторону, несмотря на те причуды или отклонения демократии, которые уже кое-где породили недолговечную монархию или романтическую диктатуру. Каждое усиление политической власти пролетариата, несомненно, будет использовано им для своей экономической и социальной защиты. Во всяком случае, в Англии история века служит им одновременно руководством и оправданием.

СНОСКИ:

[12] См. “Социализм в Англии” (American Economic Association, vol. iv, часть 2, май 1889 г.), в котором была воплощена часть этого эссе.

[13] “Я знаю, что есть некоторые, кто полагает, что наши нынешние буржуазные порядки должны быть полностью разрушены и другие заменены почти одним ударом. Но какой бы успешной ни была революция, несомненно, что человечество не может изменить всю свою природу за один раз. Разбейте старую скорлупу, конечно; но никогда не забывайте о том факте, что новые формы *должны* вырасти из старых” (Х. М. Гайндман, “Исторические основы социализма”, 1883, стр. 305).

[14] Смотрите статью Уильяма Кларка “Социализм в английской политике” в *“Political Science Quarterly”*, декабрь 1888г.

[15] Даже Бентам сказал это о Джеймсе Милле (“Жизнь Дж. М.” Бейна, стр. 461), о котором это вряд ли было правдой.

[16] “Принципы политической экономии”, последнее издание, 1865, стр. 477 (цитирую по Фейгере)

[17] Упоминается в знаменитом отрывке Адама Смита “Богатство наций”, книга 1, глава. viii.

[18] Не говоря уже об ограничениях, налагаемых законом о “Поселении” (13 и 14 Карла II, гл. 12), который позволял двум судьям в упрощенном порядке отправлять обратно в свою деревню любого мигрирующего рабочего.

[19] На это обратил внимание Мальтус, “Принципы политической экономии”, стр. 225; см. также проф. Торольд Роджерс, “История сельского хозяйства и цен” и “Шесть столетий труда и заработной платы”.

[20] Более подробную информацию можно найти в следующем эссе. См. также “Промышленную революцию” Арнольда Тойнби.

[21] В период с 1801 по 1845 год население Манчестера выросло на 109%, Глазго - на 108%, Ливерпуля - на 100% и Лидса - на 99% (Отчет уполномоченных по состоянию здоровья крупных городов, 1843-45).

[22] У. Дж. Леки, "История восемнадцатого века", том v, стр. 453.

[23] Число зарегистрированных избирателей на дату последних выборов (1886 г.) составляло 5 707 823 человека из взрослого мужского населения численностью более девяти миллионов.

[24] Однако немногие из последователей г-на Спенсера, по-видимому, осознают, что он предполагает национализацию земли как необходимое условие индивидуалистического сообщества (см. "Социальную статику", *passim*).

[25] В настоящее время иногда утверждается, что текущие описания заводской жизни при режиме свободы контрактов сильно преувеличены. Это не так. Ужасы, выявленные в отчетах официальных расследований, даже превосходят те, которые обычно цитируются. Полный отчет о законодательстве и фактах, на которых оно было основано, можно найти в книге фон Пленера "Английское фабричное законодательство". Основными официальными отчетами являются отчеты Комитета Палаты общин за 1815-186 гг., Комитета Палаты лордов за 1819 г. и Королевской комиссии за 1840 г. Маркс ("Капитал") приводит много других ссылок. См. также Ф. "Положение английского рабочего класса" Энгельса.

[26] Профессор Х. С. Фоксвелл (Университетский колледж, Лондон, стр. 249 Эссе о "Требованиях труда" (Эдинбург: Кооперативная типография, 1886).)

[27] Это утверждение, хотя в целом и верно для Англии, не совсем таково. Потребовался Парламентский акт 1758 года (32 Георга II, с. 61), чтобы освободить жителей "деревни" Манчестер от обязанности молотить всю свою кукурузу и зерновые на манориальных водяных мельницах ("История законодательства о частных векселях" Клиффорда, том. ii, стр. 478). Даже в 1809 году им пришлось получить согласие сэра Освальда Мосли, владельца поместья, прежде чем можно было зарегистрировать компанию для обеспечения водоснабжения (*Там же.*, стр. 480). Теоретически Лидс был вынужден молотить кукурузу, зерно и солод на мельницах лорда вплоть до 1839 года, и фактически тогда ему пришлось заплатить 13 000 фунтов стерлингов, чтобы погасить этот феодальный "долг" (*Там же.*, стр. 498).

[28] Посмотрите его орган "Церковный реформатор". Лондон, Адельфи, Дьюк-стрит, 8.

[29] Начало фабричного законодательства можно найти в "Законе о морали и здоровье", 42 Гео. III, с. 73 (1802). Другие последовали в 1819, 1825 и 1831 годах; но их положения были почти полностью отменены из-за отсутствия инспекторов. После принятия Законопроекта о реформе более строгие законодательные акты 1833, 1844 и 1847 годов обеспечили некоторое улучшение. Закон 1878 года закрепил законодательство по этому вопросу. Радикальные и социалистические предложения по дальнейшему развитию в этом направлении можно найти на странице 55. До 1845 года было принято около 400 местных законов о благоустройстве. В последующие годы были приняты различные общие акты, которые отныне были включены путем ссылки во все местные акты. Первый "Закон об общественном здравоохранении" был принят в 1848 году; и последовательные продления этого ограничительного законодательства с санитарными целями были даны в 1855, 1858, 1861 и 1866 годах. Консолидирующие акты 1871

года и, наконец, 1875 года дополняют нынешний санитарный кодекс, который теперь представляет собой толстый том ограничений на свободное использование земли и капитала.

[30] *Минимальный доход*, облагаемый подоходным налогом (150 фунтов стерлингов), близко соответствует *среднему* семейному доходу. См. Трактат Фабиана, № 5, “Факты для социалистов”.

[31] Смотрите “Прогресс социализма”. (Лондон: The Modern Press, 13 Paternoster Row, E. C. Цена один пенни.)

[32] См. “Капитал и земля” (Трактат Фабиана, № 7), стр. 7.

[33] Отчет правительства за 1887-8 гг. см. в “Журнале Совета по торговле”, январь 1889 г., стр. 76-8.

[34] Не всем известно, что Лондонская корпорация фактически занималась страхованием от пожаров с 1681 по 1683 год, но была вынуждена отказаться от него из-за противодействия тех, кто заинтересован в частных предприятиях, которые в конце концов получили мандат в Суде королевской скамьи для сдерживания гражданского конкурента (Walford's Insurance Cyclopædia, vol. iii, стр. 445-446).

[35] C—5550, стр. 436. Это, кстати, аренда примерно на один год. Каждый год мы платим арендодателям за разрешение жить в Англии столько, сколько составляет вся непогашенная стоимость великолепного имущества местных органов власти.

[36] См. “Правительственную организацию труда”, Отчет Комитета Фабианского общества, 1886г.

[37] См. Отчет о ежегодном собрании в Бирмингеме, сентябрь 1888 г.

[38] Смотрите резолюции, принятые Советом по просьбе Исполнительного и Генерального комитета 8 февраля 1889 года. (“*Дейли Ньюс*”, 9 февраля.) Профессор Стюарт, член парламента, представил законопроект, воплощающий эти удивительные предложения.

[39] Интересно сравнить эту программу, в которой основное внимание уделяется экономическим и социальным реформам, с чисто политическим характером “Пяти пунктов” чартистов, а именно: Избирательное право мужчин, голосование тайным голосованием, ежегодные выборы в парламенты, выплата членам, освобожденным от имущественного ценза, и равные избирательные округа.

[40] Вряд ли нужно говорить, что схемам “свободной земли”, крестьянской собственности или предоставления избирательных прав в аренду нет места в современной программе социалистического радикала или социал-демократа. Это пережитки индивидуалистического радикализма, который уходит в прошлое. Кандидаты, стремящиеся к популярному “крику”, все больше и больше избегают этих реакционных предложений.

[41] “Автобиография”, стр. 231-2. См. также книгу IV. из “Принципов политической экономии” (Популярное издание, 1865).

[42] Чтобы спрогнозировать трудности, с которыми придется столкнуться этой программе по мере более четкого осознания ее полного охвата и замысла, смотрите восьмое эссе Хьюберта Блэнда в этом томе.

[43] См. “Дарвинизм и политика” Д. Г. Ричи, сотрудника и преподавателя Колледжа Иисуса в Оксфорде (Лондон: Swan, Sonneshin & Co., 1889).

[44] “Автобиография”, стр. 231-2.

[45] Преподобный Ф. В. Эвелинг, директор Тонтонского независимого колледжа, в листовке “Долой социалистов”, август 1888 г. См. также статью профессора Х. Седжвика “Экономический социализм”, “Современное обозрение”, ноябрь 1886 г.

[46] То есть, к сожалению, почти во всех высказываниях, которые претендуют на руководство нашими социальными и политическими действиями.

[47] *Современное обозрение*, февраль 1888г.

[48] “Социальная статистика”, *passim*.

[49] См. Письмо профессора Леоне Леви в *Times* от 13 августа 1886 г. и речь г-на Фредерика Харрисона на конференции по оплате труда в промышленности, состоявшейся в январе 1885 г. (Отчет, стр. 429).

[50] См. Отчет Ламбетской епископальной конференции, 1888 г.; тема “Социализм”: также материалы Центральной конференции епархиальных советов, июнь 1889 г. (доклад каноника Фурсе о социализме).

Рабочая обувь.

УИЛЬЯМ КЛАРК, магистр МЕДИЦИНЫ

Моя цель в следующей статье - представить краткий обзор экономической истории последнего столетия или полутора. Из этого я хочу сделать вывод. Эта мораль заключается в том, что была и продолжается экономическая эволюция, практически независимая от наших индивидуальных желаний или предрассудков; эволюция, которая изменила для нас всю социальную проблему, изменив условия материального производства, и которая *ipso facto* производит революцию в нашей современной жизни. Ясно понять, что это за революция, и подготовиться к тому, чтобы воспользоваться ею в свое время, — вот, как я понимаю, вкратце, что подразумевается под социализмом. Невежественная публика, представленная, скажем, среднестатистическим епископом или членом парламента, слышит о “Социальной революции” и немедленно думает об уличных беспорядках, нойадах с *государственным переворотом*: 10 августа, за которым, возможно, последует его Заклятый Враг в виде 18 Брюмера. Но это не Социальная революция. Эти великие перемены тихо происходят каждый день. Каждая новая железнодорожная ветка, открывающая бездорожную пустыню, каждая новая машина, вытесняющая ручной труд, каждая новая комбинация, созданная капиталистами, каждая новая организация труда, каждое изменение цен, каждое новое изобретение — все эти и многие другие силы фактически

совершают социальную революцию на наших глазах: ибо они коренным образом меняют экономическую основу жизни. Возможно, наступит какой-то высший момент времени, в который великое драматическое событие раскроет людям значение изменений, которые привели к нему и которые оно является лишь окончательным выражением. И будущие историки могут называть это Революцией точно так же, как историки сейчас пишут о падении Бастилии или казни Людовика XVI, как если бы эти события составляли Французскую революцию, а не были заключительными условиями в длинной череде событий, которые расшатывали ткань французского феодализма на протяжении нескольких поколений. Истинный пророк - это не невежественный прорицатель, предсказывающий какой-то Армагеддон, а скорее тот, кто осознает неизбежный ход событий. Отчасти в этом духе мы можем рассмотреть экономическую историю современной индустриальной эпохи, чтобы понять ее значение, увидеть, к чему это привело и, следовательно, каковы проблемы, с которыми мы сталкиваемся сегодня.

Если бы мы посетили деревню или маленький городок в Англии, где сто пятьдесят лет назад велись промышленные работы, что бы мы обнаружили? Не было бы видно ни одной высокой трубы, извергающей клубы дыма; ни одно огромное здание с сотней окон, сверкающих светом, не возникло бы перед путешественником, когда он въезжал в город в сумерках; не было бы слышно грохота механизмов; не было бы шума паровых молотов; не попались бы ему на глаза огромные доменные печи, и запахи, доносящиеся с химических заводов на многие километры, не коснулись бы его ноздрей. Если бы местом его посещения был Ланкашир, он бы увидел множество узких домов из красного кирпича с высокими ступенями перед входом и деревянными ставнями снаружи, какие и по сей день можно увидеть в старых частях некоторых городов Ланкашира. Внутри каждого из этих домов находилась маленькая семейная мастерская, в которой не было ни хозяина, ни слуги, в которой семья совместными усилиями производила кусок хлопчатобумажной ткани. Отец сам изготовил основу из льняной пряжи и свою хлопчатобумажную вату для утка. Он купил пряжу в готовом виде, в то время как шерсть для утка чесали и пряли его жена и дочери, а ткань ткали он сам и его сыновья. На крошечной домашней фабрике существовало простое разделение труда, но все инструменты, необходимые для производства хлопчатобумажной ткани, принадлежали производителям. Не было ни капиталиста, ни получателя заработной платы: ткач контролировал свой собственный труд, производил свой собственный обмен и сам получал эквивалент своего собственного продукта. Таков был зародыш великой английской хлопчатобумажной мануфактуры. Фердинанд Лассель сказал: "Общество состоит из девяноста шести пролетариев и четырех капиталистов. Таково ваше государство". Но в старом Ланкашире не было ни капиталиста, ни пролетария.

Или даже гораздо позже, если бы кто—нибудь посетил, скажем, Стаффорд, то не обнаружил бы большой современной обувной фабрики с ее ошеломляющим разнообразием машин, рядом с каждой из которых стоит человек-машина. Ибо сапожное дело в те времена было чистым ремеслом, требующим мастерства, рассудительности и некоторой доли художественного чутья. Каждый сапожник работал в своем собственном маленьком домике, покупал свой материал у торговца кожей и изготавливал каждую деталь обуви собственноручно, с помощью нескольких простых и недорогих инструментов. Он верил, что "нет ничего лучше кожи", и еще не научился искусству надевать на дешевые ботинки дешевую подошву, *не* сделанную из кожи, которая через месяц будет почти изношена. Весьма вероятно, что сапожник не имел права голоса; но он никогда не был подвержен риску быть запертым своим работодателем или быть вынужденным объявлять забастовку против снижения заработной платы, когда его сын сидел в тюрьме за то, что утолял голод за счет соседнего пекаря, или его девушка была на улице, чтобы заплатить за

свое новое платье. Таков был простой индустриализм наших прапрадедов. Но их образу жизни было суждено измениться. Всякий прогресс, говорит мистер Герберт Спенсер, есть дифференциация; и этот грозный фактор начал проявляться в тихой, сонной английской стране. Примерно в 1760 году большая часть ситцевой печати была перенесена из Лондона в Ланкашир, где рабочая сила в то время была дешевле. Как следствие, цены упали, и возрос спрос на ситцы из льняной основы и хлопчатобумажного утка. Тогда манчестерские торговцы, вместо того чтобы покупать у ткача фустианы и ситец, начали снабжать его материалами для изготовления ткани и платить ему фиксированную цену за штуку за выполненную работу. Так манчестерский дилер стал тем, кого французы называют *предпринимателем*; и началось превращение независимого ткача в получателя заработной платы. Железный закон заработной платы и вопрос о безработных также начали смутно вырисовываться. Ибо, как ткач приходил наниматься к торговцу, так и ткач отдавал часть своей работы; и часто случалось, что сумма, которую мастер-ткач получал от своего работодателя, была меньше той, которую он оказывался вынужден платить тем, кого нанимал на прядение. “Он, однако, не осмеливался жаловаться, - говорит мистер Уоттс в своей статье о хлопке (Британская энциклопедия), - и уж тем более снижать цены на прядильщика, чтобы его ткацкие станки не остались без работы”. Количество пряжи, которое можно было изготовить по этой простой системе с помощью однониточного колеса, было очень небольшим. В целом количество пряжи не превышало того, что могут производить 50 000 шпинделей нашего современного оборудования. Поскольку сейчас один человек может управлять 2000 шпинделями, будет видно, что двадцать пять человек с оборудованием могут производить столько же, сколько все население старого Ланкашира. В 1750 году было сделано первое важное изобретение в хлопчатобумажной промышленности в форме махового челнока, изобретенного Кеем из Бери. В 1760 году были внесены усовершенствования в процесс чесания. В 1767 году Харгривз изобрел прядильную машину, и в конце концов на ней было задействовано целых восемьдесят веретен. У изобретательного Харгривза было достаточно возможностей для практического изучения вопроса о “безработных”, поскольку прядильщики, некоторые из которых были вынуждены бездельничать из-за нового изобретения, ворвались в его дом и разрушили его машину. Вскоре после этого в промышленном Ланкашире произошло всеобщее восстание: бедные разнорабочие, чьи пророческие души, очевидно, грезил о грядущем, рыскали по стране и ломали на куски все чесальные и прядильные машины, какие только могли найти.

Прогресс за счет дифференциации, однако, не учитывал второе зрение ланкаширских рабочих. В 1769 году Аркрайт изобрел прядильную раму и получил свой патент на прядение с помощью роликов. В 1775 году Кромптон из Болтона изобрел мулл-дженни, позволяющую прясть нити высочайшего качества. В 1792 году дальнейшие усовершенствования этой машины были внесены Поллардом из Манчестера и Келли из Глазго. В 1785 году пар впервые был применен для прядения хлопка в Ноттингемшире. В 1784 году преподобный Э. Картрайт из Кента изобрел ткачество на механическом ткацком станке, а в августе 1787 года завершил и запатентовал свое изобретение. Таким образом, в течение примерно сорока лет была изобретена серия механических изобретений, результатом которых стало полное изменение метода производства и огромное увеличение выпуска продукции; разделение производственного труда, который раньше выполнялся одной семьей в стенах одной комнаты, между десятками и сотнями людей, каждый из которых выполнял только один сложный процесс; объединение сотен тысяч людей в новых условиях; установление тесных связей доселе изолированного района с далекими зарубежными странами; и отделение прядения или ткачества от владения инструментами. с

чьей помощью была проделана эта работа. Независимый ткач исчез; или, скорее, он был подвергнут, подобно амба, процессу деления, но с той разницей, что в то время как амба производит путем деления другие подобные амба, ткач был разделен на человека, называемого работодателем, и другого, называемого employé или “рукой”. Умножьте эту “руку” на тысячи, и мы получим фабрику, разделенную на отделы, каждый со своей особой деталью работы, каждая деталь вписывается во все остальные, каждая машина продолжает работу там, где ее оставила последняя машина, и каждый вносит свою долю. к совместному продукту. Умножьте предпринимателя; увеличьте в огромной степени совокупность его капитала; устраните барьер национальных границ от его операций; освободите его от обязанности личного надзора; и мы получим акционерного капиталиста.

Остановитесь на мгновение, чтобы поразмыслить о знаменитых мировых событиях, которые наделали столько шума, пока происходили эти промышленные процессы. Завоевание Канады, победы Клайва в Индии, Семилетняя война, успешное восстание американских колоний, Декларация независимости и разработка Американской конституции, деяния Фредерика Великого, приход Питта к власти, избрание Вашингтона президентом, падение Бастилии, смерть Мирабо, падение старой французской монархии, Национальный конвент — все эти великие события, потрясшие мир, были современны промышленной революции в Англии; и эта революция по своим перспективам и силе была важнее их всех.

Я взгляну на развитие другой великой отрасли промышленности - черной металлургии. В прежние времена чугуна в основном обрабатывали на юге Англии, особенно в Сассексе, в районе, ныне чисто сельскохозяйственном. К середине 18 века вокруг Коулбрукдейла начали собираться важные предприятия черной металлургии; и здесь впервые были внедрены многие промышленные изменения в обработке железа. С 1766 по 1784 год были усовершенствованы способы обработки ковкого чугуна и превращения отливки в кованое железо. В 1784 году была изобретена кузница для литья в пудлинг, и это дало огромный толчок производству. В 1828 году использование горячего дутья было заменено холодным воздухом; в 1842 году Нэсмит изобрел паровой молот; а в 1856 году был запатентован бессемеровский процесс выплавки стали. Впоследствии у нас появились регенеративная печь и газогенератор Siemens, использование машинного оборудования вместо ручного труда для формования пудлингов, разливка стали под большим давлением и усовершенствования бессемеровского процесса. В результате этих изобретений рост производства стали за последние несколько лет, особенно в Соединенных Штатах и Великобритании, был огромным. Во всем этом мы видим одну и ту же серию явлений, все они стремятся к огромным монополиям. Машины вытесняют ручной труд; производство сильно стимулируется; необходимый огромный капитал позволяет выжить в конкурентном конфликте только крупным производителям; и в результате мы получаем четко определенные совокупности капитала, с одной стороны, и зависимых механизаторов - с другой.

Я упомянул обувную промышленность как некогда чисто ремесленную. Простые машинные процессы крепления подошв и каблуков к внутренней поверхности подошв начали применяться в 1809 году; и с того времени последовательные изобретения превратили чистое ремесло в одну из самых механических отраслей промышленности в мире. В Соединенных Штатах в 1881 году на машинах Блейка-Маккея было сшито не менее 50 000 000 пар ботинок. Современный посетитель обувной фабрики увидит следующие машины: для резки кожи, для прижимных роликов для кожи подошвы, для штамповки деталей подошвы и каблука, для фиксации и обжима, для формования верха или вамп, для сгибания вамп, для прорезки, закрепления,

обрезки и обрезки кожуры, зачистки, оклейки наждачной бумагой и полировки, для штамповки, обрезки колышков и зачистки ногтей. Полезно понаблюдать за всеми этими процессами, происходящими на одной большой фабрике, чтобы полностью осознать идею о том, что старая индивидуальная промышленность прошлого века почти так же вымерла, как мастодонт, — что рабочий на обувной фабрике сегодня является, так сказать, машиной в огромной сложной системе. Крупная промышленность вытеснила мелкую; такая крупная промышленность предполагает накопление капитала: следовательно, конкуренция со стороны мелкого производителя безнадежна и невозможна. Таким образом, в классе пролетариев возрастает интенсивность борьбы за существование, что приводит к снижению заработной платы и все большему количеству безработных. Мелкий производитель должен стать наемным работником либо в качестве менеджера, бригадира, либо разнорабочего. С таким же успехом можно пытаться встретить пушки Гатлинга луком и стрелами или стальные крейсера, вооруженные динамитными бомбами, маленькими ракушками, на которых армия Генриха V переправилась через реку, чтобы завоевать поле Азенкура, или выставлять одиноких сапожников или ткачей хлопка против огромных промышленных армий мира машин. Революция не ограничивается какой-либо одной отраслью, какой-либо одной страной. Хотя наиболее полно она развита в Англии, она распространяется на большинство отраслей промышленности и на все земли. Князь Кропоткин, это правда, напоминает нам в интересной статье в *"Девятнадцатом веке"* за октябрь 1888 года, что ряд мелких производств все еще можно найти в городах и сельской местности. Это, без сомнения, так; и не исключено, что в течение длительного времени в будущем может существовать множество мелких профессий, а некоторые могут даже процветать. Но страны, в которых мелкая промышленность процветает больше всего, — это как раз те, в которых меньше всего машинной промышленности и где, следовательно, капитализм наименее развит. Ни в одной стране, говорит Кропоткин, нет такого количества мелких производителей, как в России. Точно: и ни в одной стране нет такого количества техники или такой неэффективной железнодорожной системы пропорционально численности населения и ресурсам. С другой стороны, ни в одной стране машиностроение не используется так широко, как в Соединенных Штатах; и именно в этой стране меньше всего мелких производств по отношению к населению и ресурсам. Многими мелкими производствами, как признает Кропоткин, также занимаются люди, которые были вытеснены машинами и которые, таким образом, оказались безработными на рынке труда; или которые перебрались в крупные города, особенно в Лондон, потому что в деревне для них не было работы. В лучшем случае подавляющее большинство этих людей зарабатывает лишь на скудное и ненадежное существование; и, судя по количеству лоточников и продавцов, которые бродят по пригородным улицам и дорогам, ничего не продавая, можно было бы предположить, что огромное количество людей вообще едва ли может зарабатывать на жизнь.

Более того, когда Кропоткин ссылается на жертв 'свитеров' и на людей в сельской местности, которые производят в небольших масштабах одежду или мебель, которую они продают дилерам в крупных городах, и так далее, пусть помнят, что до тех пор, пока человеческий труд дешевле машин, он будет использоваться капиталистами таким образом. Капиталист использует или не использует технику в зависимости от того, платит она или не платит; и если он может в неограниченной степени извлекать выгоду из незанятого труда, выплачивая лишь прожиточный минимум, он будет это делать, как показывают доказательства, представленные Комитету Палаты лордов по потоотделению. Признавая, таким образом, что существует довольно много мелких производств и что некоторые из них будут продолжать существовать неопределенное

время, я не думаю, что подобные факты противоречат общему утверждению о том, что существует тенденция к крупному машинному производству, предполагающему объединение людей и накопление капитала со всеми вытекающими отсюда экономическими и социальными последствиями.

Даже сельское хозяйство, единственное занятие, в котором старомодный индивидуализм можно было бы считать безопасным, подвергается капитализму. Огромные фермы Дакоты и Калифорнии, содержащие отдельные поля пшеницы протяженностью в несколько миль, в основном принадлежат акционерным корпорациям и обрабатываются исключительно техникой. Именно вытеснение человеческого труда машинами на этих фермах, а также кризисы в горнодобывающей промышленности способствовали возникновению феномена безработного класса в самом богатом регионе мира и побудили мистера Генри Джорджа написать свою книгу “Прогресс и бедность”. Эти огромные фермы в сочетании с пшеничными “корнерами” в Нью-Йорке и Чикаго и крупными железнодорожными корпорациями Америки нанесли ущерб многим мелким фермерам долины Миссисипи, как покажет статистика, касающаяся ферм, заложенных в ипотеку. И если вспомнить, что американский фермер будет все больше и больше вынужден противостоять растущей конкуренции со стороны пшеницы из Индии, производимой самой дешевой рабочей силой в мире, его перспективы не кажутся очень радужными.

Чтобы ясно представить себе огромное развитие машинной промышленности и последующее вытеснение рабочей силы, нужно прибегнуть к цифрам, поскольку простая риторика здесь бесполезна. Следующие цифры приведены из Соединенных Штатов, поскольку американская государственная статистика намного лучше британской, поскольку она более полная и доступная. Факты взяты из первого ежегодного отчета Комиссара статистики труда Соединенных Штатов в Вашингтоне за 1886 год. Комиссар, исследуя промышленный кризис, обнаруживает, что он в основном вызван огромным развитием машинной промышленности при акционерной системе; и он берется за различные профессии одну за другой, чтобы показать, как рабочая сила была вытеснена машинами. В лесозаготовительном бизнесе, по его словам, двенадцать рабочих с раскряжевочным станком обработают 12 000 шестов. Такое же количество людей, занятых ручным трудом, обработали бы за то же время только 2500. При производстве бумаги машина, которая сейчас используется для сушки и резки, управляемая четырьмя мужчинами и шестью девушками, выполнит работу, которую раньше выполняли 100 человек, и сделает это намного лучше. При производстве обоев лучшим доказательством является производительность в соотношении сто к одному. На фосфатной шахте в Южной Каролине десять человек выполняют с помощью оборудования то, с чем 100 человек справляются без него за то же время. Производство резиновых сапог и обуви сократилось на 50 процентов. В гончарной мастерской Южной Каролины производство продукции в десять раз больше за счет машинных процессов, чем за счет мускульного труда. При изготовлении пил опытные мастера считают, что произошло смещение трех человек из пяти. При ткачестве шелка смещение составило 95 процентов, а при намотке шелка - 90 процентов. Крупный концерн по производству мыла тщательно оценивает смену рабочей силы на своих предприятиях в 50 процентов. При производстве вина в Калифорнии была внедрена дробильная машина, с помощью которой один человек может измельчать 80 тонн винограда в день, что представляет собой объем работы, ранее требовавший восьми человек. В производстве шерстяных изделий современное оборудование привело к сокращению мышечного труда на 33% в чесальном цехе, на 50% в прядильном и на 25% в ткацком. В некоторых видах прядения водоизмещение

составляет сто к одному. Во всех Соединенных Штатах в 1886 году мощность машин равнялась 3 500 000 лошадиных сил. Если бы работали только мужчины, для производства действительного общего продукта потребовалось бы 21 000 000 человек: реальное число равнялось четырем миллионам. Для выполнения работ, выполненных в 1886 году в Соединенных Штатах с помощью силовых машин и на железных дорогах, потребовались бы мужчины, представляющие население в 172 500 000 человек. Фактическое население Соединенных Штатов в 1886 году составляло что-то около 60 000 000 человек, или чуть больше одной трети.

Комментируя эти весьма примечательные статистические данные, Комиссар по труду говорит: “Очевидное зло, вызванное внедрением машин и последующим разделением труда, в значительной степени, конечно, было компенсировано полученными преимуществами; но это должно оставаться положительным утверждением, которое невозможно успешно оспорить, что это замечательное внедрение и распространение энергетических машин является одной из основных причин, если не первопричиной, нового состояния промышленности, в котором оказались страны-производители”. Одним из результатов “нового состояния промышленности” в Америке в 1885 году стал класс безработных, по разным оценкам насчитывающий от одного до двух миллионов человек, положение многих из которых в качестве бродяг послужило поводом для нескольких очень печальных шуток в американской прессе. Предлагаемые здесь факты покажут, как новая страна может вскоре быть доведена до состояния, при котором совокупный капитал, с одной стороны, и безработная рабочая сила, с другой, будут немногим лучше, чем состояние старого европейского государства с его веками нищеты и угнетения. И, кстати, они также показывают, что такое средство, как эмиграция, если оно предназначено не как паллиатив, а как решение проблемы, является просто шарлатанством. Вывод, казалось бы, неопровержимый. Просто по мере того, как капиталисты будут находить выгодным внедрение улучшенной техники, так же быстро будет возрастать беспомощность растущего числа пролетариата. “Незанятый” вопрос - это сфинкс, который поглотит нас, если мы не сможем ответить на его загадку.

Чудесное расширение Ланкашира, возможно, является лучшей иллюстрацией перехода от индивидуальной промышленности к коллективной. Хлопчатобумажная фабрика в одной из мрачных “адских дыр”, называемых городками в Ланкашире, - чудесное место, полное удивительных машин. Вот машина под названием “открывалка”, с помощью которой 15 000 фунтов хлопка можно открыть за 56 часов. Имеется дроссельная заслонка, шпиндели которой совершают от 6000 до 7000 оборотов в минуту. Вот человек, который с помощью двух отрезных станков для поднятия и соединения сломанных концов может обработать 2000 шпинделей. Среди отдельных используемых машин - сошник, трепальщик и круглошлифовальная машина, волоочильная рама, отбойная рама, промежуточная рама, ровничная рама, дроссельная заслонка, самодействующий мул и ручной мул, двойная рама и удвоители или сдвоители мула. С помощью этих приспособлений были достигнуты следующие результаты. В течение восьми лет, с 1792 по 1800 год, количество хлопка, экспортируемого из Соединенных Штатов в Ланкашир, увеличилось с 138 000 фунтов. до 18 000 000 фунтов стерлингов. В 1801 году Ланкашир принял 84 000 тюков хлопка из Соединенных Штатов; в 1876 году он принял 2 075 000 тюков; и если в предыдущем году из Индии поступило только 14 000 тюков, то в 1876 году из этой страны прибыло 775 000 тюков, не считая значительного увеличения бразильского хлопка и нового импорта в 332 000 тюков из Египта. В 1805 году на Блэкбернском рынке за весь год было продано один миллион штук ситца, и это считалось очень крупной распродажей. В 1884 году, согласно Ежегодному обзору торговли хлопком Эллисона, было экспортировано 4 417 000

000 ярдов штучных товаров, помимо огромного количества произведенных для домашнего потребления. В 1875 году вместо маленьких коттеджей с их ручными ткацкими станками столетней давности в Ланкашире насчитывалось 2655 хлопчатобумажных фабрик с 37 515 772 прядильными шпинделями и 463 118 механическими ткацкими станками; и она производила пряжу и штучные изделия весом 1 088 890 000 фунтов. и стоимостью 95 447 000 фунтов стерлингов. Посмотрите также, как благодаря использованию оборудования была снижена себестоимость производства. В 1790 году цена прядения пряжи, технически известной как № 100, составляла 4 доллара за фунт: в 1826 году она была снижена до 61½d. Продажная цена пряжи № 100 в 1786 году составляла 38 шилл.: в 1793 году она была снижена до 15 шилл. 1д., в 1803 году - до 8 шилл. 4д., в 1876 году - до 2 шилл. 6д. Снижение издержек в каждом случае сопровождалось экономией в производстве, которая сама по себе зависела от усиления дифференциации оборудования; что, в свою очередь, требовало все большего и большего капитала и это снова требовало объединения и дробления мелких концернов, которые не могли управлять оборудованием или продавать его с прибылью, конкурируя с ним.

Размышляя о возможности того, что иностранная конкуренция разрушит промышленное превосходство Ланкашира, мистер Уоттс пишет в “Британской энциклопедии”: “Возможно, будет достаточно напомнить нашим читателям о небольшой части стоимости товара, которая в настоящее время приходится на ручной труд, и о ежедневном снижении даже этой части из-за внедрения новых механических заменителей”.^[51] Мистер Уоттс писал как эксперт; и вывод, который приходится делать из его изречения, заключается в том, что концентрация капитала и рост монополии должны продолжать развиваться; и что проблема “безработных” должна распространиться на Ланкашир. Тот, кто не является экспертом, лишь рискнет с большой неуверенностью подвергнуть критике оптимистичный тон мистера Уоттса; но нелишне указать, что в Индии капиталисты могут использовать самую дешевую рабочую силу в мире — к тому же рабочую силу, в настоящее время совершенно не регулируемую законом. Хлопок Индии, а также Азиатской России прядут и ткут недалеко от мест его выращивания, где он может легко завоевать большой азиатский рынок. Поэтому неудивительно обнаружить, что бомбейские хлопчатобумажные фабрики уже вызывают некоторое беспокойство в Ланкашире; и, по-видимому, нет рациональных оснований предполагать, что это беспокойство уменьшится; в этом случае растущая конкуренция, по-видимому, повлечет за собой в Ланкашире либо огромное развитие машиностроения, либо снижение заработной платы с целью удешевления издержек производства. Любая из альтернатив продвигает социальную проблему вперед.

Теперь я перехожу к рассмотрению социальной проблемы в том виде, в каком она была фактически привлечена к вниманию британского правительства новыми промышленными условиями.

Безудержная власть капитализма очень быстро довела значительную часть Англии до плачевного состояния. Миссис Джеллиби из мира филантропии были заняты тем, что удовлетворяли нужды Борибула Гха с помощью брошюр и одеял, ни то, ни другое не приносило ни малейшей пользы тем, для кого они предназначались. Но Борибула Гха была земным раем по сравнению с цивилизованной Англией. На островах Тихого океана не было дикаря, который не был бы лучше накормлен, счастливее, здоровее и довольнее, чем большинство рабочих в промышленных районах Англии. Было обнаружено, что детей в большом количестве переводили на север, где их размещали в многоэтажных зданиях, примыкающих к фабрикам, и заставляли работать долгие часы. Работа велась день и ночь без

перерыва, так что кровати, как говорили, никогда не остывали, поскольку одна группа детей отдыхала, в то время как другая отправлялась к ткацким станкам, при этом для всех была предоставлена только половина необходимого количества кроватей. В результате были широко распространены эпидемические лихорадки. Медицинские инспекторы сообщили о быстром распространении пороков развития костей, искривления позвоночника, болезней сердца, разрывов, задержки роста, астмы и преждевременной старости среди детей и молодежи: указанные дети и молодые люди работают на производствах без каких-либо ограничений. Прибыль обрабатывающей промышленности в Ланкашире в то же время исчислялась сотнями и даже тысячами процентов. Самое ужасное положение вещей существовало в шахтах, где дети обоего пола работали вместе, полуголые, часто по шестнадцать часов в сутки. В зловонных проходах были обнаружены за работой дети семи, шести и даже четырех лет. Женщины работали под землей, многие из них даже во время беременности, на самых изнурительных работах. После рождения ребенка его мать менее чем через неделю снова выходила на работу в атмосфере, насыщенной серной кислотой. В некоторых местах женщины целый день стояли по колено в воде и подвергались сильной жаре. Одна женщина при осмотре призналась, что весь день была мокрой и таскала тележки с углем, пока с нее не слезла кожа. Женщины и маленькие дети шести лет таскали уголь по проходам шахт, ползая на четвереньках с поясом, опоясывающим талию, и цепью, продетой между ног, прикрепленной к тележке. Заместитель комиссара в Шотландии сообщил, что он «обнаружил маленькую девочку шести лет от роду, которая несла с собой половину килограмма и регулярно совершала четырнадцать длительных поездок в день. Высота возносилась, а расстояние по дороге превышало в каждом путешествии высоту собора Святого Павла». «Я неоднократно работала, - сказала одна семнадцатилетняя девушка, - по двадцать четыре часа». Свирепость мужчин была хуже, чем у диких зверей; и детей часто калечили, а иногда и убивали безнаказанно. Пьянство, естественно, было повсеместным явлением. Короткая жизнь и жестокость были правилом. Говорили, что мужчины «вымирают, как паршивые овцы; и каждое поколение обычно вымирает вскоре после пятидесяти». Такова была значительная часть промышленной Англии под безудержным правлением капиталистов. Не может быть никаких сомнений в том, что здесь царили гораздо большие страдания, чем в Южных Штатах в эпоху рабства. Раб был собственностью — часто ценной собственностью; и его владельцу не стоило плохо обращаться с ним до такой степени, чтобы сделать его бесполезным как производителя богатства. Но если бы «свободный» англичанин был ранен или убит, тысячи людей могли бы занять его место ни за что.

Если бы такое положение вещей продолжалось, мы бы вернулись к естественному состоянию с удвоенной силой. О человеке, изображенном таким образом, мы можем сказать вслед за Теннисоном:

“Драконы прайма,
Которые пачкают друг друга в своей слизи,
Были приятной музыкой, подходящей для него”.

Было очевидно, что капиталистическая монополия должна быть ограничена, поскольку английские государственные деятели, воспитанные в коммерческой системе, неохотно вмешивались. Расцвет *laissez faire* пришелся на конец прошлого столетия, но великолепная ткань часто выглядит наиболее внушительно незадолго до того, как начинает разрушаться. Первым актом трудового законодательства был Закон о морали и здоровье 1802 года, который

препятствовал размещению детей работодателями, на что уже делалась ссылка. Закон о хлопчатобумажных фабриках был принят в 1819 году, отчасти благодаря усилиям Роберта Оуэна. Он ограничивал возраст, с которого дети могли работать на фабриках, и время их труда составляло семьдесят два часа в неделю. Семьдесят два часа для девятилетнего ребенка, которому следовало бы играть на зеленых полях! И даже это было значительным улучшением по сравнению с предыдущим положением вещей. Затем субботние трудовые будни были сокращены Законом, принятым радикальным политиком сэром Джоном Кэмом Хобхаусом в 1825 году. Рабочие, радикалы, тори и филантропы затем присоединились к агитации под руководством мистера Ричарда Оустлера, члена парламента от консерваторов, за принятие законопроекта о десятичасовом отдыхе. Хобхаус пытался с помощью Законопроекта, внесенного в 1831 году, сократить время в текстильной промышленности, но северные промышленники победили его. Однако Олторп, лидер вигов, который помог победить Хобхауса, был вынужден сам ввести меру, согласно которой молодым людям запрещалась ночная работа, а продолжительность рабочего дня была сокращена до шестидесяти девяти часов в неделю. В то же время владельцы хлопчатобумажных фабрик были дисквалифицированы за то, что они выступали в качестве судей в случаях нарушения закона. Эта мера рассматривается доктором Э. Фон Пленером в его полезном руководстве как первый настоящий фабричный акт. Мистер Томас Сэдлер, сменивший Оустлера на посту лидера фабричных рабочих, внес в 1832 году законопроект, ограничивающий продолжительность рабочего дня для лиц моложе восемнадцати лет; но он был встречен бурей сопротивления со стороны представителей производства и отозван.

Сэдлеру наследовал этот превосходный человек, который, возможно, сделал для рабочего класса больше, чем любой другой общественный деятель нашего времени, лорд Эшли, более известный как лорд Шафтсбери. И здесь позвольте мне сделать паузу, чтобы указать, что именно радикалы и значительная часть тори встали на сторону оперативников против вигов, официальных консерваторов и производственного класса. Последний класс иногда рассматривается как либерал. Я думаю, правда в том, что он захватил и удерживал в течение некоторого времени либеральную крепость и сделал либерализм идентичным своей политике и интересам. Если бы люди этого класса обладали циничной прямоотой мистера Джея Гулда, они могли бы подражать его ответу на вопрос законодательного комитета: “Какова ваша политика, мистер Гулд?” “Что ж, в республиканском округе я республиканец, в Демократическом округе я демократ; но я всегда служу на железной дороге Эри”. Одним из решительных противников лорда Эшли был сэр Роберт Пил, сын капиталиста из Ланкашира; но самым ожесточенным и настойчивым был мистер Джон Брайт. Лорд Эшли ввел десятичасовой режим работы, который распространялся и на взрослых. Лорд Олторп отказался издавать законы для взрослых, но в 1833 году сам принял Закон, запрещающий работу в ночное время лицам моложе восемнадцати лет; устанавливающий сорок восемь часов в неделю как максимум для детей и шестьдесят девять для молодежи; также предусматривающий ежедневное посещение школы и определенные праздники в году. Поскольку этот Закон отменил Закон 1831 года, фабриканты снова получили право выступать в качестве судей по фабричным делам; и хотя инспекторы сообщали о многочисленных нарушениях, нарушители во многих случаях выходили сухими из воды. В 1840 году лорд Эшли довел до сведения парламента положение молодежи, занятой на шахтах; и благодаря его деятельности был принят первый Закон о горном деле, запрещающий подземные работы женщинам и мальчикам младше десяти лет. Затем Пил принял Закон об объединении фабрик в 1844 году. Лорд Эшли предложил ограничить рабочее время для

молодежи десятью часами в день; но Пил отклонил это предложение, пригрозив уйти в отставку, если оно будет принято. Законом 1844 года труд детей был ограничен шестью с половиной часами в день; и они должны были посещать школу по три часа ежедневно в течение первых пяти дней недели. В следующем, 1845 году, лорд Эшли добился принятия законопроекта, запрещающего женщинам работать в ночное время. В 1847 году мистер Филден внес Законопроект, ограничивающий время родов для всех женщин и молодежи одиннадцатью часами в день, а после мая 1848 года - десятью часами. Пил и владельцы фабрики выступили против, но Законопроект был принят. Закон 1850 года еще больше сократил разрешенный рабочий день для женщин и молодежи; а Закон 1853 года запретил нанимать на работу детей до 6 часов утра или после 18 часов вечера. В 1860 году отбеливающие и красильные работы подпадали под действие фабричных законов. Дальнейшее законодательство в этой отрасли промышленности было принято в 1870 году. В 1860 году был принят Закон о шахтах, который в 1862 году стал более строгим в отношении безопасности и вентиляции. Законы, касающиеся кружевной промышленности, были приняты в 1861-64 годах, о пекарнях - в 1863 году, о трубочистах и гончарных мастерских - в 1864 году. Закон о регулировании мастерских, касающийся мелких ремесел, был принят в 1867 году, а Закон об объединении фабрик и мастерских - в 1871 году. Действующим в настоящее время законом является Закон о фабриках и мастерских 1878 года, измененный в отношении некоторых отраслей промышленности Законом 1883 года. Дальнейшие акты, касающиеся положения о шахтах, были приняты в 1872 и 1887 годах.

Этот краткий и несовершенный обзор законодательства, который уничтожил *режима в laissez faire* и достаточно для моей цели, чтобы доказать: (1) что частная собственность в необходимые орудия производства, свобода личности в понимании XVIII века реформаторы должны быть все более и более ограниченным, я. е., что в нашей существующей экономической индивидуализм состоянии невозможно и абсурдно. (2) Что даже враждебно настроенные или безразличные политики были вынуждены признать это. (3) Что необузданный капитализм так же неизбежно ведет к жестокости и угнетению, как феодализм или рабство движимого имущества. (4) Что средство правовой защиты было, по сути, социалистического характера, включающее коллективную проверку индивидуальной жадности и обрезку кусков прибыли от капитала в интересах трудового сообщества. Эти четыре положения едва ли могут быть оспорены.

Огромное развитие английской промышленности в изложенных выше условиях было в значительной степени обусловлено тем фактом, что Англия обеспечила себе огромный внешний рынок, на котором у нее долгое время не было серьезных конкурентов. Большинство войн, в которых участвовала Англия в восемнадцатом веке, совершенно непонятны, пока не будет понято, что это были коммерческие войны, направленные на обеспечение коммерческого превосходства Англии. Свержение монархии Стюартов было напрямую связано с приходом к верховной власти богатого среднего класса, особенно лондонских купцов. Революция 1688 года знаменует собой определенный приход к политической власти этого класса, который счел партию вигов великим инструментом для осуществления своих замыслов. Контраст между старым сквайром-тори, стоявшим на стороне Церкви и короля, и новым коммерческим магнатом, стоявшим на стороне вигов и Дома Ганноверов, хорошо обрисован сэром Вальтером Скоттом в "Роб Рое". Банки Англии и Шотландии и Государственный долг входят в число благословений, дарованных их потомкам новыми торговыми правителями. Они также положили начало эпохе коррупции в политике, которая всегда тесно связана с преобладанием капиталистов в государстве, как мы видим во Франции, Соединенных Штатах и британских

колониях. “Желание богатых классов, - говорит м-р Лекки,^[52] “ приобрести политическую власть за счет сельских джентльменов было первой и одной из главных причин той политической коррупции, которая вскоре охватила всю систему парламентского правления”. То, что осталось от старой аристократии, часто считало удобным вступать в союзы с новой плутократией; и именно это сочетание управляло Англией в XVIII веке и особенно определяло ее внешнюю политику. Эта политика была направлена на обеспечение безопасности иностранных рынков и расширение английской торговли. Насмешка Наполеона над “нацией лавочников” не была незаслуженной. Завоевание Канады, завоевание Индии под руководством Клайва и Уоррена Гастингсов — последний был агентом крупной капиталистической организации, который в своей индийской карьере хорошо продемонстрировал методы своего класса — колониальная политика, низменное уничтожение ирландских мануфактур в интересах английских капиталистов, были частью одной и той же схемы. Эта политика была успешно реализована в войне, которую Питт вел против Французской революции. Сама эта революция была вызвана главным образом бедностью. Французское крестьянство не только разорилось, но и некоторые из новых машин, привезенных из Англии, оставили многих людей без работы. В основном это были безработные рабочие, которые штурмовали Бастилию и захватили ее.^[53] Главный ответный удар Революции был подготовлен Питтом. Каковы были его мотивы? Австрийский и прусский монархи, дворяне-эмигранты, слабоумный английский король и английские епископы-тори, возможно, всерьез верили, что Англия борется за алтарь и трон. Но Питт не питал подобных иллюзий. Хотя он унаследовал от своего прославленного отца настоящую гордость Англии, его божеством были скорее бухгалтерская книга и кассовый ящик. Он не был фанатиком: даже будучи студентом Кембриджа, он был близким учеником Адама Смита; он начинал общественную жизнь как реформатор, и его отказ склониться перед невежественными предрассудками Георга III стоил ему поста президента в 1801 году. Было убедительно доказано, что поначалу он не испытывал сильной антипатии к революции. Прошло много времени, прежде чем его убедили присоединиться к монархическому союзу. Но по сути он был великим государственным деятелем-капиталистом, политическим преемником Уолпола, политическим предшественником Пила. Он видел, что французское завоевание может серьезно угрожать английской социальной структуре и что, если главный соперник Англии будет повержен, английский коммерческий класс может получить контроль над мировой торговлей. Для достижения этой цели он умело объединил все денежные интересы, подрядчиков, землевладельцев, финансистов и лавочников; и он пытался убедить простую часть страны, что он борется за священное дело религии и морали. Тех, кто сопротивлялся ему, он бросал в тюрьму или перевозил за моря. Когда долгая война подошла к концу, рабочий класс оказался в плачевном состоянии; хотя и в те дни находились политики-софисты, которые пытались доказать, что никогда еще у народа не было столько причин быть довольным. Когда в 1823 году ланкаширские ткачи обратились с петицией в парламент с просьбой рассмотреть их жалобы, почетный член, который, по-видимому, хорошо пообедал, если не мудро, имел наглость заявить, что ткачам живется лучше, чем капиталистам, — наблюдение, мало чем отличающееся от тех, которые мы слышали в более поздние времена. Фактически, землевладельцы благодаря протекции и высокой арендной плате — капиталисты благодаря огромным прибылям - обогатились “сверх всякой алчности”. Но пришло время для конфликта между этими двумя классами: конфликта, который известен как спор о свободной торговле. В защите больше не нуждались производители, которые имели превосходство на мировом рынке, неограниченный доступ к сырью и долгое отставание от остального мира в развитии техники и организации производства. Класс землевладельцев, с другой стороны, был абсолютно зависим

от Протекционизма, потому что экономическая изоляция Англии посредством импортных пошлин поддерживала высокие цены на продовольствие, которые были источником высокой сельскохозяйственной ренты. Капиталистические интересы, напротив, были связаны с взаимодействием между Англией и остальным миром; и пришло время, когда барьеры, мешавшие этому взаимодействию, должны были разрушены. Таким образом, триумф свободной торговли экономически означает распад старого класса землевладельцев в чистом виде и победу капитализма. Класс капиталистов изначально не больше любил свободную торговлю, чем землевладельцы. Оно уничтожило в своих собственных интересах шерстяное производство в Ирландии; и оно задушило бы торговлю в Колониях, если бы не успешное сопротивление Массачусетса и Виргинии. Она была протекционистской до тех пор, пока соответствовала своей цели быть таковой. Но когда для ее ткацких станков потребовалось дешевое сырье, а для рабочих - дешевый хлеб, когда она не боялась иностранных конкурентов и надежно обосновалась в Индии, Северной Америке, на Тихом океане, тогда она потребовала свободной торговли. “Ничто в истории политического обмана, - говорит м-р Лекки, - не является более любопытным, чем успех, с которым во время агитации против Хлебного закона распространялось представление о том, что в вопросах протекционизма и свободной торговли классы промышленников были особенно либеральными и просвещенными, а классы землевладельцев - особенно эгоистичными и невежественными. Действительно, когда в нынешнем столетии давление населения на средства к существованию сделало неизбежным изменение хлебных законов, классы промышленников встали во главе движения за Свободную торговлю, из которого они неизбежно должны были извлечь главную выгоду, в то время как весь риск и жертвы были возложены на других. Но не менее верно и то, что в Англии едва ли найдется мануфактура, которая не защищалась бы в духе самой узкой и ревливой монополии; и растущее господство коммерческих классов после революции нигде так не очевидно, как во множестве ограничений английского торгового кодекса”. [54]

Дешевое сырье было обеспечено английским промышленником с помощью ряда законодательных актов, действовавших на протяжении жизни одного поколения; а машины были настолько развиты, что значительно увеличили производство, и Англия отправляла свои текстильные и металлические изделия по всему миру; и ее производители поддерживали именно ту политику, которая позволяла им обеспечивать рынки сбыта для своих товаров или сырой продукции для переработки на своих фабриках. Кобденизм был на подъеме, и на государство все больше и больше смотрели с коммерческой точки зрения. Так называемая “манчестерская школа” была в основном партией мира, потому что война ослабляет ту уверенность, на которой основана коммерция. Но эта приверженность принципам мира не помешала самому Кобдену заявить о необходимости создания мощного военно-морского флота в качестве инструмента коммерческого страхования. Это также не помешало Манчестеру поддержать гнусную китайскую политику Пальмерстона в 1857 году или не менее гнусную агрессию в Египте в 1882 году: и то, и другое считалось полезным для торговли Манчестера. Ради этого расширения английской торговли на новые рынки была развязана война с Китаем, Египтом, Суданом, Бирмой и Тибетом. Германия осторожно следует за Англией. Авантюристы вроде Эмина, Стэнли и Бартелотта наняты для того, чтобы “открыть” Африку для мягкого влияния цивилизации с помощью рома и револьвера под предлогом пресечения работорговли. Франция, чтобы не отставать, эксплуатирует Тонкин в интересах парижских спекулянтов. Недобросовестное правительство Италии пытается отвлечь внимание страны от внутренних реформ к экспедициям в Африку в интересах богатых людей в Европе. Возможно, величайший

шаг еще впереди: выход на огромный рынок Китая. За это будут бороться Англия, Америка, Франция и Германия. Предварительные шаги уже предпринимаются. Благодаря поглощению Бирмы и своим операциям в Тибете Англия приближается к Китаю. Благодаря приобретению Тонкина Франция вступила в фактический контакт с Китаем. Америка, вероятно, путем разумного снижения своих тарифов будет конкурировать с Англией по всему Тихому океану и в ближайшем будущем будет отправлять свои товары из атлантических портов через Панамский или Никарагуа-канал. Короче говоря, механизм массовой эксплуатации Азии и Африки находится в быстром развитии. Скоро весь земной шар станет частной собственностью класса капиталистов.

Освоению планеты в значительной степени способствовало развитие транспорта и коммуникаций в наше время: действительно, без них это было бы невозможно. Простое применение машин для производства не могло бы привести к сегодняшним экономическим результатам, если бы не сокращение земного шара, вызванное появлением железных дорог и телеграфа. Ибо именно благодаря этим изобретениям класс капиталистов стал космополитичным, отказался от старых привычек, разрушил местные ассоциации, не жалея ничего красивого или почтенного там, где речь шла о прибыли. Она ассимилировала условия жизни в различных странах и привела к общему единообразию, которое во многом объясняет скуку, ощущаемую в современной жизни.

Как Англия была первой страной, развившей машинную промышленность, так и она была первой, кто развил железные дороги и создал мощное паровое торговое судно. Через последнее агентство в ее руках сейчас находится около шестидесяти четырех процентов текущей торговли в мире. За шестьдесят лет по всему земному шару было построено около 350 000 миль железных дорог. Атлантический и Тихий океаны соединены несколькими стальными линиями; в то время как локомотив проник в отдаленные регионы Африки, населенные варварскими племенами, и в пустыни Центральной Азии, где он сталкивается с реликвиями мертвых и погребенных цивилизаций. Эта огромная власть, величайшая в современном мире, находится главным образом в руках корпораций-монополистов, среди которых наблюдается та же необходимая тенденция к агрегации, только гораздо более выраженная, что и в производственных отраслях. Первые небольшие линии, построенные для соединения близлежащих городов, постепенно добавлялись к другим; как от первоначальной железной дороги Стоктон-Дарлингтон длиной менее двадцати миль мы получили великую и богатую Северо-Восточную железную дорогу наших дней. В Америке одна корпорация контролирует целых 7000 миль железных дорог, и, возможно, к концу столетия великая Сибирская часть Тихого океана действительно будет существовать. Как железные дороги, так и паровые суда. Огромные флоты, такие как "Кунард", "Ориент", "Маритим Мессаджерис", принадлежат космополитическому капиталу и поддерживают движение и коммерцию не отдельной страны, даже не континента, а всего мира. Такова огромная революция в методах распределения, произведенная в наше время функционированием капитализма.

Теперь мы должны рассмотреть, что будет означать термин "капиталист". Если бы этот термин использовался полвека назад, он обозначал бы класс, возможно, в основном беспринципный, с низкими целями, низкой культурой и менее тонким сочувствием или воображением. Тем не менее, это был общественно полезный класс, который в то время оказывал реальную услугу. Ведущей мыслью современной философии является то, что в процессе своего развития каждое учреждение имеет тенденцию к самоуничтожению. Его особая функция порождена

социальными потребностями: его прогресс определяется притяжениями или отталкиваниями, которые возникают в обществе, производя определенный эффект, который имеет тенденцию сводить на нет первоначальную функцию. Таким образом, раннее общество у арийских народов Европы развивает военного лидера или советника, который вырастает, благодаря процессам, которые в Англии, *например*, могут быть четко прослежены, в короля с подлинными функциями, лидера народа на войне, такого как Вильгельм I, или могущественного гражданского правителя и государственного деятеля, такого как Генрих I. Тот факт, что такие люди были жестокими или порочными, не имеет большого значения: важным фактом о них является то, что в варварском хаотичном обществе они оказывали некоторые незаменимые услуги. Но само установление королевской власти вызывает антагонизм; затем вызывает вооруженное сопротивление объединенной группы; и, наконец, приводит к свержению либо путем уничтожения короля, либо путем лишения его всей реальной власти и превращения в простую декоративную марионетку. Сама власть, изначально считавшаяся благодетельной, становится тиранической: ее нужно все больше и больше сдерживать, пока, наконец, она практически не перестает существовать, и возникает любопытный парадокс монарха, который не правит. История убедительно доказывает, что люди не восстают и не свергают злых и коррумпированных правителей только потому, что они сами порочны. Ужасная ирония истории заключается в том, что Людовик XV умирает в своей постели, в то время как Вильгельм Молчаливый или Линкольн становятся жертвами убийцы. Чего мужчины долго не терпят, так это либо помех, либо бесполезности.

Теперь, если мы применим эти идеи к эволюции капиталиста, что же мы увидим? Изначально капиталист был *предпринимателем*, менеджером, который усердно работал в своем бизнесе и получал то, что экономисты называли “зарплатой суперинтенданта”. До тех пор, пока капиталист занимал это положение, его можно было сдерживать и контролировать различными способами; но избавиться от него было невозможно. Его “жалованье надзирателя”, конечно, часто было непомерным; но он выполнял реальные функции; и общество, пока еще не готовое взять эти функции на себя, не могло позволить себе уволить его. Тем не менее, как и король, он должен был быть ограничен уже упомянутым законодательством, поскольку его власть принесла много страданий его собратьям. Но сейчас капиталист быстро становится абсолютно бесполезным. Считая более легким и рациональным объединяться с другими людьми своего класса в крупном предприятии, он теперь отказался от должности надсмотрщика, нанял наемного менеджера, который выполнял бы за него его работу, и стал простым получателем ренты или процентов. Рента или проценты, которые он получает, выплачиваются за пользование монополией, которую не он, а целое множество людей создали своими совместными усилиями.

Возникновение такой дифференциации менеджера и капиталиста было неизбежно. Это часть процесса капиталистической эволюции благодаря машинной индустрии. Как конкуренция приводила к расточительству в производстве, так и она приводила к сокращению прибылей капиталистов. Чтобы предотвратить это, было необходимо накопление капитала, с помощью которого крупные капиталисты могли недооценивать своих мелких конкурентов, предлагая по ценам ниже всех, по которым они могли позволить себе продавать, товары, произведенные машинами и распространяемые множеством агентств, изначально слишком дорогостоящие для любого отдельного конкурента, чтобы их можно было купить или пустить в ход. Теперь для создания таких огромных капиталов необходимы вклады нескольких капиталистов; и, следовательно, возникло Акционерное общество или *Анонимная компания*. Благодаря этому новому капиталистическому агентству человек в Англии может владеть акциями предприятия Антиподов, которое он никогда не посещал и никогда не намерен посещать, и которым,

следовательно, он никоим образом не может “руководить”. Он и другие акционеры назначили менеджера, предписав ему быть экономным. Задача менеджера - приносить своим работодателям как можно больше дивидендов: если он этого не делает, его увольняют. Старые личные отношения между работниками и работодателем исчезли; вместо них остается просто денежная связь. Чтобы обеспечить высокие дивиденды, менеджер снизит заработную плату. Если этому будут сопротивляться, то, вероятно, будет либо забастовка, либо локаут. Дешевая рабочая сила, возможно, будет импортирована менеджером; и если рабочие будут сопротивляться путем запугивания или организованного бойкота, силы государства (которые они помогают поддерживать) будут использованы против них. В большинстве случаев они должны подчиниться. Такова небезосновательная картина отношения капиталиста к рабочему в наши дни: первый превратился в праздного получателя дивидендов. Изречение ортодоксальной политической экономии, высказанное таким компетентным авторитетом, как покойный профессор Кэрнс, гласит:

“Важно, как по моральным, так и по экономическим соображениям, настаивать на том, что существование праздного богатого класса не приносит никакой общественной пользы. Богатство, накопленное их предками и другими людьми от их имени, где оно используется как капитал, без сомнения, помогает поддерживать промышленность; но то, что они потребляют в роскоши и безделье, не является капиталом и не помогает поддерживать ничего, кроме их собственной никчемной жизни. Во что бы то ни стало они должны получать свою ренту и проценты, как написано в облигации; но пусть они займут подобающее им место, как трутни в улье, объедаясь пиром, в который они ничего не внесли”.^[55]

Тот факт, что современный капиталист может быть не только бесполезен, но и создавать препятствия, был хорошо проиллюстрирован на собрании акционеров Лондонской и Юго-Западной железных дорог 7 февраля прошлого года. Трое акционеров настаивали на снижении тарифов третьего класса. Председатель указал на очевидный факт, что такое снижение, вероятно, приведет к снижению дивидендов, и спросил собрание, желают ли они этого. Ему, конечно, ответили хором “Нет, нет!”, и всем разговорам о снижении тарифов пришел конец. Вот простой пример (можно привести сотни примеров) очевидных интересов общества, приносимых в жертву интересам капиталиста.

Всем известно, что акционерный капитализм быстро развивается. В Соединенных Штатах, по словам мистера Брайса, состояние акционерных корпораций оценивается в одну четвертую от общей стоимости всего имущества.^[56] В Англии все виды бизнеса, от пивоварен, банков и хлопчатобумажных фабрик до автоматических кондитерских машин, попадают в руки акционерного капиталиста и должны продолжать поступать так. Двадцать лет назад кто бы мог предположить, что пивоварня, подобная Guinness, или такая банковская фирма, как Glyn Mills, and Co., станут акционерной компанией? Однако мы знаем, что так происходит и сегодня. Капитализм становится безличным и космополитичным. А комбинаций, контролирующих производство, становится все больше и меньше. Baring's прибирает к рукам алмазные месторождения Южной Африки: несколько компаний контролируют всю добычу антрацитового угля в Пенсильвании. Каждый из нас вполне “волен” “конкурировать” с этими гигантскими комбинациями, так же как княжество Монако “свободно” вступить в войну с Францией, если последняя будет угрожать его интересам. Простые формы свободы остаются, но монополия

делает их бесполезными. Современное государство, расставшись с мировым сырьем, не может обеспечить своим гражданам свободу конкуренции; и все же именно на основе свободной конкуренции вырос капитализм. Таким образом, мы видим, что капитализм отменил свой первоначальный принцип — он сам отрицает свое собственное существование. Прежде чем рассматривать его новейшие формы, здесь удобно обратить внимание на кооперативное движение, которое, во всяком случае, с одной стороны, тесно связано с развитием акционерного общества.

Кооперативное движение имело в Англии социалистическое происхождение, ибо его основателем был Роберт Оуэн. Как очень верно говорит мистер Селигман в *Political Science Quarterly*: “Оуэн был основателем кооперативного движения в Англии, факт, часто игнорируемый теми, кто сегодня бойко использует это слово, совершенно неспособный разглядеть его истинное значение”. И сам Оуэн признавал, что его великой конечной целью было “земельное сообщество”, с которым, как он надеялся, будет сочетаться “безудержное сотрудничество со стороны всех, для достижения любой цели человеческой жизни”. Таким образом, важно ассоциировать сотрудничество с Робертом Оуэном — *clarum et venerabile nomen* — потому что есть много людей, которые полагают, что сотрудничество началось с пионеров Рочдейла в 1844 году. Что на самом деле сделало движение Рочдейла, так это положило начало процессу акционерного ведения магазинов, что сильно отличалось от того, что имел в виду Оуэн.

Мощный импульс сотрудничеству было придано христианско-социалистическим движением под руководством Мориса и Кингсли. “Из всех узких, тщеславных, лицемерных, анархических и атеистических схем Вселенной, — сказал Кингсли, — схема Кобдена и Брайта — самая худшая”. Ортодоксальные экономические выводы того времени оказались неудачными в руках Кингсли. “Человек, который говорит нам, — сказал он, — что мы должны исследовать Природу, просто терпеливо сидеть под ней и позволять ей замерзнуть, разоряться, морить нас голодом и смердеть до смерти, — это глупец, называет ли он себя химиком или политэкономистом”. Эти христианские социалистические лидеры глубоко ощущали страдания и бедность рабочих и эгоистичную апатию богатых. “Маммон,” говорит Кингсли, — благожелательно взвизгивает всякий раз, когда выпорот пьяный солдат; но он отделяет свое одеяние и украшает ноги плотью мужчин и кожей женщин, изображая деградацию, мор, язычество и отчаяние; а затем самодовольно посмеивается над счетами своего портного. Лицемер! ловишь комара и глотаешь верблюда.” Все это очень достойно восхищения; но дешевая одежда шьется не только и не столько для Маммоны, сколько для широких масс, которые являются бедными людьми. Часть печальной иронии ситуации заключается в том, что подавляющее большинство вынуждено соглашаться на альтернативу дешевой одежде или вообще на ее отсутствие. И поскольку английский климат и британские матроны в совокупности накладывают абсолютное вето на последнюю форму доисторической простоты, из этого следует, что одна часть рабочего класса должна, чтобы быть одетой, потворствовать потению другой части.

The *Христианский социалист*, который был органом Мориса и Кингсли, проявил большую простоту в отношении реальной природы экономической проблемы. Он пренебрегал принципом Оуэна “общности на земле” и предполагал, что, работая сообща и продавая товары хорошего качества по справедливой цене, можно искоренить бедность, в то время как каждый работник в сообществе выплачивает свою экономическую ренту владельцам орудий производства. Таким образом, движение не имело экономической основы; и когда моральный

идеализм покинул его, неудивительно, что оно выродилось в простую “дележную” охоту и совместное ведение магазинов. Экономические преимущества акционерного магазина так суммированы мистером Робертом Сомерсом в “Британской энциклопедии” (статья “Сотрудничество”): “Полезные товары, платежи наличными, дивиденд в размере от пяти до десяти процентов от уставного капитала и премия нечленам от суммы их покупок”. Как акционерное общество, кооперация является полезным и дешевым методом распределения, который, несомненно, принес пользу значительному числу людей; но представление о том, что она может решить экономическую проблему перед обществом, является “химическим”, как говорит нам доктор Дж. К. Ингрэм, таково мнение современных экономистов.[57] Этого, действительно, можно было ожидать только исходя из того факта, что 961 человек из каждых 1000 человек в Англии умирает без мебели, инвестиций или имущества стоимостью 300 фунтов стерлингов.[58] С экономической точки зрения, сотрудничество теперь, когда первоначальный энтузиазм по этому поводу угас, является дочерней ветвью великого акционерного предприятия. С этической точки зрения его результаты часто сомнительны. В его главной цитадели, Ланкашире, среди его приверженцев наблюдается узкий эгоизм, который невозможно превзойти в самых благородных кварталах Бейсуотера. Его идеалом является не возвышение рабочего класса в целом, а возвышение определенных лиц из числа рабочих в средний класс. Если сторонники кооперации откажутся от своих притязаний и будут просто утверждать (1), что их метод является полезным и экономичным средством распределения среди низшего среднего и высшего рабочего классов; и (2) что с его помощью рабочие люди могут научиться важным функциям организации и управления, их претензии будут свободно приняты. Но если они пойдут дальше, их грандиозные амбиции рухнут сами собой. При нынешних темпах прогресса, достигнутого кооперативными обществами по сравнению с акционерными капиталистическими компаниями, несколько поколений будут лежать в могилах, прежде чем будет произведено какое-либо глубокое или общее впечатление. И тем временем, если экономическая рента не будет перенаправлена от класса, который в настоящее время ее поглощает, к сообществу, которое ее создает, кооператоры, как и все мы, должны платить дань хозяевам земли и денег. Но примечательный факт, касающийся кооперации, заключается в том, что само ее существование свидетельствует о процессе промышленной и капиталистической агрегации, на котором здесь настаивают как на великом социальном факторе нашего периода. Ибо кооперативные общества заменяют индивидуальное социальным распределением, осуществляя его без потерь, связанных с множеством маленьких магазинчиков, конкурирующих друг с другом, владельцы ни одного из которых не могут достойно зарабатывать на жизнь. Таким образом, сотрудничество хорошо иллюстрирует экономическую эволюцию нынешнего века.

Теперь я перехожу к рассмотрению новейших форм капитализма, “кольца” и “доверия”, при которых капитализм отменяет свои собственные принципы и, как продавец, заменяет конкуренцию комбинацией. Когда капитализм покупает рабочую силу как товар, он осуществляет покупку по принципу конкуренции. Его неограниченно расширенный рынок позволяет ему это делать; поскольку он знает, что рабочий должен продавать свой труд, чтобы обеспечить себе средства к жизни. Следовательно, при прочих равных условиях она покупает свою рабочую силу на самом дешевом рынке. Но когда он разворачивается лицом к публике в качестве продавца, он отбрасывает принципы конкуренции на ветер и представляет себя солидной комбинацией. Конкуренция, необходимая с самого начала, в конечном счете, если ее не сдерживать, оказывается расточительной и разорительной. Это влечет за собой большие

расходы на рекламу; это требует применения большого количества непроизводительного труда; это ведет к бесконечному снижению цен; это вызывает перенасыщение и кризисы, а также делает деловые операции опасными и ненадежными. Чтобы избежать этих последствий, конкурирующие лица или фирмы соглашались сформировать тесную комбинацию для поддержания цен, увеличения прибыли, устранения бесполезного труда, снижения риска и контроля над выпуском продукции. Это “кольцо”, которое, таким образом, является федерацией компаний. Лучшие примеры “колец” и “бассейнов” можно найти в Америке, где капитализм действует более безудержно и смело, чем в Европе; а также там, где почти весь активный интеллект привлечен к тем коммерческим занятиям, которые доминируют в американской жизни.

Приверженцы-индивидуалисты *laissez faire* раньше учили нас, что, когда будут сняты ограничения, все решит свободная конкуренция. Цены упадут, и это наполнит “потребителя” невыразимой радостью; выживут наиболее приспособленные; а что касается остальных — было не очень ясно, что с ними будет, и это действительно не имело значения. Несомненно, “потребитель” в значительной степени выиграл от увеличения производства и падения цен; но где сейчас “свободная конкуренция”? Почти единственными, кто все еще свободно конкурирует, являются мелкие лавочники, находящиеся на грани банкротства, и рабочие, конкурирующие друг с другом за разрешение жить трудом. Объединение поглощает торговлю. Вот несколько примеров образования колец.

Несколько лет назад конкурировавшие ранее фирмы в Америке создали комбинацию стальных рельсов. Эта комбинация обнаружила, что производится слишком много рельсов и что цены снижаются. Соответственно, один из заводов в комбинации — Vulcan mill в Сент—Луисе - был закрыт и годами стоял бездымным: его владельцы тем временем получали субсидию в размере 400 000 долларов в год от других заводов в комбинации за то, что они не производили рельсы. Именно так владельцы фабрики “Вулкан” получали свою “зарплату зрителя”. Излишне добавлять, что мужчинам не было выплачено никакой платы за то, что они не работали: их выбросили на улицы размышлять о праве на “свободу и стремление к счастью”, закрепленном за ними Декларацией независимости.

Или, опять же, возьмем случай с антрацитовыми угольными угольями Пенсильвании, занимающими площадь около 270 000 акров и находящимися в ведении Reading Coal and Iron Company, железной дороги Лихай-Вэлли, железных дорог Делавэр, Лакаванна и Вестерн, железных дорог Делавэр и Гудзон, Пенсильванской железной дороги, Пенсильванской угольной компании и более мелких фирм и корпораций, подчиненных им. Богатые владельцы, известные в народе как “угольные бароны”, соглашались абсолютно фиксировать оптовые цены на уголь, всегда обеспечивая их огромный рост непосредственно перед наступлением зимы. В производстве антрацитового угля в Америке не известно и не возможно такой вещи, как свободная торговля или открытая конкуренция.

Комбинации в Соединенных Штатах были созданы западными мельниками, нью-йоркскими ледорубами, бостонскими торговцами рыбой, производителями канализационных труб, добытчиками меди, производителями ламп, керамики, стекла, чугунных обручей, дробы, заклепок, конфет, крахмала, сахара, консервированных фруктов, глюкозы, стульев, паровых печей, извести, резины, шурупов, цепей, уборочной техники, булавок, соли, скобяных изделий, печатей, латунных труб, шелка и проволоки. В этих отраслях свобода производства и продажи

на какое-то время была частично или полностью уничтожена. Американский бизнесмен очень сердится, когда рабочие прибегают к бойкоту; но он вполне готов бойкотировать других, когда его интересы ведут к этому. Производители штампованной жестяной посуды в 1882 году сформировали группу и исключили членов, которые продавали по более низким ценам, чем фиксированные, и отказались позволить кому-либо из пула продавать нарушителям. Некоторые из предыдущих фактов взяты из статьи мистера Генри Д. Ллойда,^[59] который исследовал капиталистические комбинации с большим знанием дела и проницательностью. Из той же статьи я цитирую следующее:

“1 апреля 1882 года, когда все мы растворились в безрассудном веселье Дня всех дураков, сорок один производитель гвоздей обнаружил, что гвоздей слишком много, и основал Центральную производственную компанию Бостона с капиталом в 3 000 000 долларов. Прихватки в этой комбинации работали около трех дней в неделю. Когда эта комбинация несколько недель назад заставила замолчать соперника из "Питтсбурга", выкупив его, они не убрали оборудование. Заглохшие трубы и неработающие станки отбьют у новых людей охоту открывать еще один завод или могут привести к их разорению, если их не обескуражить каким-либо другим способом. Первыми плодами этого объединения стало повышение цен в два раза по сравнению с прежними”.

Я снова цитирую мистера Ллойда:

“Люди, которые делают наши саваны и гробы, создали закрытую корпорацию, известную как "Национальная ассоциация похоронных дел", и в прошлом году провели свой ежегодный съезд в Чикаго. Их действия по поддержанию цен и сокращению количества гробов были засекречены, чтобы не препятствовать смертности”.

От гробов до хлопушек - это короткий шаг в изучении капиталистических методов:

“Ассоциация западных пекарей крекеров собралась в Чикаго в феврале, чтобы обсудить, среди прочего, "предосудительную систему снижения цен" (*то есть предосудительную систему свободной конкуренции, которая, как говорят капиталисты, покупающие рабочую силу, является нашим спасением*). Сначала они устроили банкет. После ‘веселья и развлечений’ гуляки, верные описанию Адама Смита, принялись обдумывать ‘какой-нибудь способ поднять цены’. ”Прайс-листы были доведены до совершенства, - говорилось в газетном отчете, - а затем заседание было закрыто”.

В 1875 году разразилась жестокая конкуренция между компаниями по страхованию от пожара после краха предыдущего пула; и только в Нью-Йорке эта конкуренция обошлась им в 17 500 000 долларов за семь лет. Следовательно, в 1882 году они создали новую комбинацию, которая охватила всю страну и которую мистер Ллойд объявляет богатой, сплоченной и могущественной. Хотя здесь нет бассейна или ринга, я достоверно информирован о том, что среди страховых компаний Лондона по страхованию от пожара существует общее понимание. Одной из наиболее известных комбинаций был великий Медный синдикат, который привлек внимание всего мира в начале 1888 года. Она была образована несколькими французскими спекулянтами в октябре 1887 года и в течение восемнадцати месяцев своего существования поддерживала медь по совершенно произвольной цене на всех рынках мира. Его возглавлял месть Эжен Секретан, управляющий директор Société des Métaux, крупнейшего в мире

покупателя и дилера промышленной меди. Агенты синдиката скупили всю медь, которая была на виду, и выставили ее на продажу, в результате их спекуляций цена меди на лондонском рынке выросла с менее чем 40 до более чем 80 фунтов стерлингов за тонну, а цена на медь озера Верхнее в Америке выросла со 101½ цента до 173¼ цента за фунт. М. Секретан сообщил лондонскому журналу, что его планы были чисто филантропическими. “Наша единственная цель, - сказал он, - состоит в том, - чтобы каждый шахтер, дилер и производитель получал справедливое вознаграждение за свой труд”. Благодаря филантропии г-на Секретана медь, олово, свинец и лужа чрезвычайно подорожали; несколько отраслей промышленности были более или менее парализованы; и во Франции большое количество рабочих были уволены. И пусть никто не думает, что самоубийство М. Денфер-Рошера, которое возвестило о крахе этой первой попытки загнать в угол мировых производителей меди — крахе из-за неправильного расчета степени, до которой предложение меди могло увеличиться под воздействием высоких цен, — дает нам какую-либо гарантию от повторения этой попытки. Напротив, он показал, как это можно сделать безопасно. Металл, накопленный незадачливыми спекулянтами, все еще настолько загнан в угол, что до настоящего времени его не продавали на рынке, поскольку цены еще не пришли в норму. “К регулярному трасту это должно наконец прийти и придет”, - говорит мистер Э. Бенджамин Эндрюс из Корнельского университета. “Также не произошло ничего, что указывало бы на то, что Медный трест, организованный подобно Standard Oil Trust, с его энергией и безжалостными методами, потерпит неудачу”.^[60]

Индивидуалист, полагающий, что свободная торговля плюс частная собственность решат все экономические проблемы, естественно, удивляется этим “кольцам”, которые переворачивают все его грубые экономические представления; и он очень нелогично требует принятия законодательства, которое предотвратило бы естественные и неизбежные результаты посылок, с которых он начинается. Забавно отметить, что те, кто выступает за то, что они называют опорой на собственные силы и самопомощью, первыми призывают государство вмешаться в естественные результаты этой самопомощи, этого частного предприятия, когда оно перешло чисто произвольный предел. Почему, исходя из обычных коммерческих принципов, медный синдикат не должен захватить всю медь в мире? Это просто выживают наиболее приспособленные. Самые умные противники социализма полагают, что вся аргументация против социализма кроется в этой дарвиновской теории. И все же, когда медный синдикат или “угольные бароны” выживают, они возбуждают против себя самый яростный и, с коммерческой точки зрения, самый необоснованный антагонизм. Как говорят, что грех, когда ему приходит конец, приносит смерть, так и капитализм, когда ему приходит конец, приносит монополию. И с таким же успехом можно спорить с этим очевидным фактом, как обвинять тернии в том, что они не дают винограда, или чертополох в том, что на них нет инжира.

История роста капитализма еще не завершена. На смену “кольцу” приходит более сложная организация, известная как “трест”. Хотя в Англии быстро растут такие крупные объединения, как Salt Union, все же мы должны снова отправиться в Америку, чтобы узнать, что такое так называемый “трест”. Наиболее полная информация по вопросу трастов содержится в отчете Комитета законодательного собрания штата Нью-Йорк, который был назначен для расследования новой комбинации. Были опрошены следующие тресты: сахар, молоко, каучук, хлопковое масло, конверты, элеватор, клеенка, Standard oil, мясные лавки, стекло и мебель. Траст определяется Комитетом как объединение, “направленное на уничтожение конкуренции и ограничение торговли посредством объединения акционеров с другими корпорациями или акционерами для формирования акционерного общества корпораций, фактически

отказывающегося от полномочий таких нескольких корпораций и передающего все полномочия в руки попечителей”. Заявлены общие цели и последствия, которые заключаются в "контроле за поставками товаров первой необходимости; уничтожении конкуренции; регулировании качества; и удержании затрат для потребителя по ценам, намного превышающим их справедливую стоимость”. Нет необходимости иметь дело со всеми этими трастами, которые обладают определенными общими чертами. Я выберу один или два, в частности, крупный Standard Oil Trust и Cotton-seed Oil Trust.

Standard Oil Trust, вероятно, является крупнейшей коммерческой монополией в мире, стоимость всех входящих в нее долей участия оценивается, согласно представленным доказательствам, в 29 600 000 фунтов стерлингов. В отчете она описывается как “одна из самых активных и, возможно, самая грозная денежная держава на этом континенте. Его влияние распространяется на каждый штат и ощущается в отдаленных деревнях, а продукция его нефтеперерабатывающих заводов находит рынок сбыта почти в каждом морском порту земного шара”. Зародышем этой огромной монополии был небольшой нефтеперерабатывающий завод недалеко от Кливленда, купленный неким Рокфеллером, бухгалтером в магазине, и его другом, носильщиком, на заемные деньги. Рокфеллер познакомился с богатым производителем виски, который ссудил деньги и посвятил в это дело своего зятя Флэглера. Доктрины этого человека описываются следующим образом: “Он говорит, что в бизнесе нет ни черта сентиментального; что он не знает дружбы в торговле; и что если он загонит своего конкурента по бизнесу в яму, то намерен и дальше держать его там”. Такой человек в высшей степени подходит на роль основателя монополии: он герой самопомощи, ибо он помогает себе всем, до чего может дотянуться. В Огайо был открыт второй нефтеперерабатывающий завод, а в Нью-Йорке - склад. Концерн вырос и был зарегистрирован как Standard Oil Company. Ему поручено обеспечить принятие специального законодательства путем разумных расходов в кулуарах законодательных собраний Огайо и Пенсильвании. Заключив соглашения с магистральными железнодорожными линиями, она обеспечила специальные тарифы на транзит. Были открыты новые нефтеперерабатывающие заводы и приобретены новые нефтяные угодья в Пенсильвании; капитал был увеличен; и ежегодно осуществлялся огромный бизнес. Через некоторое время компания контролировала все пути транспортировки, управляла всеми крупнейшими нефтеперерабатывающими заводами в стране и смогла перекрыть всем конкурентам доступ к поставкам или отгрузке своей продукции. Новые компании, номинально отличающиеся друг от друга, но все они находились под контролем одних и тех же людей, были зарегистрированы в Нью-Джерси, Огайо, Западной Вирджинии и других штатах. Монополия избрала одного из своих главных акционеров в Сенат Соединенных Штатов, как говорят, путем подкупа в законодательном органе штата Огайо, над которым она, безусловно, приобрела сильную власть. Эта тактика была известна как “политика угля и нефти”. Вся грязная работа, конечно, выполнялась через агентов, директора притворялись совершенной невиновностью. В 1882 году компании Standard Oil были объединены в Standard Oil Trust.^[61] Акционеры передали свои акции попечителям, числом девять, созданным в соответствии с соглашением, и получили сертификаты вместо них, представители траста и акционеры нефтеперерабатывающих заводов провели совместную оценку нефтеперерабатывающих заводов, и сертификаты были выданы на эту сумму. Таким образом, отдельные концерны были объединены в один гигантский бизнес, контролируемый девятью людьми (владеющими большинством акций), обладающий монополией почти на все нефтяные месторождения в Америке, контролирующий голосование в законодательных органах, формирующий прочный союз с железнодорожными и судоходными

компаниями и определяющий с точностью до галлона, сколько нефти должно быть добыто и переработано, и с точностью до доли цента, какой должна быть ее цена. В 1887 году был объявлен денежный дивиденд в размере 10%. помимо дивидендов по акциям в размере 20%. на сертификатах за четыре года. В дополнение к огромным акциям, которыми они владеют, попечители получают годовую зарплату в размере 5000 фунтов стерлингов. Каковы экономические результаты этого объединения? Оно не привело к повышению цен, в чем трасты были обвинены комитетом. Напротив, в течение десятилетия 1877-1887 годов наблюдалось устойчивое снижение цен. Потребление нефти также чрезвычайно возросло. Рабочие и производственные расходы были значительно снижены за счет увольнения ненужной рабочей силы и значительных усовершенствований оборудования; на трубопроводах, контролируемых трестом, было заменено 5700 упряжек лошадей и 11 400 человек, занятых транспортировкой нефти. Таким образом, об этом доверии мы можем сказать, что, хотя средства, использованные для его установления, были морально сомнительными или даже плохими, политические результаты катастрофическими, экономические результаты были благотворными, за исключением того, что они помогли сформировать класс безработных путем увольнения ненужной рабочей силы в результате развития техники.

Два или три года назад в штате Арканзас был организован Фонд по производству хлопкового масла.[62] Более семидесяти различных компаний конкурировали друг с другом и, следовательно, несли большие убытки. Поскольку их фабрики были сравнительно небольшими и оснащены несовершенным оборудованием, они были рады объединять предприятия, а те, которые этого не делали, были вынуждены закрыться. Семьдесят корпораций, подавляющее большинство членов которых согласились на объединение, передали свои акции попечительскому совету и получили взамен сертификаты на 100 долларов. Различные фабрики ежемесячно отправляют отчет в трест; и если сотрудники данной фабрики не продают товары на установленных условиях, они увольняются трестом.[63] Свидетель заявил, что целью траста является предотвращение банкротства, совершенствование методов, поиск рынков сбыта, развитие предприятия и зарабатывание денег. Экономическим результатом стало вытеснение рабочей силы машинами и большая экономия в производстве. Случайно выяснилось, что большое количество хлопкового масла продавалось французским и итальянским покупателям, которые смешивали его с небольшим количеством оливкового масла и экспортировали обратно в Америку и Англию, где доверчивая публика покупала его как чистое тосканское оливковое масло - интересная иллюстрация морали международной торговли.

Проверка доверия молочников и мясников должна стать откровением для тех, кто воображает, что торговля "свободна" и что конкуренция правит. 29 апреля 1885 года директора Молочной биржи встретились в Нью-Йорке и единогласно постановили:

"Что в первый день следующего мая и до принятия иного решения рыночная цена молока, произведенного из лугового сена и добротных злаков, составит 21½ цента за кварту, а молока, произведенного из пивоваренного зерна, отходов производства глюкозы и кукурузного крахмала, - 2 цента за кварту".[64]

Представитель Благотворительной ассоциации мясников овец и баранины показал, что члены этого органа согласились покупать овец и телят только у Ассоциации брокеров по продаже овец, при этом за нарушение этого правила налагался штраф в размере 15 центов за голову за

овцу или теленка. Абсолютный деспотизм и система шпионажа, связанные с таким регулированием, очевидны. Вот копия документа, выданного этим органом:

“Нью-Йорк, 9 января 1888 года. Попечительский совет этой ассоциации разрешил Саймону Штраусу покупать овец и ягнят на рынках Нью-Йорка при условии, что он не будет покупать овец и ягнят у посторонних, под страхом штрафа в размере 15 центов за голову. Ричард С. Тобин, секретарь”.[\[65\]](#)

Иногда Ассоциация расслаблялась. 5 ноября 1887 г., согласно ее протоколу,

“Ходатайство Джона Хили, № 2, о предоставлении привилегии покупки нескольких овец и ягнят без взимания 15 центов с брокеров было удовлетворено”.

Это летопись не Багдада при халифах, а Республиканского штата Нью-Йорк! Часто красноречиво упоминался угрожающий социализму деспотизм; но как быть с действительным деспотизмом наших дней?

Итак, что показывает это исследование трастов? Что, получив частную собственность на сырье, из которого в огромных масштабах создается богатство благодаря новым изобретениям, которые наука передала в наши руки, конечным результатом должно стать уничтожение той самой свободы, которую современное демократическое государство провозглашает своим первым принципом. Свобода торговли, свобода обмена продуктами, свобода покупать, где кому заблагорассудится, свобода перевозить свои товары по той же цене и на тех же условиях, которыми пользуются другие, неподчинение *imperium in imperio*: все это, несомненно, фундаментальные демократические принципы. Однако монополиями каждая из них либо ограничивается, либо отрицается. Таким образом, капитализм явно несовместим с демократией в том виде, в каком она понималась до сих пор. Развитие капитализма и развитие демократии не могут протекать без контроля на параллельных линиях. Скорее, они сравнимы с двумя поездами, приближающимися друг к другу с разных направлений по одной линии. Столкновение противоборствующих сил кажется неизбежным.

Но и демократия, и новые капиталистические комбинации, которые ей угрожают, являются неизбежными порождениями эволюционного процесса. Поэтому мы вынуждены рассмотреть вопрос о том, можно или должно ли уничтожить кольцо, синдикат или трест. Можно показать, что эти комбинации являются наиболее экономичными и эффективными методами организации производства и обмена. Они контролируют отходы, поощряют машинное производство, увольняют бесполезный труд, облегчают транспортировку, устанавливают устойчивые цены и повышают прибыль - то есть они наилучшим образом воздействуют на объекты торговли с точки зрения капиталиста. Теперь противники социализма говорят, что без этого предприимчивого капиталиста мы не сможем жить. Они говорят, что он “обеспечивает занятость”. Что ж, если он нам нужен, мы, очевидно, должны заплатить его цену. Если он обладает естественной монополией на выполнение функций, необходимых для социального прогресса, общество должно согласиться с условиями, которые он навязывает. Вкратце, эти условия представляют собой крупные комбинации капиталистической собственности. Таким образом, он может наилучшим образом организовать бизнес; если мы не позволим ему делать это таким образом, он вообще не будет делать это за нас. С его точки зрения, это справедливая позиция, и она ставит индивидуалистического противника трестов перед неловкой дилеммой. Ибо он должен либо подчиниться трестам, либо отказаться от капиталистов, и в последнем случае он

становится социалистом. Ответ социализма капиталисту состоит в том, что общество может обойтись без него, точно так же, как общество сейчас обходится без рабовладельца или феодала, которые раньше считались необходимыми для благополучия и даже для самого существования общества. Организуя свой собственный бизнес для себя, общество может нанять тех капиталистов, которые являются искусными организаторами и администраторами, за любую плату, которая может потребоваться для реализации их способностей. Но тем, кто просто получает дивиденды, больше не будет разрешено взимать плату за труд, но они должны зарабатывать себе на жизнь полезным трудом, как это должны делать другие, более достойные люди.

Можно сказать, что общество еще не созрело для такой трансформации, да и не является ею. Формы демократического государства еще не достигли совершенства, и экономическая эволюция в целом еще не продвинулась достаточно далеко, даже в Англии, не говоря уже о менее развитых европейских странах. Многие еще предстоит сделать как с помощью воспитания интеллекта, так и с помощью развития более благородного общественного духа. Но, с другой стороны, мы, похоже, быстро приближаемся к такому *тупику*, что необходимо какое-то очень большое и определенное расширение коллективной власти. По-видимому, это предполагает, с одной стороны, общее сокращение часов труда, а с другой - попытку усвоить сообществом часть тех социальных ценностей, которые оно создает. Что касается основных ценностей, то можно ожидать, что местные демократические власти будут обеспечивать их соблюдение на благо народа любыми средствами, которые могут быть сочтены целесообразными.

Что касается крупных объединений капитала, действия государства могут осуществляться по одному из трех направлений. Оно может запрещать и ликвидировать их; оно может облагать их налогами и контролировать; или оно может поглощать их и управлять ими. В любом случае социалистическая теория признается *ipso facto*, поскольку в каждом из них признается целесообразность осуществления коллективного контроля над промышленным капиталом. Если избран первый из этих путей, то определенно принимается явно регрессивная политика, политика тревоги по поводу того, что мистер Кливленд назвал "коммунизмом капитала", политика возврата к хаосу "свободной конкуренции" и отказа от несомненных выгод, которые обеспечивала комбинация. Такая политика означала бы насильственное предотвращение приобретения собственности, самой дорогой вещи для индивидуалиста. Если возможности приобретения, теперь явно зависящие от объединения, будут ограничены, что станет с "стимулом к трудолюбию", "наградой за воздержание" и всеми остальными избитыми фразами, которые так часто заменяли аргумент? Если синдикат или трест представляют собой законный результат капитализма, если необходимо навести порядок в торговле и предотвратить разорительное расточительство неограниченной конкуренции, то насколько абсурдно для государства говорить капиталисту: "Вы должны сохранять свои привилегии приобретения только до того момента, когда конкуренция, вероятно, разорит вас; но там вы должны остановиться. Как только вы и ваши друзья объединитесь, чтобы предотвратить расточительство, регулировать производство и распределение, применять новые методы производства, мы будем категорически препятствовать вам или ограничивать вас жесткими правилами". На что капиталист, как можно предположить, должен ответить: "Я не могу выполнять свою функцию в обществе с таким серьезным риском. Я никогда не буду в безопасности — никогда не буду даже в меру уверен в том, что получу ту награду, на которую, по общему признанию, имею право. Если вы намерены таким образом сковать мои действия после

того, как объявили, что я свободен владеть сырьем, из которого делается богатство, — если вы вынуждаете меня остановиться на чисто произвольной линии, я должен сообщить вам, что я не собираюсь вести бизнес на таких условиях”. Разве капиталист не сказал бы что-нибудь подобное; и разве со своей точки зрения он не был бы прав?

Если бы это было возможно сделать немедленно, мы поверили бы капиталисту на слово; присвоили бы необходимые орудия производства; и сделали бы их общей собственностью, а ценности, которые они создают, передавались бы обществу. Но человеческая раса обычно ухитряется исчерпать все средства, которые может предложить глупость, прежде чем в конечном счете будет предпринята правильная линия действий. Поэтому я думаю, что какой-то, вероятно, неэффективный метод налогообложения и общественного контроля за объединениями компаний, по сути, будет принят. Такое законодательство сильно ограничит свободу личности в определенных областях, вызовет много трений и, возможно, затруднит производство; до тех пор, пока путем длительного ряда экспериментов люди не обнаружат, каков наиболее разумный способ приобретения для общества в целом богатства, которое оно производит. Но в любом случае индивидуализм или что-либо еще в природе *laissez faire* одобряется советом директоров.

И теперь, наконец, какова ближайшая политика, которую должны принять рациональные студенты-экономисты и настоящие социальные реформаторы? Их девизом должно быть: *Отсутствие следов возврата*. Всем шарлатанским предложениям они должны оказывать стойкое сопротивление. Эти предложения примут форму попыток вернуть некоторые экономические условия, из которых вышло общество. Один шарлатан пожелает возродить старое британское йоменство; другой будет нести чушь о “Честной торговле”; третий предложит деревенскому жителю “три акра и корову”; в то время как четвертый увидит спасение в том, чтобы избавиться от права первородства и майората и “посадить” на земле зажиточных работников — как если бы работники росли там, как деревья. Те, кто понимает экономический кризис, могут быть готовы и горят желанием поддержать любую реформу, какой бы незначительной она ни была, которая является подлинным шагом вперед, но они не могут поддержать никаких попыток вернуть прошлое. Они могут помочь построить новый мост через пропасть, отделяющую нас от Кооперативного Содружества; но они никогда не смогут восстановить старую разрушенную структуру, которая ведет обратно к индивидуализму. Поэтому вместо того, чтобы пытаться свести на нет работу, которую капиталисты бессознательно делают для народа, настоящий реформатор скорее подготовит людей, образованных и организованных как истинная индустриальная демократия, к тому, чтобы они подхватили нити, когда они выпадут из слабых рук бесполезного имущего класса. Этим средством будет положен конец классовой борьбе с ее жадностью, ненавистью и расточительством и будет достигнута жизнь, на которую намекал Уитмен в своей “Песне изложения”:

“Практическая, мирная жизнь, жизнь народа, сами люди,
Воодушевленные, озаренные, купающиеся в мире — ликующие, обеспеченные миром”.

СНОСКИ:

[51] *Енс. Брит.*, ст. “Хлопок”.

[52] “История восемнадцатого века”, i. 202.

[53] Смотрите доказательства, содержащиеся в Vol. I из “Истории Французской революции” мистера Морса Стивена.

[54] История восемнадцатого века, iv, 450.

[55] “Некоторые ведущие принципы политической экономии”, стр. 32.

[56] “Американское содружество”, iii, примечание на стр. 421.

[57] “Британская энциклопедия”: Ст., “Политическая экономия”.

[58] Малхолл: “Статистический словарь”.

[59] “Властины индустрии”. *Североамериканское обозрение*, июнь 1884 г.

[60] “Ежеквартальный экономический журнал”, июль 1889г.

[61] Отчет Сенатского комитета, стр. 419.

[62] Отчет Сенатского комитета, стр. 233, *и далее*.

[63] Отчет, стр. 244.

[64] Отчет Сенатского комитета, стр. 305.

[65] Отчет Сенатского комитета, стр. 497.

МОРАЛЬНЫЙ.

АВТОР: СИДНИ ОЛИВЬЕ.

Аргументацию этой четвертой части социалистической критики можно условно охарактеризовать как попытку оправдать социалистические идеалы апелляциями к общепринятым канонам морального суждения, подкрепленным результатами позитивной этической науки. В предыдущих очерках было ясно, что мы имеем дело с социализмом в том ограниченном смысле, в котором он определяется Шеффле, [66] как имеющий своей целью “замену частного капитала коллективным капиталом: то есть методом производства, который на основе коллективной собственности суммы всех членов общества на орудия производства стремится осуществлять кооперативную организацию национального труда”. Мы имеем дело с социализмом не как с религией и не как с вопросами пола или семьи: мы рассматриваем его в первую очередь как форму собственности, как схему промышленной системы для обеспечения материальных условий общественного существования человека.

Если бы было признано, что создание такой системы гарантировало бы именно это — что с крайней нищетой должно быть покончено и что каждому мужчине и женщине должна быть обеспечена возможность получать достаточное количество пищи и средств к существованию в обмен на умеренный рабочий день, мы все еще были бы далеки от убеждения некоторых людей

в том, что реализация этого идеала принесет благо миру. Все еще есть очень много людей, которые, хотя они могут и не присоединиться к общему пророчеству о том, что главными результатами такой системы станет рост потребления пива и других глупых потаканий своим желаниям,[67] все же рассматривают голод и нищету как часть неизбежного порядка природы, и как необходимые условия прогресса, способствующие выживанию тех, кого они с удовольствием называют “наиболее приспособленными” типами жизни. Такие критики видят опасность для прогресса в любой попытке объединить интеллект и адаптивность в сознательное сочетание против голода и нищеты, уничтожить совместными усилиями пережитки несчастных случаев первобытного варварства, с которыми мы, как личности, всегда боремся. Эта цель социализма, соответственно, не вполне соответствует их моральному суждению, их мнению о том, что является *добром* в самом широком смысле, хотя они могут охотно признать, что в этой цели присутствует определенный элемент близорукého благого намерения. Другие люди, находящиеся под влиянием религиозных концепций, более древних, чем концепция прогресса, и рассматривающие мораль не столько как определяемую ссылкой на эту цель, сколько как заботу личности, определенное состояние души каждого человека, склонны рассматривать материальное зло, от которого социалисты желают избавиться, как необходимое обучение и дисциплину, без которых индивидуальная мораль пришла бы в упадок.

Вопреки этим доктринам социалисты утверждали бы, что упорядочивание нашей национальной жизни и отношений между отдельными лицами и социальными группами по всему миру в соответствии с принципами социализма является эффективным и незаменимым процессом для обеспечения массам человечества преимуществ уже достигнутого прогресса и его непрерывного и упорядоченного развития, а также для реализации в отдельных людях и государстве высшей морали, которую мы себе пока представляем.

Возможно, на этом этапе будет полезно предвосхитить проблему определения того, что подразумевается под словом “Мораль”, и кратко объяснить позицию, которая будет принята, и метод, которому будут следовать в ходе последующих наблюдений. Следует помнить, что предметом этого эссе является “Моральный аспект основы социализма”, а не “Социалистический взгляд на основы морали”. Поэтому мы можем сознательно держаться подальше от водоворота многовековых споров относительно того, что является этой основой, просто отметив по ходу дела, что любая метафизика Этики обязательно универсальна, и в этом смысле не существует особой этики или морали социализма. Такой осторожной процедурой мы действительно жертвуем захватывающим стремлением продемонстрировать впечатляющим диалектическим зрелищем дедукции из первых принципов фундамент формального социализма в Идее, которая наполняет вселенную. Но мы также избегаем уверенности в том, что в самом начале нашей попытки демонстрации мы потеряем компанию всех, кроме того меньшинства, которое могло бы согласиться с нашими фундаментальными положениями. Мы принесем еще одну жертву, прибегнув к незатейливым методам эмпиризма, ибо тем самым мы отказываемся от права апеллировать к тому теологическому складу ума, который присущ социалистам и другим благочестивым людям. Мистер Генри Джордж, получивший образование в соответствии с Американской конституцией, может разделить знакомство ее составителей с намерениями Создателя и естественными правами человека. Он может доказать, как это сделал мистер Герберт Спенсер в годы своей щедрой юности, что частная собственность на землю несовместима с фундаментальным правом каждого человека жить и владеть продуктом своего труда. Но позитивная этическая наука ничего не знает о естественных и фундаментальных правах: она ничего не знает об индивидуальной свободе, ничего о равенстве,

ничего о лежащем в основе единстве. И все же и здесь наша потеря может быть отчасти возмещена; ибо краткий обзор убедит нас в том, что различные школы философии морали, отличающиеся своими характерными исходными принципами, сходятся в оправдании социализма; и что практические суждения современного человечества о том, какого рода поведение является “моральным” и какие условия создают для роста “общей морали”, на практике в значительной степени совпадают. Они предлагают, по крайней мере, свод предварительных мнений или предубеждений, к которым мы можем апеллировать, представляя социализм для критики его морали. Трибунал ни в коем случае не является непогрешимым: тем не менее, здравый смысл современного человечества может что-то значить. Но подходя к критике социализма с точки зрения этики, мы обязаны пойти немного глубже этого. Принимая феномен современного мнения о морали как часть нашего материала, мы должны следовать исследованиям этических спекуляций, направленным на изучение причин и истории развития этих мнений. Исследуя происхождение убеждений о том, что тот или иной вид действия хорош или плох, нравственен или аморален, мы поможем сформировать суждение о том, какие из них, по-видимому, сохранятся и укрепятся, а какие следует изменить, ослабить или забыть. Если притязания социализма опираются на суждения последнего класса, мы можем знать, что это отмирающая болтовня; если они преобладают среди препятствий на пути к его признанию, мы можем обнадеживающе предсказывать это; если это подкрепляется теми суждениями, постоянство которых кажется необходимым для выживания индивида и общества, мы можем быть уверены в его реализации в будущем.

Социализм предстает как порождение индивидуализма, как результат индивидуалистической борьбы и как необходимое условие приближения к индивидуалистическому идеалу. Противопоставление, которое обычно предполагается при противопоставлении этих двух понятий, является результатом ставшей привычной путаницы между личностью и индивидуальностью, между жизнью человека и изобилием вещей, которые у него есть. Социализм - это всего лишь рационализированный, организованный, одетый и находящийся в здравом уме индивидуализм. Социализм обретает форму в развитых обществах, и социальная революция должна быть доведена до своего формального завершения посредством сознательных действий бесчисленного множества индивидуумов, ищущих путь к рациональному и приятному существованию для себя и для тех, чьего счастья и свободы они желают так же, как и своего собственного. Любое сознательное действие, любое сознательное изменение условий вдохновлено желанием такого личного облегчения, удовлетворения или самовыражения, попыткой убежать от какого-либо физического или интеллектуального страдания. “Субъективная воля, страсть - это то, - говорит Гегель, - что побуждает людей к деятельности: люди не будут интересоваться чем-либо, пока не найдут удовлетворение в своей индивидуальности в результате этого достижения”. Эта общая цель, это желание личного облегчения или удовлетворения, которое мы видим на протяжении всей зарегистрированной или обозначенной истории, движет каждым живым существом на земле; сливаясь, если проследить это в обратном направлении, с простой очевидной волей к жизни организмов, не признанных сознательными, и с неуничтожимой энергией неорганического. Поле деятельности, понимаемое таким образом, представляет собой панораму довольно большой протяженности; но все, с чем нам придется иметь дело, - это очень небольшая его часть. Поскольку мораль, каковы бы ни были ее природа и основа, определенно не становится для нас узнаваемой, мы не можем приписывать качество правильности или неправильности до тех пор,

пока не начнется формирование общества, пока индивиды не вступят в сознательные отношения с индивидами, отличными от них самих.

Если бы мы могли представить себе индивидуума, абсолютно изолированного и не имеющего вообще никаких отношений с другими живыми существами, *мы* не смогли бы сказать, что для него морально или аморально есть, пить, спать, дышать, мыться, заниматься физическими упражнениями, кашлять, чихать и тому подобное, так же много или так же мало, когда или где он чувствует склонность. Его поведение в этой деятельности должно казаться нам абсолютно безразличным. У нас могут быть некоторые смутные отраженные предположения относительно того, что необходимо для достоинства и развития человеческого “я”, как мы могли бы это назвать; но это вопрос, о котором человек может притворяться, что знает столько же, сколько и мы; и у нас действительно нет веских оснований для предубеждения против привычек индийского факира-отшельника, который, с другой стороны, имеет значительные претензии на то, чтобы считаться особо святой личностью. Но о каждом человеке, живущем в обществе, мы можем сказать, что если он морит себя голодом до неэффективности; если он объедается или одурманивает себя; если он спит не по сезону; если он воздерживается от свежего воздуха, чистоты и физических упражнений, необходимых для поддержания здоровья своего тела и приятности своего присутствия; если он разрушает свои силы чрезмерной работой; тогда он действует неправильно, аморально, неразумно, в крайних случаях безумно. (Безумие - это всего лишь название, которое мы даем ненормальному отклонению от того, что принято считать разумными и вразумительными желаниями и поведением.) И если это относится к действиям, которые можно условно назвать эгоцентричными, к тем, которые в наибольшей степени касаются собственной личности действующего лица, то в гораздо большей степени это относится к действиям, которые обязательно и неизменно затрагивают других людей. Те отношения индивида со своими собратьями, в которых главным образом признается субъективная мораль, вообще не существуют отдельно от общества. Таким образом, поскольку субъективная мораль различима только в Государстве, масштаб нашей панорамы уже значительно уменьшен; ибо в каждом нееврейском или национальном обществе и в некоторой степени в современном мировом государстве мы находим индивидуалистическую активность, желания и страсти человеческой единицы, в значительной степени проявляющие себя в соответствии с тем, что мы называем моральной привычкой. В процессе развития жизни сформировались бесчисленные типы общества. В старейшем из них мы распознаем элементы общепринятой морали, подобной той, на которой держится наше собственное человеческое общество. Мы рассматриваем пути муравья и видим, что они мудры.

Мы обнаруживаем, что во всех обществах те действия и привычки одобряются как моральные, которые направлены на сохранение существования общества, сплоченности и удобства его членов; и что те, которые являются или кажутся чреватými противоположными тенденциями, считаются аморальными. Очевидно, что ни одно общество, в котором эти суждения обычно менялись местами, не могло продолжать существовать; и этот факт во многом объясняет ту общую унаследованную склонность к действиям, приносящим общественную пользу, и унаследованное отвращение к тем, предположительно противоположным, которые составляют столь значительную часть того, что мы называем совестью. Многие из этих общепринятых суждений настолько глубоко укоренились, что их влияние вышло за пределы сознания; и им повинуются автоматически или инстинктивно, без какого-либо отражения их морального аспекта, возникающего в сознании действующего лица. Например, для существования общества так необходимо, чтобы гражданин воздерживался от массового убийства, такое

самоограничение настолько очевидно разумно, а его несоблюдение настолько противоречит здравому смыслу, что, когда мы обнаруживаем убийство, совершенное из простого желания кровопролития и не под влиянием какой-либо другой страсти, мы не считаем убийцу аморальным, а скорее безумным, оценивая человека, который хотел разрушить жизнь общества, как коронеры-присяжные своим обычным приговором о самоубийствах выносят приговор человеку, который разрушает свою собственную.

Большинство привычек активности и избегания, необходимых для простого физического существования индивида, подобно тому как моральные действия и воздержание необходимы для существования общества, давным-давно стали автоматическими и, насколько это касается общепринятого мнения, навсегда вышли из сферы моральной критики. Все непроизвольные функции человеческого организма, которые способствуют его питанию и поддержанию здоровья, постепенно приобретались в течение веков как условия, необходимые для выражения простой животной воли вести максимально широкую и свободную жизнь, допускаемую физическим окружением. И как телесная форма и функции типичного индивидуума каждого вида сформировались и утвердились как необходимый механизм простой решимости существовать, так и форма и институт общества, а также отношения и взаимное поведение его индивидуумов были скорректированы и установлены как столь же необходимые условия для более полного выражения решимости существовать, для расширения свободы и возможностей для удовлетворения тех страстей и стремлений, проявления тех энергий и деятельности, которые характеризуют более сложные формы жизни по мере того, как она переходит от неорганической и растительной к сознательной и самосознающей стадиям своей эволюции.

Мы должны заключить, что примитивные формы человеческого общества выросли и выжили просто потому, что они повысили эффективность человека как питающегося и боевого животного, точно так же, как это сделали волк, бобр и муравей. Общество в настоящее время превратилось для человека в незаменимую гарантию не только питания и защиты, но и возможности представить себе и достичь тысячи разновидностей более утонченного удовлетворения. До тех пор, пока человек достиг свободы поступать и быть тем, кем он желает, он достиг ее только в результате эволюции общества. Когда общество гибнет, как гибли и будут гибнуть общества, органически слабые среди более сильных конкурентов, индивид погибает вместе с ним или вынужден отступать с ущемленной свободой до тех пор, пока новая социальная интеграция не обновит и не расширит его возможности саморазвития. Общества, как было указано Сидни Уэббом на стр. 51, должны обеспечивать свое существование сегодня по тем же причинам, по которым общество сформировалось само по себе. Она возникла для удобства индивидов, для их защиты и облегчения под давлением всего, что не было ими самими — Природы, как мы это называем, — животных и соревнующихся людей, чтобы дать немного передышки, немного пространства для маневра среди бурь и стрессов первобытного существования; и с этого начала она развивалась и совершенствовалась, каждый шаг прогресса осуществлялся для удобства активных индивидуумов, пока современный индивидуум не родится, как лист на могучем дереве или коралловое насекомое в губке, чтобы самому жить своей индивидуальной жизнью и, проживая ее, изменять ее. социальный организм, в котором он находится.

Рассматривая развитие в обществе условий для удовлетворения индивидуальной воли к жизни, причем жить наилучшим из возможных способов, мы видим в прогрессе моральных идей

прогресс открытия наиболее разумного способа организации жизни индивида и формы социальных институтов в современных условиях. Уже указывалось, что некоторые виды антисоциальных действий настолько неразумны, настолько очевидно наносят ущерб достижению общей цели сознательных индивидов, что мы без колебаний клеймим их как безумные. Предполагаемыми примерами были крайняя личная нечистоплотность или распутство, а также крайняя жестокость или кровожадность. Причина, по которой другие антисоциальные или косвенно суицидальные действия еще не классифицируются как безумие, хотя существует устойчивая тенденция к такому отношению к ним, очевидно, заключается в том, что некоторые действия индивида, хотя и причиняющие вред другим гражданам точно так же, как деятельность стаи волков или хищнического племени наносит вред соседним обществам, обычно направлены на удовлетворение импульсов и страстей, которые еще не стали такой редкостью, как жажда крови, еще не признаны иррациональными или бесполезными, или даже признаны в их надлежащем объеме безвредными, желательными или необходимыми.

Это устоявшееся общественное соглашение (в Англии) о том, что воровать или обманывать аморально. Только в очень крайних случаях мы рассматриваем эти занятия как признаки мании; ибо, хотя несправедливость и нечестность несовместимы со здоровьем общества и, следовательно, фактически неразумны и косвенно приводят к самоубийству, желания, которые побуждают людей к ним, являются лишь в худшем случае преувеличением стремления к богатству или существованию, которое каждый признает необходимым условием простого продолжения жизни. Более того, там, где альтернативой является смерть из-за нехватки средств к существованию, многие считают, что ни то, ни другое не является аморальным. С другой стороны, когда инстинкт побуждает к агрессии вопреки сознательному разуму и без определенной цели наживы, когда Жан Вальжан грабит маленького савояра или благородный граф кладет в карман щипцы для сахара, мы говорим о психическом отклонении или kleptomании.

Аналогичный случай с самообороной. Сварливость и насилие разрушительны для социального существования или, в лучшем случае, препятствуют его более высокому развитию. Но готовность к негодованию и быстрота кулака были веками необходимыми для индивидуального выживания; и еще много веков родственные им социальные качества, или дух и доблесть, были необходимы для социального выживания и, соответственно, причислялись к добродетелям. Указание подставлять другую щеку нападающему даже сейчас, возможно, является преувеличением предписания, похвального социалистам, когда их обвиняет лондонская полиция: допускать, чтобы тебя убивали без причины, явно и безошибочно аморально. По мере того, как западный мир переходит от войны к промышленности, все больше и больше из того, что когда-то было военной добродетелью, становится безнравственностью в личности; до тех пор, пока привычная свирепость, которая когда-то могла бы сделать ее субъекта вождем, в настоящее время не обрекает его на каторгу или бедлам.

Приведенные выше иллюстрации были рассмотрены для настоящей цели только применительно к влиянию поведения индивида на общество. Действительно, несомненно, что антисоциальные действия, как правило, не приносят индивиду постоянного удовлетворения (несмотря на отдельные примеры типа "Графа Ченчи" Шелли); но, независимо от этого, действия и склонности индивида, по-видимому, всегда оценивались его собратьями морально или безнравственно главным образом в соответствии с их предполагаемым воздействием на

общество. Цель каждого живого существа - делать то, что ему заблагорассудится, и если то, что ему заблагорассудится делать, доставляет неудобства другим людям, они примут меры, чтобы удержать его от этого. Этого они стремятся добиться с помощью законов и общепринятых моральных кодексов, главное различие между которыми заключается в том, что свод законов обеспечивается путем применения прямого личного наказания должностными лицами государства. Это принятие кодексов законов и условностей морали приводит к вторичному ряду суждений о добре и зле; ибо нарушение закона становится аморальным, независимо от того, хорош сам закон или нет, и предосудительным отступление от условностей, независимо от того, являются ли условности более разумными или нет. Эта вторичная мораль является как бы зародышевой оболочкой индивида, без поддержки которой он не может обойтись, пока не обретет полную силу, но без которой он должен обойтись, если хочет полностью реализовать свою собственную свободу. Общепринятая мораль не позволяет ему в процессе обучения добиваться собственного удовлетворения за счет своих ближних. В процессе воспитания он узнает, что для единицы в обществе слово "я" включает в себя нечто большее, чем личность: младенец очень скоро обнаруживает, что то, что не согласуется с его матерью, не согласуется и с ним; ребенок - что отсутствие доходов у его отца означает нищету и голод для семьи. Не говоря уже о фактах сочувствия, каждый человек, родившийся в развитом обществе, рано осознает, что удовлетворение его простых материальных потребностей зависит от деятельности этого общества вокруг него в такой же степени, как и от его собственной. На протяжении всего развития наций и обществ сложность этой взаимозависимости индивидов возрастала, сферы общественного сознания расширялись и объединялись, от одинокого пещерного жителя до семьи или орды, от племени до нации, а от нации, посредством торговли, до всего мира, пока судьба каждого народа не возобладает над надеждами и страхами работников любого другого, и сегодня нам доступны искусства, ученость и литература сотен болезненных цивилизаций, все царства земли и их слава не проявятся в один момент времени.

Но не хлебом единым живет человечество. На самом раннем этапе эволюции человека тип индивида, которому было противно все общество, должен был быть устранен и подавлен естественным отбором. Социальный инстинкт, склонность находить утешение в товариществе независимо от его материальных преимуществ, имеет в человеке такую очевидную древность, что мы вправе говорить о нем как об одной из его фундаментальных и элементарных характеристик. Достаточно легко предложить теории происхождения этой сцепленности, этой привязанности, этой симпатии в условиях выживания расы: важным фактом для нас является ее замечательная восприимчивость к культивированию и распространению. Индивид в обществе делает то, что приятно его друзьям, и воздерживается от того, что неприятно, не потому, что ему нравится, когда его считают хорошим парнем, или ожидает выгоды взамен, а просто потому, что ему доставляет непосредственное удовольствие так поступать. Он чувствителен ко всему, что причиняет им боль, не потому, что боится, что его собственная защита ослабнет из-за их травмы, а потому, что они действительно стали частью его самого, когда он распространил на них свое сознание. Этот социальный инстинкт, эта склонность к великодушному сочувствию кажутся почти такими же неугасимыми, как личное стремление к жизни: в бесчисленных случаях оно оказывалось гораздо сильнее.

Признание каждым индивидом своей зависимости от общества или чувствительности к собственным интересам, а также его привязанность к обществу или чувствительность к его интересам: эти две стороны одного и того же факта представляют собой сложную ткань общественного сознания, чрезвычайно чувствительную ко всем видам антисоциальных или

аморальных действий. Формально моральное воспитание индивида предстает как процесс обучения, путем простого расширения знаний и опыта, и ничего больше, тому, как он может гармонизировать свои собственные желания в этих двух аспектах и их сочетаниях и следовать им. Он должен научиться удовлетворять потребности своей телесной жизни таким образом, чтобы это не мешало свободе других делать то же самое. Законы и условности морали поначалу направляют его в этом отношении; но нельзя сказать, что человек свободен, пока он не будет действовать морально, потому что, предвидя, что при удовлетворении этих первичных потребностей возникнут новые желания, удовлетворение которых принесет ему более изысканное удовлетворение, он понимает, что так поступать разумно. Существование и стабильность общества являются необходимой гарантией общего удовлетворения первичных желаний индивидов, поэтому неразумно ослаблять общество аморальными действиями; но в гораздо большей степени существование и здоровье общества являются необходимыми условиями для общего зарождения и удовлетворения вторичных желаний, желаний, которые создали все самое ценное в цивилизации и которые находят свое удовлетворение в искусстве, в культуре, в человеческом общении, в любви. Нравственное воспитание индивида - это урок не о том, что желание есть зло, и что он может достичь своей свободы, только перестав желать, ибо это смерть или дезертирство, и армия живых стремится к более полной жизни; но о том, что более широкое и полноценное удовлетворение основано на более простой и распространенной морали, являющейся условием ее возможности; что существуют определенные манеры и методы, с помощью которых, если он попытается спасти свою жизнь, он безошибочно ее потеряет; и что любовь, социальный инстинкт и наука, представляющая собой упорядоченное знание, являются его единственными способностями. надежные наставники в практической морали.

Но человек в обществе живет не только своей индивидуальной жизнью: он также изменяет форму социальных институтов в направлении, указанном разумом, то есть таким образом, который, по его мнению, сделает их более эффективными для обеспечения свободы в его жизни. И точно так же, как определенные формы индивидуальной деятельности, попадая в поле позитивной критики и проходя через него, сначала кажутся безразличными, потому что они, по-видимому, касаются только индивида, затем моральными или аморальными, поскольку признаются влияющими на общество, позже просто рациональными или безумными, мораль здесь формально отождествляется с разумом, а безнравственность - с безумием, и, наконец, становятся привычными, инстинктивными и бессознательными; так и институты, берущие начало в формах, по-видимому, случайных, признаются полезными и ценными дополнениями к механизму существования, подкрепляются всем авторитетом и санкциями религии и, наконец, переходят в разряд неоспоримое признание со стороны здравого смысла людей. Со временем по причинам, столь же непредвиденным, происходят некоторые фундаментальные изменения в условиях жизни индивидов: форма старого института перестает служить общей цели: он начинает ограничивать свободу большинства, которое больше не нуждается в его поддержке. Тем временем оно создало меньшинство, якобы контролирующее его для общего блага, в состоянии управлять им исключительно в интересах своего класса. У них, поскольку их существование, по-видимому, зависит от того, как они им управляют, нельзя отучить от привычки иначе, как путем такой модификации института, которая снова сделает невозможным для какого-либо класса проявлять особый интерес к его современной форме.

Этот процесс настолько знаком истории, что было бы пустой тратой времени иллюстрировать его здесь, прослеживая его рост монархий, аристократий, духовенства, рабства движимого

имущества, феодальной кабалы, представительного правления или других его бесчисленных проявлений. Институт частной собственности на определенные вещи во многих отношениях настолько разумен и удобен для большинства человечества и был настолько явно выгоден для тех более сильных личностей, под руководством которых развивались зачатки племенных цивилизаций, что очень рано в их истории он получил санкцию моральных устоев, религии и закона. Очевидно, что для становления индустриального общества было необходимо, чтобы каждый человек владел продуктом своего труда и инструментами, необходимыми ему для эффективного труда. Но промышленная революция, описанная в третьей статье этой серии, полностью изменила условия, при которых люди производят богатство, и характер инструментов, с помощью которых они работают, в то время как санкции закона и общепринятой морали все еще цепляются за все, что было импортировано в соответствии со старым определением собственности. Если идея, к которой так постоянно обращаются в оправдание права собственности, должна быть реализована; если плоды труда каждого человека [68] должны быть гарантированы ему и он должен владеть инструментами, с помощью которых он работает; если законы собственности не должны создавать паразитический класс, берущий дань с труда других в форме ренты и процентов, тогда мы должны изменить наше управление собственностью. Мы должны признать, что поскольку сельскохозяйственный рабочий не может единолично владеть фермой, на которой он работает, и ее скотом, как фабричный рабочий не может единолично владеть мельницей, земля и промышленный капитал - это вещи, в которых частная собственность невозможна, за исключением того, что небольшое меньшинство владеет всей такой собственностью, а подавляющее большинство - никакой вообще.

Социалисты утверждают, что эта система частной собственности на землю и капитал активно разрушает условия, в которых только и возможна общая мораль, необходимая для счастливой социальной жизни. Не требуя веры от тех людей, которые отрицают способность обычной человеческой природы к умеренности и доброте, необходимые для успеха истинно кооперативного содружества, они утверждают, что это современное развитие системы собственности (развитие только последних нескольких поколений и беспрецедентное в мировой истории) все больше и больше подталкивает индивида к антисоциальным настроениям и действиям и тем самым разрушает надежду на свободное и полноценное существование, которое может дать ему только здоровье и прогрессивное развитие социального организма. Стало совершенно разумным, что, когда таковы последствия нашей системы собственности, мы должны модифицировать наши институты в направлениях, которые дадут нам свободу, точно так же, как мы изменили институты, которые подчинили нас феодальной аристократии, и навсегда отменили законы, которые позволяли одному человеку держать другого в качестве своего раба.

Существует известная греческая пословица, согласно которой, как только человек обеспечил себе средства к существованию, он должен начать практиковать добродетель. Мы все протестуем против того, что он поступит правильно, если будет практиковать добродетель при любых обстоятельствах; но, поразмыслив, мы признаем, что наше суждение о том, что является добродетельным действием, зависит от обстоятельств, при которых должно быть предпринято действие. Одобряем ли мы убийство одного человека другим, полностью зависит от обстоятельств дела; и едва ли найдется хоть одно из деяний, которые наши законы считают преступными, которое при мыслимых обстоятельствах не могло бы быть оправдано. Наши законы и наши общепринятые мнения относительно того, какое поведение является моральным

или безнравственным, адаптированы к обычным условиям жизни среднего человека в обществе, поскольку общество в них считается однородным, не содержащим в себе существенных различий между классами или больших контрастов между условиями жизни индивидов.

Но тот элемент нашей системы частной собственности, который в настоящее время является главным объектом социалистической атаки, индивидуальная собственность на орудия производства, землю и капитал, в эпоху, когда использование этих орудий стало кооперативным, приводит и неизбежно должно привести, как пытались доказать предыдущие диссертации, к разделению общества на два класса, само существование которых обеспечивается им существенно различными методами. Средства к существованию типичного пролетария зарабатываются применением его способностей к полезной деятельности: средства к существованию типичного капиталиста или владельца собственности получаются без какого-либо вклада его или ее деятельности в виде пенсии, называемой рентой, процентами или дивидендами, гарантированной законом из богатства, производимого изо дня в день деятельностью пролетариата.

Обратите внимание на влияние этого различия на моральные явления. Большинство наших общих мнений относительно общественной морали адаптированы к обществу, в котором каждый гражданин вносит свой вклад в активное служение. Самые древние и универсальные суждения человечества о достоинствах трудолюбия, честности, лояльности и снисходительности между людьми, умеренности, стойкости духа и справедливых поступках указывают на элементарные условия, необходимые для выживания и укрепления обществ равных и свободных индивидуумов, существование которых зависит от проявления способностей каждого и от его пригодности к сотрудничеству со своими собратьями. Но там, где существует класс или общество, не зависящие от своей собственной промышленности, но питающиеся, как паразиты, за счет другого общества или класса; когда индивидуумы такого паразитического общества никоим образом не зависят в плане средств к существованию или своей свободы от своей пригодности к сотрудничеству друг с другом, от самих себя или от каких-либо личных отношений с классом, который их кормит; тогда соблюдение моральных условностей промышленных и кооперативных обществ во многих отношениях совершенно не нужно для продолжения жизни паразитического общества или для приятного существования индивидов, составляющих его. Все, что необходимо, - это чтобы установленный закон и условности продолжали соблюдаться промышленным классом (*“отуправляющих требуется, чтобы человек считался верным”*); и поскольку существование имущего класса в современных обществах в конечном счете зависит от соблюдения основной массой людей этой общепринятой морали, имущий класс публично заявляет, что почитает и соблюдает условности, которые в своей частной практике он давно признал устаревшими. Это осложнение является постоянным источником косноязычия. Этому мы обязаны зрелищем сэра Уильяма Харкорта, выступающего за полное воздержание, мистера Артура Бальфура, восхваляющего христианство; этому постоянному насаждению трудолюбия и бережливости среди праздных и экстравагантных людей, а также многим другим назидательным вариациям на тему обличения греха сатаной. Воздержание, христианская мораль, трудолюбие и экономия имеют значительную общественную пользу; но для членов имущего класса они не обусловлены условиями его существования и, следовательно, в таких классах не соблюдаются и обычно не становятся предметом моральной критики.

Рассмотрим случай только с трудолюбием — с моральной привычкой зарабатывать себе на жизнь полезной деятельностью. Если предположить, что средства к существованию гарантированы, то очевидной и насущной социальной необходимости в таких нагрузках нет. Без сомнения, рай служанки на все руки - где она намеревается *ничего* не делать во веки веков — это рай неразвитого интеллекта. Обществу, освобожденному от функции обеспечения собственного материального существования, не обязательно снова впадать во всеобщее оцепенение, хотя очень часто результатом является то, что индивид, оказавшийся в таких обстоятельствах, снова впадает в бесполезность. Тщетно будет проповедовать такому человеку, что он найдет свое полное удовлетворение в честном труде: он просто рассмеется вам в лицо и отправится пострелять куропаток, поохотиться, покататься на яхте, в Монте-Карло или в Скалистые горы, находя в таком проявлении своих способностей самое острое удовольствие, какое только можно вообразить, в течение нескольких месяцев подряд. Он может вообще не испытывать желания работать на благо людей, чья работа поддерживает его: все, что ему, как и всем нам, требуется, - это найти какой-нибудь способ приятно или увлекательно провести свое время. Соответственно, в той части нашей нации, которая называет себя “обществом”, будучи на самом деле обществом, отделенным экономическим паразитизмом от общей массы, мы обнаруживаем, что характерной деятельностью является предоставление приятных и захватывающих способов скоротать время. Поскольку это конец модного общества, его моральный кодекс, естественно, сильно отличается от кодекса, подходящего для индустриальных обществ. Правдивость проповедуется в них как кардинальная добродетель. Ложь, конечно, достаточно распространена во всех классах общества и в целом аморальна; но в мире моды это не только совершенно законное средство избежать нежелательного посетителя или почти любого другого неприятного опыта: это позитивная необходимость общепринятой вежливости и хороших манер. Здесь это действительно безобидно, почти добродетель. Возвращаясь к добродетели трудолюбия: хотя общепринятая мораль народа, необходимая для жизни нации, пронизывает своими вибрациями это паразитическое общество, которое она окружает; и хотя неизменное удовлетворение, которое действительно умный человек находит в общественной деятельности, позволяет многим представителям имущего класса быть с пользой занятыми, действительное общественное мнение этого класса абсолютно соответствует условиям их жизни. Знакомые из среднего класса поздравляют клерка в правительственном учреждении с его удачей получить место, где ему не нужно делать больше работы, чем он хочет; и обычно предполагается, что он выберет, подобно фонтанам на Трафальгарской площади, играть с десяти до четырех с перерывом на обед. Это может быть, а может и не быть адекватным описанием его деятельности: важно то, что такое предположение не следует считать оскорбительным. Но с каким негодованием те же самые знакомые будут осуждать праздность и ненадежность британского рабочего, которого, находясь на службе у частного хозяина, подозревают в том, что он интерпретирует свою поденную работу так, как добродушно, без намека на неодобрение, интерпретирует свою собственную!

Это устаревание элементарной общественной морали наиболее заметно у женщин, зависящих от доходов от собственности. Они вдвойне удалены от первичных условий жизни; они менее склонны, чем их мужчины, заниматься какой-либо работой, приносящей ощутимую общественную пользу, вне своего собственного дома; и поскольку их интеллектуальное образование в целом гораздо более несовершенно, вполне естественно, что их представления о морали должны быть еще более приспособлены к условиям их класса и в меньшей степени к общим условиям человеческого общества. Мы всегда понимали, что небесные ангелы не

связаны с пищеварительным аппаратом и одеты так же свободно, как полевые лилии. В любом обществе, где все общие потребности удовлетворяются таким образом, было бы, конечно, аморально, потому что это пустая трата времени, работать так, чтобы заработать себе на жизнь. Итак, универсальный идеал капитализма состоит в том, что человек, будучи создан немного ниже ангелов, должен подняться до их уровня в этом отношении путем приобретения собственности, процесс, приятно описываемый как достижение компетентности или независимости, то есть права быть зависимым и некомпетентным. Результатом этого стал предрассудок, который только в последние годы начал серьезно поколебаться, что для леди унижительно, даже позорно вообще зарабатывать себе на жизнь, для джентльмена заниматься ремеслом за деньги, для дворянина заниматься торговлей: предрассудок, которому в классовом обществе было много оправданий, но который, очевидно, является фрагментом классовой морали, прямо противоположной общепринятой общественной морали, признающей всякое полезное занятие похвальным. Сейчас она уступает экономическому давлению и стимулу желания разбогатеть. Женщин вовлекают, и, несмотря на протесты мистера Уолтера Безанта, будут вовлекать и впредь, в большинство женских ремесел, хотя некоторые из них все еще находятся за чертой респектабельности. Скотоводство в Америке, хотя в Англии еще нет выпаса скота и разделки скота, является подходящим занятием для аристократии. "Руководство" компаниями и покровительство азотистым полковникам-добровольцам являются законными способами использования титула. Предубеждение против полезных занятий уравнивается ради приличия лицемерным восхвалением бесполезных. Выдумка, столь дорогая Даме Примроуз, о том, что богатые нанимают бедных, бездельники поддерживают трудолюбивых, принимает в наши дни формы более коварные, чем суровое утверждение, что частные пороки являются общественным благом. Развлечения, чисто рекреационные мероприятия сельских джентльменов прославляются в *"Национальном обзоре"* [69] как "тяжелая работа". Делается вид, что праздный класс является незаменимым покровителем и популяризатором культуры и изящных искусств. Утверждение о том, что такие функции являются добродетелями, является прямой уступкой чувству, что необходимо приложить определенные усилия, чтобы показать, что практика паразитического общества совместима с его проповедью общепринятой социальной морали.

Та же необходимость заставляет отдавать преувеличенную дань похвалы такой действительно полезной работе, которая выполняется не по принуждению, а в соответствии с социальным инстинктом. Друзья тех, кто занимается этим, обычно указывают на этот вид деятельности как на свидетельство необычайной добродетели. Несколько часов внимания каждую неделю к положению бедных, несколько безвозмездных занятий местной администрацией, привычка к трудолюбию в любой отрасли литературы или науки - все это вменяется в чрезмерную праведность людьми, которые обличают наемного рабочего как лентяя и увильдяйку. Такая деятельность является работой сверхзадачи, одобренной, но не требуемой или ожидаемой. Девиз "благородство обязывает" не был принят плутократией. Аналогичное одобрение и восхищение распространяются на тех, кто, уже зарабатывая себе на жизнь разумным дневным трудом, использует свое свободное время или его часть на безвозмездные виды деятельности, упомянутые выше. Можно с уверенностью сказать, что гораздо большая часть такого рода работы выполняется людьми, которые одновременно получают доход в профессиях среднего класса или менее изнурительными формами наемного труда. Большинство из них, вероятно, сталкивались с нелепой неуместностью похвалы, которую обычно выражают их безвозмездной энергии состоятельные друзья. Эта деятельность, без сомнения, нравственна; но ее

осуществление не дает ощущения добродетели или похвалы; ей следуют, потому что считают ее разумной, потому что это путь, указанный здравым смыслом, к удовлетворению индивидуальной страсти к распространению свободы и любви.

Феномены классовой морали достаточно древние и знакомые. Они менялись на протяжении истории вместе с меняющимся характером основы классовых различий. Огромное постоянное различие полов и социальные отношения между мужчиной и женщиной, возникшие в связи с этим в период цивилизации, из которого сейчас выходит мир, привели не только к установлению различных кодексов целомудрия для полов, но и к появлению бесчисленных предрассудков против участия того или иного пола в действиях, не имеющих ничего общего с физиологическими различиями. Они даже преуспели в создании, благодаря неравенству в свободе и образовании, хорошо заметных различий в ментальных привычках, которые постоянно проявляются, когда мужчины и женщины сталкиваются с одними и теми же вопросами правдивости, чести или логики. Вряд ли есть необходимость отмечать, что большинство этих различий отчетливо прослеживается в институте частной собственности и ее концентрации в руках мужчины как более сильной личности в конкурентном обществе. Классовая мораль обществ, порядки в которых были непосредственно основаны на статусе или касте, стала предметом обширной литературы. Проследивание всех таких различий до их истоков в экономических условиях едва ли менее интересно, чем исследование того же основания сексуальной морали. Но даже толкователи Церковного катехизиса отказались от апелляции к статусу как основе долга; идея наследственной аристократии мертва; а классовые различия и сопутствующая им этика теперь прямо и очевидно основаны на собственности.

Мы рассмотрели некоторые последствия нашей нынешней системы собственности, которые постоянно работают на разрушение традиций общественной морали в классе капиталистов. Фундаментальная идея этой системы, что человек может жить, не работая, как ангелы небесные, (к счастью) внутренне противоречива в том отношении, что в человеческом обществе ни один класс не может так жить, кроме как за счет двойного труда другого класса или классов. Предполагаемое ангельское общество на земле должно либо владеть движимым имуществом-рабами, либо быть военной кастой, берущей дань, либо паразитическим и эксплуататорским классом, извлекающим ренту и проценты за счет функционирования промышленной системы, проанализированной в предыдущих статьях. Такой класс и такая система, как мы все начинаем осознавать, более яростно революционны в своем действии и с большей уверенностью приведут к их собственному уничтожению, чем рабство движимого имущества или феодализм. Из этих трех фаз человеческой несправедливости фаза наемного рабства, несомненно, будет самой короткой. Но тем временем имущий класс считает себя представителем цивилизации; его одобренная мораль проповедуется и преподается в церкви и школах; это унижает наше общественное мнение; и это непосредственно отравляет все то множество рабочих, которые в настоящее время являются прихлебателями богатых, будь то в качестве черной прислуги или для их особых развлечений и расточительности. Нет такого сноба, как модная портниха; и нет класса пролетариата, столь дегуманизированного, как класс домашней прислуги.

Теперь, если эти результаты достигаются в классе, которому средства к существованию гарантированы, и чье образование и культура дали ему возможность ухватиться за высшие побуждения к морали, — если мы здесь обнаруживаем, что мораль задушена в корне и умирает с голоду, что мы обнаружим, когда обратимся к массам, которым средства к существованию не

гарантированы? Наш грек, возможно, сказал бы, что для них было невозможно практиковать добродетель, точно так же, как Платон в своей “Республике” предположил, что только философский класс может быть действительно нравственным, поскольку рабы и пролетариат не могли получить интеллектуального образования, необходимого для тренировки разума. Подавляющая часть наемного класса в современных цивилизованных странах настолько обеспечена средствами к существованию, что остается насквозь пропитанной общепринятой общественной моралью. По привычке и предпочтениям он, как правило, трудолюбив и доброжелателен, демонстрируя таким образом два наиболее важных качества для социальной жизни. Он остается в значительной степени честным, хотя конкуренция и капитализм прямо противоположны честности. Декалог коммерческой морали по-своему интерпретирует воровство, убийство, лжесвидетельство и корыстолюбие; и все же самый беспринципный вредитель в Городе будет возмущен в своих лучших чувствах классовой моралью водопроводчика, который, призванный привести газ в порядок, пользуется случаем, чтобы нарушить подачу воды и засунуть тряпку в канализацию. Работодатель в ужасе от роста праздности и плохого качества работы при системе, в которой хороший работник знает, что работа изо всех сил не только не будет стоить затраченных им усилий, но и приведет к тому, что его коллеги будут выполнять более тяжелую работу.

Но действие нашей системы собственности, разрушающей элементарную мораль, наиболее заметно не в массах пролетариата. Этот крайний результат наиболее очевиден именно у тех, кого она исключает даже из собственно пролетариата. Характерной операцией современной индустриальной экономики является постоянное и неоднократное вытеснение индивидов или тел работников из их поселения в социальном организме — так сказать, изгнание кораллового насекомого из клетки, в которой оно развивается. Капиталистическая система ведения сельского хозяйства изгоняет сельскохозяйственного рабочего из деревни; машина изгоняет ремесленника из рядов квалифицированной рабочей силы; постоянная конкуренция и консолидация капитала в каждой отрасли поочередно уничтожают занятость в этой отрасли и дезорганизуют другие. Перепроизводство в течение одного года оставляет тысячи рабочих без заработной платы в следующем. Таким образом изо дня в день пополняются ряды неквалифицированного труда, армия безработных. Укоренившаяся социальная привычка, почти несокрушимое терпение, упорное отождествление своего собственного желания с желанием тех, кого он любит, в большинстве случаев удерживают работника от принятия приговора об исключении из общества. Если он здоров, умен и удачлив, он будет бороться с трудностями, пока не найдет новое занятие в незнакомой обстановке; но горе ему, если он слаб, или стар, или непрактичен. В таком случае он почти безошибочно станет нищим или изгоем, одним из тех остатков неквалифицированных, безработных, неприбыльных и потерявших надежду людей, которые во всех больших городах скапливаются у основания социальной пирамиды. И его дети станут уличными арабами, мальчишками с угла, малолетними шлюхами и воришками-подхалимами, которые, достигнув совершеннолетия, признают свое положение вне социальной жизни и возобновят существование диких зверей, породивших человека, — чисто хищническую и антиобщественную деятельность, заключающуюся в нападении на своих соседей ради собственной поддержки. До того, как существовало общество, морали не было: те, кто не участвует в целях, ради которых существует общество, приспособят свою мораль к своему положению отверженных: среди воров действительно будет честь, точно так же, как среди богатых-паразитов будут ханжество и неискренность; но у молодежи, воспитывавшейся между исправительным учреждением и трущобами, мало шансов найти точку опоры, если бы он

захотел, в беспокойном водовороте современной промышленности, и еще меньше шансов навсегда удержать такую точку опоры, какую ему удастся найти.

Когда условия социальной жизни таковы, что индивид может быть исключен из-за своей собственной непригодности к сотрудничеству или может родиться без шанса приобрести пригодность к нему, мы сталкиваемся лицом к лицу с условиями первобытных эпох. И если вы заставите его вернуться к элементарным инстинктам, произойдет одно из двух. Либо, если индивид слаб из-за физического износа или неспособности объединиться со своими собратьями-изгоями, он будет раздавлен и убит обществом и разлагаться в его святых местах; либо, если он обладает неукротимой жизнью и энергией, он вернется к аргументу стихийных сил: он перевернет и взорвет общество. Таким образом, здесь нам следует опасаться взрыва, ибо мы не столь покорны крайностям, как пролетарии остановленных индийских цивилизаций. Но у нас класс, свободе которого постоянно угрожает функционирование частного капитализма, - это класс, который благодаря своему политическому положению держит в своих руках ключ к контролю над индустриальной формой: иными словами, его члены могут изменять, как только захотят, законы о собственности и наследовании в этом штате Британия. Они могут, как только ясно увидят, что необходимо, заменить институты, которые сейчас аморальны, потому что бесполезны и вредны, институтами, которые восстановят элементарные условия общественного существования и возможность соответствующей морали, а именно, возможность для каждого индивида зарабатывать себе на жизнь и принуждение его к этому.

Возвращаясь от рассмотрения "остатков" и "преступных классов", мы обнаруживаем, что даже работники наемного пролетариата ни в коем случае не являются полностью моральными. Несмотря на огромную здоровость их поведения в обычных отношениях, они, как правило, грубы в своих привычках; им не хватает интеллекта в своих развлечениях и утонченности во вкусах. Наихудшим результатом этого является популярность выпивки, азартных игр и связанных с ними форм возбуждения, которые приводят к насилию и подлости. Но когда общество однажды обеспечило человеку возможность удовлетворения его первичных потребностей — когда оно обеспечило ему здоровое тело и полноценную жизнь, - его продвижение в утонченности общественной морали, в понимании и удовлетворении его вторичных и более отчетливо человеческих желаний становится исключительно вопросом образования. Это будет засвидетельствовано каждым мужчиной и женщиной, которые вообще прошли через первичные страсти к вторичным. Но образование в указанном смысле невозможно для мальчика, который заканчивает школу в четырнадцать лет и с тех пор изнурительно работает шесть дней в неделю.

Старейшим социалистическим институтом, имеющим значительное значение и масштабы, является ныне пришедшая в упадок католическая церковь. Католическая церковь всегда настаивала на долге помогать бедным не на основании социальной опасности "остатка", а на более благородном призыве к инстинкту человеческой доброжелательности. Католическая церковь разработала, по сравнению с эпохой просвещения своего времени, самую широкую и свободную систему образования, которую мир когда-либо видел до этого столетия. Католическое христианство своей революционной концепцией о том, что Бог воплотился в Человеке, разрушив отвратительное суеверие о том, что воображение человеческого сердца предназначено только для того, чтобы постоянно творить зло, и заменив его верой в совершенство каждой отдельной души; своими блестящими и мощными обобщениями о том, что Бог должен быть Любовью, потому что нет ничего лучше, и что человек освобождается от

закона под внутренним руководством благодати, сделало для общественной морали больше, чем любая другая религия мира.

Протестантский индивидуализм в Англии сокрушил католическую церковь; основал современную земельную систему на ее конфискованных поместьях; разрушил средневековый механизм благотворительности и образования; а в религии реабилитировал дьявола, доктрины первородного греха и смертельной опасности разума и добрых дел.

На обломках католической церкви и в условиях распада протестантской религии с интервалом примерно в триста лет последовательно возникли два великих социалистических института - Закон о бедных и Народные школы. По мере того как притязания на основу христианского долга исчезали из Закона о бедных, пока он не стал открыто признаваться не чем иным, как социальным предохранительным клапаном, индивидуалистическое и коммерческое управление этим рудиментарным социалистическим механизмом лишило его эффективности даже в этой элементарной функции. Тот, для кого работный дом означает разрушение его дома и его собственное осуждение на тяжелую работу, оскорбительную, потому что бесполезную и расточительную, предпочел бы принять свое исключение из общества другим, менее унижительным способом, либо смертью, либо вынужденным зачислением в "остаток"; и так случилось, что помимо использования в качестве больниц для престарелых и немощных, богадельни используются главным образом как клубы и гостиницы великого братства закоренелых бродяг и попрошаек; и не раньше, чем он опустится до этого уровня. ищет ли там борющийся пролетарий "работу"?

Социалисты реализовали бы идею Закона о бедных, рассматривая это общество как смертельно больное, в котором индивид не может добыть средства к существованию с помощью промышленности, единственным способом, которым это может быть реализовано, а именно, путем организации производства и возобновления производства необходимых инструментов. В их глазах не так уж важно, что постоянная плата за ренту и проценты лишает рабочих богатства, создаваемого их деятельностью; и не фактическое давление этой тяжелой дани привело бы к Социальной революции, если бы система только оставила людям уверенность в удобствах ручных животных. Именно постоянное беспокойство и неуверенность, учащающиеся промышленные кризисы являются революционными проповедниками нашего века; и именно исчезновение в основе и на вершине общества условий общественной морали побуждает тех, чьи чисто материальные интересы остаются незатронутыми.

Но хотя не зависть и не негодование по поводу этой дани уважения в основном побуждают нас к нашей войне, мы, безусловно, должны возобновить эту дань уважения, если идеал школы заключается в достижении ее социального назначения. Ибо идеал школы предполагает, в первую очередь, досуг для учебы: иными словами, освобождение детей от всякого не связанного с образованием труда до тех пор, пока ум и физическое развитие не получат достойного старта и подготовки, и отмену принуждения взрослых работать сверх общественно необходимого срока. Фактические расходы на государственное образование также должны быть значительно увеличены, во всяком случае, до тех пор, пока родители в целом не будут в состоянии обучать своих собственных детей. Но как только ум приучен ценить неиссякаемый интерес и красоту мира и отличать хорошую литературу от плохой, оставшаяся часть образования при наличии досуга становится сравнительно недорогой. Литература стала очень дешевой, а всеми другими образовательными видами искусства можно пользоваться всем

обществом. Школы взрослого человека - это журнал и библиотека, общение, свежий воздух, чистые и красивые города, радость полей, музеи, картинные галереи, лекционные залы, драма и опера; и только когда эти школы станут бесплатными и доступными для всех, упреки в пролетарской грубости будут устранены.

Однако наиболее важное влияние на восстановление общественной морали, возможно, следует искать не столько в прямом действии этих элементов высшего образования, сколько в тех самых социалистических формах собственности и промышленности, которые, как мы считаем, являются основным условием для того, чтобы такое высшее образование вообще могло влиять на большинство. Ничто так хорошо не приучает индивида отождествлять свою жизнь с жизнью общества, как отождествление условий своего материального существования с условиями своих братьев, короче говоря, как промышленная кооперация. Уже много веков не было такого принуждения, как сейчас, к тому, чтобы индивид признавал социальную этику. Ибо сейчас, впервые с момента распада ранних племенных коммунизмов, и на территориях, в сотни раз более обширных, чем их собственные, отдельный работник зарабатывает себе на жизнь, реализует свои самые элементарные желания не прямым личным производством, а сложным сотрудничеством, в котором эффект и ценность его личных усилий почти неразличимы.

Апология индивидуалистического присвоения опровергается логикой фактов коммунистического производства: ни один человек не может претендовать на плоды своего собственного труда; ибо все его способности и возможности для работы - это, очевидно, обширное наследство и вклад, которым он является лишь временным и случайным бенефициаром и распорядителем; и его способность использовать их в своих интересах полностью зависит от желаний и потребностей других людей в его услугах. Фабричная система, машинная промышленность, мировая торговля уничтожили индивидуалистическое производство; и завершение кооперативной формы, к которой нас подталкивает переходная стадия индивидуалистического капитализма, приведет к соответствию социальной этике, универсальному условию сносного существования для индивида.

Это ожидание уже оправдано феноменами современного общественного мнения. Моральные идеи, присущие социализму, пронизывают все современное общество. Они отчетливо видны не только в пролетариате, но и в растущей филантропической активности представителей имущего класса, которые, осуждая социализм как опасное преувеличение того, что необходимо для общественного здоровья, достаточно честно работают над смягчающими реформами, которые неудержимо приближаются к нему. Форма, возможно, не опережает дух, так же как дух не опережает форму; и, возможно, было бы достаточно в этой статье показать некоторые основания для убеждения, что социалистическая мораль, как и мораль всех предшествующих систем, — это всего лишь та мораль, которую условия человеческого существования сделали необходимой; что это всего лишь выражение вечной страсти жизни, ищущей своего удовлетворения через стремление каждого индивида к наиболее свободной и полноценной деятельности; что социализм - всего лишь этап в бесконечном продвижении от слабости и невежества, в которых одинаково рождены общество и индивид, к силе и совершенству. просветление, в котором они могут увидеть и выбрать свой собственный путь вперед - от хаоса, где нет морали, к сознанию, которое видит, что мораль - это разум; и предприняли некоторую попытку оправдать утверждение, что главной добродетелью социализма является не что иное, как здравый смысл.

СНОСКИ:

[66] “Квинтэссенция социализма”. Свон, Зонненшайн и Ко.

[67] Например, см. “Коммунизм и социализм” Теодора Д. Вулси Сэмпсона, Лоу и Ко., Лондон.

[68] Для интеллигентного социалиста эта фраза, конечно, не имеет никакого значения. Но против несоциалиста, который его применяет, он может быть законно использован, *ad captandum*.

[69] См. “Нэшнл Ревью” за февраль 1888 года, “Бездельничают ли богатые землевладельцы?” леди Джанетты Мэннерс (ныне герцогини Ратленд).

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА.

СОБСТВЕННОСТЬ При СОЦИАЛИЗМЕ.

АВТОР: ГРЭМ УОЛЛАС.

На заре социализма никто, кто не был готов к полному описанию Общества таким, каким оно должно быть, не осмеливался выступить с объяснением какого-либо пункта теории. У каждого лидера был свой собственный метод организации собственности, образования, домашней жизни и производства богатства. Каждый был совершенно уверен, что человечеству нужно только вылепить себя по его образцу, чтобы, подобно принцу и принцессе из сказки, жить долго и счастливо. Тогда каждый год был бы похож на предыдущий, и больше не нужно было бы писать историю. Даже сейчас то тут, то там мыслители вроде Гронлунда или Бебеля рисуют в старом духе идеальное содружество; хотя он делает это с извинениями за попытку предсказать непознаваемое. Но социалисты в целом стали если не мудрее своих духовных отцов, то, по крайней мере, менее склонны использовать свое воображение. Растущее признание, отчасти благодаря Дарвину, причинно-следственной связи в развитии индивидов и обществ; борьба и разочарования, вызванные полувековой агитацией; неуклонное внедрение социалистических институтов людьми, отвергающими социалистические идеи, - все это склоняет нас отказаться от каких-либо ожиданий окончательной и совершенной реформы. Мы более склонны рассматривать медленный и часто неосознанный прогресс духа Времени как единственную адекватную причину социального прогресса и скорее пытаться обнаружить и провозгласить, каким *должно* быть будущее, чем формировать организацию людей, преисполненных решимости сделать будущее таким, каким оно должно быть.

Но новая концепция социализма так же опасна, как и старая. Пятьдесят лет назад социалисты были склонны преувеличивать влияние идеала, ожидать всего от внезапной, невозможной перемены в сердцах всех людей. В наши дни мы склонны недооценивать идеал - забывать, что даже сам дух Времени — это всего лишь сумма индивидуальных стремлений и чаяний, и что снова и снова в истории изменения, которые могли быть отложены на столетия или вообще никогда не наступить, были вызваны настойчивой проповедью некой новой и высшей жизни,

порожденной не обстоятельствами, а надеждой. И из всех вопросов, по которым люди нуждаются в здравом уме и ясном понимании, нет, по мнению социалистов, ничего более важного сегодня, чем собственность.

Слово "Собственность" использовалось почти в том же количестве значений, что и слово "Закон". Лучшее определение, с которым я встречался, - это "любое право, которое дает правомочной стороне такое право или свободу использовать предмет или распоряжаться им" Джона Остина ... как это просто ограничено в целом правами всех других лиц".^[70] Это относится только к частной собственности. При обсуждении различных претензий государства, муниципалитета и отдельного человека будет удобно использовать это слово в более широком смысле для обозначения не только "власти или свободы" отдельного человека, но и "прав всех других лиц". В этом смысле я буду говорить о собственности государства или муниципалитета. Я также проведу различие, возможно, скорее экономическое, чем юридическое, между собственностью на вещи или исключительным правом доступа к определенным материальным объектам, собственностью на долги и будущие услуги и собственностью на идеи (авторское право и патентное право).

Материальные вещи, на которые могут существовать ценные права собственности, можно грубо разделить на средства производства и средства потребления. Среди тех низших племен дикарей, которые питаются фруктами и насекомыми и строят себе на ночь грубые убежища из ветвей деревьев, существует небольшое различие между актами производства и потребления. Но в густонаселенной и цивилизованной стране очень немногие даже простейшие потребности людей удовлетворяются непосредственно природой. Почти каждый товар, который потребляет человек, производится и обновляется путем преднамеренного применения человеческого труда к материальным объектам. Общим запасом материалов, на которых работает такая промышленность, является "Земля". Любые материалы, которые были выделены из общего запаса или уже были значительно модифицированы промышленностью, называются капиталом, если они либо должны быть использованы для содействия производству, либо еще подлежат обработке до того, как будут потреблены. Когда они готовы к потреблению, они представляют собой "богатство для потребления". Такой анализ, хотя обычно и используется политэкономами, по необходимости является очень приблизительным. Никто не может сказать, готов ли объект к немедленному употреблению или нет, если он не знает, каким образом он должен быть потреблен. Сосновый лес в его естественном состоянии готов к употреблению герцогом со вкусом к живописности, ибо он позволит деревьям гнить у него на глазах. Вата, готовый продукт в руках врача, является сырьем в руках прядильщицы. Но все же утверждение, что социалисты работают для того, чтобы средства производства принадлежали обществу, а средства потребления - отдельным людям, достаточно точно отражает их практическую цель. Не то чтобы они хотели помешать сообществу использовать свою собственность, когда оно пожелает, для прямого потребления, как, например, когда участок общей земли используется под общественный парк, или прибыль муниципальных водопроводных сооружений направляется на содержание муниципальной библиотеки. Они также не рассматривают никакой необходимости препятствовать отдельным лицам по своему желанию распоряжаться своим имуществом таким образом, чтобы сделать его более ценным. Даже Гронлунд, при всей его ненависти к частному предпринимательству, не смог бы, если бы захотел, помешать какому-либо гражданину вести прибыльную торговлю, превращая хлеб в гренки с маслом на общем огне. Но люди пока еще более пригодны для объединения в производстве со справедливым распределением его вознаграждений, чем для объединения в потреблении произведенного

богатства. Действительно, экономия от ассоциированного потребления обещает быть столь же значительной, как и от ассоциированного производства; и именно об этом в основном думали прежние социалисты. Они всегда верили, что если бы удалось побудить несколько сотен человек вложить свое имущество и заработки в общий фонд для использования в соответствии с общей схемой, то был бы создан рай на земле. С тех пор исчерпывающая серия экспериментов доказала, что, несмотря на очевидную экономичность, любая система ассоциированного потребления, такая совершенная, как “Фаланстер” Фурье или “Нью-Гэмпшир” Оуэна, за исключением очень необычных условий, неприятна большинству мужчин, какими они являются сейчас. Наши картинные галереи, парки, рабочие клубы или тот факт, что богатые люди начинают жить в квартирах, за которыми присматривает обычный штат прислуги, действительно показывают, что связанное с этим потребление с каждым годом все лучше понимается и доставляет удовольствие; но остается правдой, что удовольствия, выбранные по воле большинства, часто вообще не признаются удовольствиями.

Пока это так, частная собственность и даже частная промышленность должны существовать наряду с общественной собственностью и общественным производством. Например, каждая семья теперь настаивает на том, чтобы иметь отдельный дом и каждый день готовить отдельную серию блюд на отдельной кухне. Расточительство и дискомфорт - неизбежный результат; но семьи в настоящее время предпочитают расточительство и дискомфорт тому изобилию, которое можно купить только организацией и рекламой. Опять же, английские семьи представляют собой в настоящее время изолированные коммунистические группы, управляемые более или менее деспотически. Наше растущее чувство индивидуальной ответственности и индивидуальных прав жен и детей, кажется, уже уменьшает как изоляцию этих групп, так и их внутреннюю согласованность; но эта тенденция должна пойти гораздо дальше, прежде чем общество сможет поглотить семейную жизнь или управлять домашними делами социально. Таким образом, совместное производство всех средств семейной жизни может быть развито до очень высокой степени, прежде чем мы перестанем чувствовать, что дом англичанина должен быть его крепостью, где свободный вход и свободный выход одинаково запрещены. Это правда, что земля, на которой построены дома, могла бы немедленно перейти в собственность общества; и если вспомнить, как сейчас устроено большинство людей в Англии, становится очевидно, что они с радостью поселились бы в комфортабельных домах, построенных и принадлежащих государству. Но в настоящее время они, несомненно, настаивали бы на том, чтобы иметь свою собственную посуду и стулья, книги и картины и получать определенную долю производимой ими ценности в виде годового или еженедельного дохода, который они могли бы тратить или откладывать по своему усмотрению. Теперь, какими бы вещами такого рода мы ни позволили обладать мужчине, мы должны позволить ему обменять их, поскольку обмен никогда не происходит, если обе стороны не верят, что он принесет им пользу. Кроме того, должно быть разрешено завещание, поскольку любые, кроме умеренных, обязанности по завещанию или личные обязательства, если они не будут поддержаны сильным и взыскательным общественным мнением, безусловно, будут обойдены стороной. Более того, если мы желаем личной независимости женщин и детей, то их собственность, насколько мы вообще допускаем собственность, должна в течение длительного времени самым тщательным образом охраняться.

Следовательно, в собственности общины оставались бы земля в самом широком смысле этого слова и материалы для тех форм производства, распределения и потребления, которыми удобно могут заниматься объединения, более крупные, чем семейная группа. Здесь основная

проблема заключается в том, чтобы зафиксировать в каждом конкретном случае область владения. В случае с основными средствами связи и некоторыми формами промышленности было доказано, что чем больше контролируемая территория, тем выше эффективность управления; так что почтовые и железнодорожные системы и, вероятно, материалы некоторых более крупных отраслей промышленности будут принадлежать английской нации до той отдаленной даты, когда они могут перейти к Соединенным Штатам, или Британской империи, или Федеративной Республике Европы. Земля, возможно, в целом лучше удерживается небольшими социальными единицами. Арендная плата города или сельскохозяйственного района лишь частично зависит от тех природных преимуществ, которые имперский уполномоченный может легко оценить раз и навсегда. Разница в оценочной стоимости Уорика и Бирмингема обусловлена не столько расположением двух городов, сколько различием в промышленности и характере их жителей. Если жители Бирмингема предпочитают, в среднем, интенсивные физические нагрузки, приводящие к большому материальному достатку, более простой и спокойной жизни в Уорике, очевидно, что позволять мужчинам Уорика поровну делить арендную плату за землю в Бирмингеме так же несправедливо, как было бы настаивать на поддержании единого стандарта комфорта в Париже и Бретани.

В то же время те формы природных богатств, которые являются предметами первой необходимости всей нации и монополиями определенных районов, например, шахты, гавани или источники водоснабжения, должны быть “национализированы”. Сегодняшние соляные и угольные месторождения были бы одинаково возможными и одинаково неудобными при системе, которая сделала бы горняцкое население абсолютными совладельцами шахт. Даже в тех случаях, когда земля полностью принадлежала местным органам власти, этим органам все равно пришлось бы вносить в национальную казну некоторую долю своих доходов. Фактический размер единиц в каждом случае будет устанавливаться исходя из удобства; и весьма вероятно, что разработка Закона об управлении округом, а также приходских и муниципальных систем вскоре предоставит нам единицы управления, которые можно было бы легко превратить в единицы собственности.

Сбережения общин — если я могу использовать слово “община” для обозначения любой социал—демократической единицы, от прихода до нации, - вероятно, приняли бы во многом ту же форму, что и накопление капитала в наши дни: то есть, они состояли бы частично из фабрик, механизмов, железных дорог, школ и других специализированных материалов будущей промышленности, а частично из запасов товаров, таких как еда, одежда и деньги, с помощью которых рабочие могли бы поддерживаться при выполнении работы, не приносящей немедленного вознаграждения. Сбережения отдельных лиц будут состоять частично из предметов потребления или из средств такой промышленности, которые не были обобществлены, а частично из отсроченной оплаты за услуги, оказанные обществу, причем такая оплата принимает форму пенсии, причитающейся по достижении определенного возраста, или из суммы товаров или денег, выплачиваемой по первому требованию.

Добровольные объединения всех видов, будь то акционерные компании, религиозные корпорации или коммунистические группы, в глазах социал-демократического государства состояли бы просто из такого количества индивидов, обладающих теми правами собственности, которые разрешены отдельным лицам. Они могли бы выполнять множество очень полезных функций в будущем, как и в прошлом; но история городских компаний, компании Нью-Ривер, Рочдейлских пионеров или Англиканской церкви показывает опасность

предоставления бессрочных прав собственности любой ассоциации, не связанной с сообществом, хотя такая ассоциация может существовать с явно филантропическими целями. Даже в случае университетов, где система независимых корпораций, владеющих собственностью, оказалась наиболее эффективной, права государства следует делегировать, а не уступать.

В этом отношении экономическая позиция современных социал-демократов сильно отличается от преобразованного акционеризма нынешнего кооперативного движения или от целей прежних социалистов, для целей которых полная общность всегда была важнее полной инклюзивности. Даже современные социалистические авторы не всегда понимают, что объединение граждан с целью владения собственностью должно осуществляться либо на акционерной основе, либо по территориальному признаку. Гронлунд, несмотря на противоречия в других частях его “Кооперативного содружества”, по-прежнему заявляет, что “каждая группа рабочих будет иметь право распределять между собой всю меновую стоимость своего труда”, что либо означает, что они будут, пока они работают, абсолютными совладельцами материалов, которые они используют, либо вообще ничего не значит. Теперь предложение о том, что любое добровольное объединение граждан должно обладать абсолютными и бессрочными правами собственности на средства производства, представляется не шагом к Социальной демократии, а отрицанием всей социал-демократической идеи. Это, конечно, подводит нас к следующей трудности. Если наши общины, даже первоначально включавшие все население, будут закрытыми, то есть ограниченными первоначальными членами и их потомками, вновь прибывшие сформируют класс, подобный плебейм в Риме или “метозкам” в Афинах, без доли в общей собственности, хотя и обладающие полной личной свободой; и такой класс должен представлять постоянную социальную опасность. С другой стороны, если все вновь прибывшие сразу получают полные экономические права, то любая страна, в которой установится социализм или что-либо приближающееся к нему, сразу же будет захвачена иммигрантами-пролетариями из тех стран, в которых средства производства все еще строго монополизированы. Если бы это было разрешено, то, благодаря действию закона убывающей отдачи и основанного на нем закона народонаселения, все население, даже социалистического государства, могло бы, предположительно, в конце концов остаться без средств к существованию. Не представляется необходимым делать вывод о том, что социализм должен быть установлен на всем земном шаре, если мы хотим, чтобы он был установлен где бы то ни было. Необходимо, чтобы мы столкнулись с фактом, который с каждым днем становится все более очевидным, что любая решительная попытка улучшить положение пролетариата в какой-либо отдельно взятой европейской стране должна сопровождаться законом об иностранцах, достаточно деликатным, чтобы избежать жестокости по отношению к беженцам или препятствий для тех, чье присутствие повысило бы наш интеллектуальный или промышленный уровень, но достаточно строгим, чтобы исключить несчастные “*diluvies gentium*”, человеческий мусор, которым военные империи континента с такой готовностью расстреливают любое открытое пространство. Такой закон сам по себе был бы злом. Это может быть несправедливое управление; это может усилить национальный эгоизм и, вероятно, поставить под угрозу добрую волю международного сообщества; это потребовало бы проведения множества очень сложных разграничительных линий; но пока не было выдвинуто ни одного достаточного аргумента, чтобы опровергнуть необходимость этого.

Что касается частной собственности на долги, то отношение к праву в Европе коренным образом изменилось в исторические времена. Согласно древнеримскому праву, кредитор становился абсолютным владельцем своего должника. В наши дни человек не только может, став банкротом и отказавшись от всего своего видимого имущества, погасить свои долги и при этом сохранить свою личную свободу; но и в заводских актах, актах об ответственности работодателей, ирландских земельных актах и т.д. Определенные контракты являются незаконными при любых обстоятельствах. С ростом социализма эта тенденция усилилась бы. Закон с крайней ревностью отнесся бы к любому соглашению, по которому одна сторона была бы низведена хотя бы на время до состояния рабства или другой была бы предоставлена возможность жить хотя бы какое-то время, не выполняя никакой полезной социальной функции. И поскольку было четко признано, что определенный доступ к средствам производства является первым условием личной свободы, закон отказался бы признавать любое соглашение, лишаящее человека такого доступа или лишаящее его его результатов. Никому не нужно было бы залезать в долги, чтобы обеспечить себя возможностью работать, и никому не было бы позволено отказываться от возможности работать, чтобы получить кредит. Это, затрудняя кредиторам взыскание долгов, также затруднит потенциальным должникам получение кредита. Нынешний закон о приусадебных участках, по сути, был бы расширен, чтобы включить в него все, что государство сочтет необходимым для полноценной жизни. Но до тех пор, пока частная промышленность и биржа развиваются до такой степени, что делают частную коммерческую систему удобной, до тех пор будут циркулировать обещания платить и, при необходимости, юридически исполняться на указанных выше условиях.

В какой бы степени ни была разрешена частная собственность, в той же степени должно быть разрешено и частное получение ренты и процентов. Если вы позволите эгоистичному человеку владеть картиной Рафаэля, он запретит ее в своей комнате, если только вы не разрешите ему взять что-нибудь за привилегию посмотреть на нее. Такая плата одновременно является процентом. Если мы хотим, чтобы все картины Рафаэля были в свободном доступе для всех, мы должны запретить мужчинам не только выставлять их за плату, но и владеть ими.

Этот аргумент применим и к другим вещам, помимо картин Рафаэля. Если мы разрешаем человеку владеть печатным станком, или плугом, или набором переплетных инструментов, или сдавать в аренду дом или ферму, мы должны разрешить ему так использовать свое имущество, чтобы он мог, не причиняя вреда своему соседу, получить от этого максимально возможную выгоду. В противном случае, учитывая, что сообщество не несет ответственности за его разумное использование, любое вмешательство со стороны сообщества вполне может привести к тому, что оно вообще не будет использоваться разумно; в этом случае все промышленные материалы, находящиеся в частной собственности и фактически не используемые их владельцами, будут полностью потрачены впустую, как если бы они были предметом судебного иска. Легко понять, что герцог Бедфорд лишает общество арендной платы за Ковент-Гарден. Не так-то просто увидеть, что владельцы пустующей земли, примыкающей к Шафтсбери-авеню, уже несколько лет лишают общество арендной платы, которая должна была выплачиваться за участки, оставленные ими в запустении. Я знаю, что социалисты иногда говорили: "Давайте позволим фабриканту сохранить свою мельницу, а герцогу Аргайлу - свою землю, при условии, что они не будут использовать ее для эксплуатации, сдавая в аренду другим при условии получения части богатства, созданного этими другими". Тогда, как нам говорят, фабрикант или герцог вскоре обнаружит, что ему приходится много работать, чтобы заработать себе на жизнь. Подобные настроения редко плохо воспринимаются людьми,

склонными видеть, как герцоги и капиталисты, какими бы мучительными они ни были, зарабатывают себе на хлеб насущный. К несчастью, в Англии нет свободных акров и фабричных участков, которые были бы достаточно выгодны для использования в качестве эффективной замены тем, на которых закрепились частная собственность; и общество поступило бы мудро, если бы оно выплачивало герцогу Аргайлу и мистеру Чемберлену что-либо, кроме полной экономической ренты за их собственность, вместо того, чтобы идти дальше и жить хуже. Следовательно, если бы мы отказались либо позволить этим джентльменам передать свою собственность тем, кто хотел бы ею воспользоваться, либо колебались бы взять ее и использовать для себя, мы фактически напрасно потратили бы труд. Прогрессивное обобществление земли и капитала должно происходить путем прямой передачи их обществу через налогообложение ренты и процентов и общественную организацию труда на полученный таким образом капитал, а не только путем ряда ограничений на их использование в частной эксплуатации. Такая параллельная частная эксплуатация, какой бы неограниченной она ни была, ни в коем случае не могла возродить старые пороки капитализма; ибо любое изменение в привычках людей или в методах производства, которые сделали совместное производство какого-либо товара в больших масштабах удобным и прибыльным, немедленно привело бы к захвату этой отрасли государством точно так же, как те же условия, которые сейчас существуют в Америке, немедленно приводят к образованию кольца.

Именно потому, что полная собственность необходима для наиболее разумного и эффективного использования любых материалов, никакая простая система налогообложения ренты и процентов, даже такая радикальная, как схема всеобщего государственного заочного землевладения мистера Генри Джорджа, вероятно, не будет существовать, кроме как в качестве переходного этапа к социальной демократии. Действительно, анархистская идея, которая позволяет государству получать ренту и проценты, но запрещает ему нанимать рабочую силу, очевидно, неосуществима. Если мы не готовы выплачивать каждому гражданину звонкой монетой долю Государственной ренты будущего, она, как и сегодняшние налоги, должна быть полностью вложена в оплату проделанной работы. Для социалистического законодательного органа всегда было бы очень серьезной трудностью решить, в какой степени общинам следует разрешать брать долги или выплачивать проценты. После установления социализма главная опасность для его стабильности возникнет как раз на этом этапе. Всем нам известны неумелые нападки на социализм, исходящие от оратора из дискуссионного общества, который впервые рассматривает этот предмет, или от культурного человека, воспитанного на *Субботнем обзоре*. Он говорит нам, что если бы собственность была разделена поровну завтра, то в течение следующих десяти лет сорок человек из каждых ста работали бы чрезвычайно усердно, а остальные шестьдесят ленились. По истечении этого времени шестидесяти пришлось бы усердно работать и содержать сорок, которые тогда стали бы такими же ленивыми, какими были шестьдесят раньше. Очень легко объяснить, что мы не хотим делить всю собственность поровну; но не так-то легко защититься от любого результата той тенденции в человеческой природе, на которой основан этот аргумент. Люди настолько сильно различаются в своей сравнительной оценке настоящих и будущих удовольствий, что везде, где жизнь может поддерживаться четырехчасовой работой в день, всегда найдутся люди, стремящиеся работать по восемь часов, чтобы обеспечить будущие блага себе или своим детям, а другие стремятся избежать своей четырехчасовой работы в настоящее время, обрекая себя или своих детей на любые лишения в будущем. Пока это так, сообщества, так же как и отдельные люди, будут испытывать искушение воспользоваться бесплатно предлагаемыми услугами исключительно

энергичных и дальновидных людей и взять на себя общий долг под предлогом того, что они распространяют оплату таких услуг на всех, кто ими пользуется. Муниципалитеты, Рабочие советы, школьные советы и т.д. Англии уже создали огромные местные долги; и если люди не поумнеют в ближайшие несколько месяцев, новые Советы графств, вероятно, увеличат это бремя. Пока мы сидим и размышляем, может показаться простым предотвратить любые подобные проблемы в будущем с помощью закона, запрещающего сообществам брать на себя долги при любых обстоятельствах. Но в случае центрального и верховного правительства такой закон, конечно, был бы абсурдом. Ни одна нация не может избежать государственного долга или любого другого бедствия, если большинство в этой стране желает ему подчиниться. Отрадно видеть, как чувство, что национальные правительства должны сами расплачиваться, из года в год становится все сильнее и сильнее. Государственные долги даже во Франции больше не растут прежними беззаботными скачками. Но местные долги продолжают расти. Говорят, что в Престоне местный долг в семь раз превышает годовую рейтинговую оценку. И хотя в настоящее время (ноябрь 1888 г.), поскольку “прибой на краю цивилизации” гремит лишь в пределах трех небольших колониальных войн, наш собственный национальный долг медленно сокращается; все же, если бы завтра была объявлена война с каким-либо европейским государством, ни одно министерство не осмелилось бы увеличить все военные расходы путем немедленного налогообложения доходов или собственности. Можно возразить, что при социализме такой опасности не возникло бы; ибо не было бы фонда, из которого можно было бы предложить заем, который не был бы столь же легко получен путем прямого взимания налога. Но если мы говорим об обществе в ближайшем будущем, то, несомненно, найдется множество представителей несоциалистических государств или английских владельцев собственности в них, готовых ссудить деньги под хорошее обеспечение робкому, отчаявшемуся или нечестному социалистическому правительству. Опять же, во времена крайнего стресса правительство может считать, что ему требуются даже личные вещи; и при таких обстоятельствах может быть трудно не предложить вернуть их с процентами или без таковых. В любом случае экономической разницы между новыми владельцами фондов и старыми землевладельцами было бы не больше, чем между лордом Солсбери в качестве владельца района Стрэнд и лордом Солсбери сейчас, когда он продал свои трущобы и купил консоли. Возможно, самая серьезная опасность создания общего долга возникла бы из-за заработка людей исключительных способностей. Современные социалисты поняли, после долгой серии совместных экспериментов и неудач, что прибыль от частных авантюр будет отнимать людей с исключительным деловым талантом от общественной работы, если только работа разного объема и интенсивности не будет оплачиваться по разным ставкам. Насколько велика эта вариация, необходимая для обеспечения полной эффективности, может быть определено только опытом, и по мере улучшения образования и морализации общества, а также по мере того, как промышленность становится настолько социализированной, что альтернатива частному предпринимательству становится менее осуществимой, что-то вроде равенства, наконец, может оказаться возможным. Но, тем временем, сравнительно большие доходы будут получать мужчины, ведущие насыщенную и полезную жизнь, но часто остро стремящиеся обеспечить досуг и комфорт для своей старости и возвышение для своей семьи.^[71] Я уже высказывал предположение, что часть заработка человека, нанятого общиной, можно было бы на время оставлять в общей казне для накопления без процентов. Теперь и этих людей, и самых ленивых из их современников устроило бы, если бы вознаграждение за их услуги было установлено в очень высоком размере и оставлено для оплаты следующему поколению; в то время как следующее поколение могло бы предпочесть небольшую постоянную плату любой

попытке выплатить основную сумму. Часто намекают, что одним из способов избежать этого было бы воспитание в каждом поколении здорового безразличия к долгам, которые от его имени понесли его предки. Но граждане каждого нового поколения получают гражданство не большими группами через длительные промежутки времени, а небольшими группами каждую неделю. Нужно только предупредить оптимистичных кредиторов, что завуалированные отказы всегда могут быть осуществлены в таких чрезвычайных ситуациях разумным применением подоходного налога, и надеяться, что прогресс образования при социализме приведет к выработке и сохранению в таких вопросах определенного общего минимума здравого смысла. Если этого минимума достаточно для контроля над центральным правительством, долги местных органов власти могут быть легко и строго ограничены.

Собственность на услуги, разумеется, означает собственность на будущие услуги. Богатство, которое, возможно, было создано прошлыми услугами, можно обменять или владеть им; но сами услуги не могут. В настоящее время все известные нам правовые системы разрешают частным лицам заключать друг с другом контракты на выполнение определенных услуг в будущем и наказывают или допускают, чтобы их наказывали, за нарушение таких контрактов. Здесь, как и в случае с долгами, наше растущее уважение к личной свободе заставило закон ревниво относиться ко всем обременительным соглашениям, заключаемым либо самим гражданином, либо за него другими. Фактически, как указывает профессор Сиджвик: “В Англии едва ли какое—либо обязательство оказать личную услугу дает обещающему законное требование о возмещении большего, чем материальный ущерб - иными словами, почти все такие контракты, если они не выполняются, превращаются в простые денежные долги, насколько это касается их юридической силы”.^[72] Брачный контракт составляет главное исключение из этого правила; но даже в этом случае в большинстве европейских стран, похоже, наблюдается тенденция ослабить жесткость закона.

С другой стороны, прямые требования государства к услугам своих граждан в настоящее время не проявляют никаких признаков уменьшения. Обязательная военная служба и обязательное посещение школы уже занимают немалую долю в жизни каждого жителя Франции и Германии мужского пола. До сих пор в Англии принуждение взрослых мужчин к службе в любом качестве осуждалось на протяжении столетия, поскольку считалось расточительным и деспотичным по сравнению со свободной контрактной системой открытого рынка. Большинство английских социалистов, похоже, склонны полагать, что любая работа для государства должна выполняться добровольно и оплачиваться из продуктов обычной промышленности.

Рассматривая, насколько государство может рассчитывать на услуги своих членов, мы сталкиваемся с гораздо более важным вопросом — насколько мы работаем для социализма; и насколько для коммунизма? При чистом социализме, если использовать это слово в самом узком смысле, государство вообще не предложило бы никаких преимуществ ни одному гражданину, кроме как по цене, достаточной для покрытия всех затрат на их производство. В этом смысле Почтовое отделение, например, сейчас является чисто социалистическим учреждением. При таких условиях государство вообще не имело бы притязаний на услуги своих членов; а принуждение к труду было бы вызвано тем фактом, что если бы человек предпочел не работать, ему грозила бы голодная смерть. С другой стороны, при чистом коммунизме, как это определено изречением Луи Блана: “От каждого человека в соответствии с его способностями; каждому человеку в соответствии с его желаниями”, государство без ограничений и задаром удовлетворяло бы все разумные потребности любого гражданина. Наши нынешние питьевые

фонтанчики являются примерами многочисленных примеров чистого коммунизма, которые нас окружают. Но поскольку ничто не может быть произведено без труда, товары, предоставляемые государством, должны производиться за счет услуг, добровольных или принудительных, граждан. При чистом коммунизме, если бы требовалось какое-либо принуждение к труду, оно должно было бы быть прямым. У нас должны быть какие-то коммунистические институты; и на самом деле их уже становится все больше в Англии. В самом деле, если весь или какая-либо часть этого Фонда ренты, возникающего из-за разницы между лучшими и наихудшими материалами промышленности, находящимися в употреблении, быть изъятыми для государства путем налогообложения или иным образом, то они, или, скорее, выгоды, производимые их расхождением, вряд ли могут распределяться иначе, чем коммунистически. Ибо сейчас, когда наша коммерческая система пропитала людей аморальными принципами, государству пришлось бы проявлять чрезвычайную осторожность при принятии решения о том, какие потребности могут быть свободно удовлетворены без необходимости прямого принуждения к труду. Предоставление каждому гражданину сносного жилья с кроватью и достаточной ежедневной порцией овсянки, или хлеба с сыром, или даже джина с водой обошлось бы в отнюдь не невероятную сумму; но ни один здравомыслящий человек не предложил бы сделать это при существующем состоянии общественной морали. Вот уже более столетия пролетарии Европы сталкиваются со своими хозяевами, призывающими их выполнять как можно меньше работы. Экономисты-практики из профсоюзов научили их и сами убедились на горьком опыте, что каждый раз, когда кто-либо из них в порыве честолюбия или доброй воли выполняет хоть одну работу не по найму, он увеличивает будущий неоплачиваемый труд не только для себя, но и для своих товарищей. В то же время все обстоятельства монотонности, уродства и беспокойства делали работу настолько утомительной и отвратительной, насколько это было возможно. Все, почти без исключения, теперь смотрят на рабочий день как на период рабства и обретают такое счастье, какое они могут получить лишь за несколько часов или минут, которые проходят между работой и сном. Для немногих это счастье состоит в дополнительном труде мысли и речи на благо самих себя и своих товарищей. Остальных интересуют только те грубые удовольствия, которые доступны людям бедным и переутомленным. Было бы много оправданий, если бы при таких обстоятельствах они мечтали, в чем их обвиняют, о каком-то всеобщем разделе земных благ — о каком-то способе побыть совершенно свободными, хотя бы неделю или две.

Но есть продукты труда, которые рабочие в пору своего триумфа могли бы свободно предлагать друг другу, не заставляя самого слабого брата отказываться от любой формы полезной общественной работы. Среди таких продуктов те идеи, которые мы привели под власть частной собственности посредством авторских и патентных прав. К счастью для нас, эта власть не является ни полной, ни постоянной. Если бы землевладельцы-виги, ответственные за большинство деталей нашей славной конституции, были также авторами и изобретателями ради наживы, у нас, вероятно, были бы строжайшие права вечной собственности или даже права собственности на идеи; и теперь был бы герцог Шекспир, которому мы все должны были бы заплатить два или три фунта за привилегию прочитать произведения его предка при условии, что мы вернем экземпляр в целостности и сохранности по истечении двух недель. Но даже в течение тех лет, в течение которых сейчас действуют авторское право и патенты, система, предоставляющая автору или изобретателю монополию на свои идеи, является глупым и неэффективным способом либо оплаты его работы, либо удовлетворения общественных потребностей. В каждом случае автор или изобретатель получает максимальную чистую

прибыль, оставляя неудовлетворенными желания, безусловно, многих, возможно, большинства тех, кто желает прочитать его книгу или использовать его изобретение. Мы все знаем, что общественность заключила очень выгодную сделку, заплатив владельцам моста Ватерлоо больше, чем они могли бы заработать при любой схеме взимания платы за проезд. Точно так же несомненно, что любое правительство, стремящееся к наибольшему счастью наибольшего числа людей, могло позволить себе платить способному художнику или автору, возможно, даже больше, чем он получает от богатых людей, которые являются его нынешними покровителями, и, конечно, больше, чем он мог бы получить сам, продавая или выставя свои произведения в обществе, где немногие обладали богатством, ради которого они не работали. Хотя государство, таким образом, могло позволить себе выплачивать непомерно большое вознаграждение за определенные формы интеллектуального труда, из этого не следует, что оно было бы обязано делать это в отсутствие какого-либо другого важного участника торгов.

Всегда оставались бы больные, немощные и школьники, чьи потребности можно было бы удовлетворить за счет общих средств, не требуя от них нести какую-либо часть общего бремени. В частности, было бы неплохо на собственном опыте научить детей бережливости и счастью, которые возникают у тех, кто должным образом обучен общению, применяемому для непосредственного удовлетворения потребностей, а также общению при производстве материального богатства. Если мы хотим отучить детей от эгоистичной изоляции английской семьи, от привычек худших, чем дикость, выработанных четырьмя поколениями капитализма, от той жажды острых ощущений и неспособности к разумному наслаждению, которые являются естественными результатами рабочих дней, проведенных на английских фабриках, и английских воскресений, проведенных на английских улицах, тогда мы должны свободно и щедро жертвовать на наши школы. Если бы нынешнее поколение было мудрым, оно потратило бы на образование не только больше, чем любое другое поколение когда-либо тратило прежде, но и больше, чем любому поколению когда-либо понадобилось бы тратить снова. Оно наполнило бы школьные здания средствами не только комфорта, но даже высшей роскоши; оно подавало бы соответствующие блюда на столах, уставленных цветами, в залах, увешанных прекрасными картинами, или даже, как предлагал Джон Мильтон, наполненных звуками музыки; оно всерьез выдвинуло бы перед собой идеал Ибсена - чтобы каждый ребенок воспитывался как дворянин. К сожалению, нынешнее поколение не отличается мудростью.

Рассматривая степень, в которой совместное владение собственностью было бы возможно среди людей именно на той стадии промышленного и морального развития, на которой мы сейчас находимся, целесообразно остановиться, как я уже останавливался, скорее на необходимых трудностях и ограничениях социализма, чем на его надеждах на будущее развитие. Но мы всегда должны помнить, что проблемы, которые пытается решить социализм, связаны с условиями, которые сами по себе постоянно меняются. Точно так же, как что-либо подобное тому, что мы называем социализмом, было бы невозможно в такой нации дикарей-индивидуалистов, как австралийские чернокожие, и, возможно, не могло бы быть введено иначе, как внешним авторитетом среди таких людей, как крестьяне Бретани, для которых перспектива абсолютной собственности на любой участок земли, каким бы маленьким он ни был, является одновременно их сильнейшим удовольствием и единственным достаточным стимулом к трудолюбию; так и среди людей, более развитых в социальном и промышленном отношении, чем мы, были бы возможны социальные условия, ради которых мы сейчас не осмеливаемся работать или даже пытаться реализовать. Предварительная и ограниченная социал-демократия, которую я в общих чертах обрисовал, является необходимым и верным

шагом к той лучшей жизни, на которую мы надеемся. Интересы, которые каждый человек имеет общие со своими братьями, имеют тенденцию все больше и больше перевешивать те, которые присущи только ему. Мы видим, что процесс начинается уже сейчас. Уже сейчас, как только открывается публичная библиотека, рабочий обнаруживает, насколько жалким средством для создания счастья являются несколько книг на его собственной полке по сравнению с той долей, которая у него есть в общественном собрании, хотя изготовление этой доли, возможно, обошлось бы еще дешевле. Точно так же пара десятков фунтов, которыми может обладать рабочий, с каждым днем приносят все меньше и меньше пользы в производстве; так что человек, который несколько лет назад работал бы сам как мелкий капиталист, теперь идет работать за заработную плату в какое-нибудь крупное предприятие и использует свои небольшие сбережения как фонд на несколько месяцев болезни или лет старости. Он скоро увидит, насколько жалким средством для производства пищи является его собственный огонь по сравнению с общественной кухней; и, возможно, он, наконец, не только будет покупать свою одежду в общественном магазине, но и услаждать свой взор публичными галереями и театрами, услаждать свой слух публичной оперой, и, может быть, когда наша нынешняя анархия мнений будет преодолена, освежит свой разум публично выбранный учитель. Тогда, наконец, такая жизнь станет возможной для всех, какой сегодня не могут жить даже самые богатые и могущественные. Система владения собственностью, которую мы называем социализмом, сама по себе не является такой жизнью, точно так же как хорошая система канализации не является здоровьем, а изобретение книгопечатания - знанием. На самом деле социализм также не является единственным условием, необходимым для достижения полного человеческого счастья. При самой справедливой из возможных социальных систем нам все еще пришлось бы сталкиваться со всеми теми пороками и болезнями, которые не являются прямым результатом бедности и непосильного труда; мы все еще могли бы испытывать все те душевные муки и замешательство, которые вызваны, как говорят одни, религиозной верой, другие - религиозными сомнениями; мы все еще могли бы быть свидетелями вспышек национальной ненависти, деградации и вымирания более слабых народов; мы все еще могли бы превратить землю в ад для всех биологических видов, кроме нашего собственного. Но в семьях пяти мужчин из шести в Англии, живущих на еженедельную зарплату, социализм действительно стал бы новым рождением счастья. Долгие часы работы, выполняемой, как в каторжной тюрьме, без интереса и надежды; унылое убожество их домов; прежде всего та мучительная неопределенность, это постоянное опасение незаслуженного несчастья, которое является своеобразным результатом капиталистического производства: все это ушло бы; и образование, утонченность, досуг, сама мысль о которых сейчас сводит их с ума, стали бы частью их повседневной жизни. Социализм висит над ними, как корона в рассказе Баньяна висит над человеком, разгребавшим кучу навоза, — готовый для них, если они только поднимут глаза. И даже тем немногим, кто, кажется, избежал страданий нашего века и даже извлекает из них выгоду, социализм предлагает новую и более благородную жизнь, когда полное сочувствие к окружающим, проистекающее из полного знания их положения, будет источником счастья, а не, как сейчас, постоянной печали, когда человеку больше не будет казаться ни глупостью, ни лицемерием открыто трудиться ради своего высшего идеала. Им принадлежит привилегия в том, что для каждого из них революция может начаться, как только он будет готов заплатить за это цену. Они могут жить так просто, как того требуют равные права их братьев: они могут оправдать свою жизнь работой во имя самого благородного из всех дел. За свою награду, если они желают ее получить, они, как и остальные, должны ждать.

СНОСКИ:

[70] Лекции по юриспруденции. Лекция XLVIII.

[71] К счастью, обычные опасения относительно судьбы детей, оставшихся без собственности, особенно слабаков или женщин, которые вряд ли привлекут мужей, могут быть оставлены без внимания при рассуждениях о социализированных сообществах.

[72] “Принципы политической экономии”, стр. 435.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ При СОЦИАЛИЗМЕ.

АВТОР: АННИ БЕЗАНТ.

Существует два способа построения схемы будущей организации промышленности. Из них гораздо более легким и менее полезным является набросок Утопии, интеллектуальной гимнастики, в которой требуется сила связного и живого воображения. Утописту не нужно знание фактов; на самом деле такое знание является препятствием: для него законов социальной эволюции не существует. Он сам себе закон; и его мужчины и женщины - не свои равные, спазматические, нерегулярные организмы повседневной жизни, а автоматы, подчиняющиеся ниточкам, за которые он дергает. Одним словом, он творит, он не конструирует: он создает одинаковые материалы и законы, по которым они работают, приспособлявая все это к идеальной цели. При описании нового Иерусалима единственные пределы его совершенства - это пределы воображения писателя.

Второй способ менее привлекателен, менее прост, но более полезен. Отталкиваясь от нынешнего состояния общества, он стремится обнаружить тенденции, лежащие в его основе; проследить эти тенденции до их естественного проявления в институтах; и таким образом спрогнозировать не отдаленное будущее, а следующую социальную стадию. Он фиксирует свой взор на огромных изменениях, вызванных эволюцией, а не на мелких вариациях, вызванных катастрофами; на революциях, которые трансформируют общество, а не на временных бунтах, которые просто опрокидывают троны и обезглавливают королей. Я предпочитаю следовать этим вторым путем; и поэтому эта статья о промышленности при социализме начинается с изложения Уильямом Кларком промышленной эволюции, которая происходила в течение последних ста пятидесяти лет. Продвигаясь таким образом вперед, прогнозируя переходные процессы, через которые, вероятно, пройдет общество, я едва ли коснусь идеального социального государства, которое однажды будет существовать; и мой набросок должен быть открыт для любой критики, которая может быть направлена против общества, не являющегося идеально совершенным. Поэтому необходимо иметь в виду, что я всего лишь пытаюсь разработать изменения, осуществимые среди мужчин и женщин в том виде, в каком мы их знаем; всегда стремлюсь установить не то, что в идеале лучше, а то, что возможно; всегда выбираю среди возможных изменений то, что находится на пути к идеалу и облегчит дальнейший подход. На самом деле эта статья представляет собой попытку ответить на вопрос “Как?”, который так часто звучит при обсуждении социализма. Большое количество людей принимают, полностью или частично, социалистическую теорию: они интеллектуально

убеждены в ее обоснованности или эмоционально привлечены ее красотой; но они не решаются присоединиться к ее пропаганде, потому что “не видят, с чего вы собираетесь начать” или “не видят, где вы собираетесь остановиться”. Обе трудности устраняются тем фактом, что мы не “собираемся начинать”. Никогда не наступит точка, в которой общество перейдет от индивидуализма к социализму. Перемены постоянно происходят, и наше общество находится на пути к социализму. Все, что мы можем сделать, это сознательно сотрудничать с действующими силами и таким образом ускорить переход, чем это было бы в противном случае.

Третье эссе Фабиана показывает нам успех капитализма, создающего положение, которое одновременно невыносимо для большинства и легко захватывается ими. На данный момент разрушение мелких отраслей промышленности разрушило большинство градаций, которые раньше существовали между крупным работодателем и наемным рабочим, и оставило на их месте пропасть, через которую сталкиваются горстка капиталистов и огромный и голодный пролетариат. Отказ работодателя в человеческом сочувствии в его деловых отношениях со своими “руками” научил “руки” относиться к работодателю как к человеку, находящемуся вне сферы их сочувствия. “Уважение общественного сознания к правам собственности”, которое, по сути, было частным интересом каждого в его собственной небольшой собственности, уменьшилось с тех пор, как многие потеряли свое личное имущество и собственность накапливалась в руках немногих: теперь это немногим больше, чем традиция, унаследованная от прежнего социального государства. “Общественное сознание” вскоре потворствует, более того, оно сначала одобрит, а затем потребует экспроприации капитала, который используется антиобщественно, а не социально, и который принадлежит этой безличной абстракции, компании, а не нашему ближайшему соседу. Для обычного человека одно дело, когда государство захватывает маленький магазинчик Джеймса Смита, который женился на нашей сестре, или процветающий бизнес нашего Сэма, который работает допоздна, чтобы заработать себе на жизнь; и совсем другое, когда Джеймс и Сэм, разоренные крупной компанией, состоящей из акционеров, о которых никто ничего не знает, кроме того, что они платят низкую заработную плату и получают высокие дивиденды, были вынуждены стать наемными слугами Компании, вместо того чтобы владеть собственными цехами и оборудованием. В чьих интересах будет протестовать против захвата столицы государством и превращения Джеймса и Сэма из наемных рабов, находящихся во власти прораба, в акционеров и государственных чиновников, имеющих право голоса в управлении бизнесом, в котором они заняты?

Тогда давайте предположим, что эволюция капиталистической системы продвинулась лишь немного дальше по нынешнему пути, концентрируя контроль над промышленностью и все чаще заменяя людей трудосберегающими машинами. Это сопровождается и должно продолжаться ростом числа безработных. Эти цифры могут уменьшаться по мере того, как некоторые волны прилива продвигаются вперед на несколько футов, а затем несколько раз касаются более низкого уровня; но по мере того, как прилив поднимается, несмотря на колебания ряби, число безработных будет увеличиваться, несмотря на временные подъемы и спады. С них, вероятно, начнется предварительная организация промышленности государством; но за этой организацией вскоре последует передача в ведение общества некоторых крупных трестов.

Разделение страны на четко определенные области, каждая со своей выборной властью, имеет важное значение для любой эффективной схемы организации. Одним из симптомов грядущих перемен является то, что, совершенно не осознавая природы своего поступка, мистер Ричи основал Коммуну. Он разделил Англию на районы, управляемые Советами графств, и таким

образом создал механизм, без которого социализм был бы невозможен. Правда, он набросал лишь наброски, которые необходимо заполнить; но социалисты могут заполнить их, в то время как у них не было власти очертить. Остается предоставить каждому взрослому право голоса на выборах советников; сократить срок их полномочий до года; платить советникам, чтобы общество имело право на все их рабочее время; наделить Советы полномочиями по захвату и удержанию земли — реформа, о которой уже просил Либерально-радикальный союз, организация, не являющаяся сознательно социалистической; и снять все юридические ограничения, чтобы предоставить им такую же свободу действовать корпоративно, как и отдельному человеку действовать индивидуально. Выполнение этих мер, скорость, с которой социализируются наши институты, зависят от роста социализма в народе. Для стабильности измененных форм промышленности важно, чтобы они были созданы людьми, а не навязаны им; отсюда ценность дара мистера Ричи в области местного управления, позволяющего каждому населенному пункту двигаться быстро или медленно, экспериментировать в сравнительно небольших масштабах, даже совершать грубые ошибки без широкомасштабных катастроф. *Mot d'ordre* для социалистов сейчас - "Обратить избирателей; и захватить Советы графств". Этим Советам, управляющим местными делами, вместе с национальной исполнительной властью, управляющей национальными делами, суждено превратиться в эффективных промышленных организаторов; и административная единица должна зависеть от характера отрасли. Почта, телеграф, железные дороги, каналы и крупные отрасли промышленности, которые могут быть организованы в тресты, будут, насколько мы можем сейчас видеть, лучше всего управляться из единого центра для всего королевства. Трамвайными путями, газовыми заводами, водопроводными станциями и многими более мелкими производственными предприятиями лучше всего управлять на местном уровне. При определении границ разделения нашими ориентирами должны быть удобство и опыт. Разграничения продиктованы целесообразностью, а не принципом.

Первой серьезной проблемой, которая потребует решения от Совета графства, будет проблема безработных. Мудро или неразумно, но ей придется иметь с ними дело: мудро, если она организует их для производительной деятельности; неразумно, если она открывает "работы по оказанию помощи" и пытается, подобно разросшемуся Шмелю, избежать трудностей, навязывая бесплодный и изнурительный труд объявленным вне закона несчастным за счет остальной части общества. Многие безработные являются неквалифицированными рабочими: меньшинство - квалифицированными. Сначала они должны быть зарегистрированы как квалифицированные и неквалифицированные, а первые должны быть зачислены по нескольким профессиям. Затем может начаться сельская организация труда на фермах графства, находящаяся в ведении Советов графств. В Совете будет свой сельскохозяйственный комитет, отвечающий за административные детали; и этот комитет выберет хорошо подготовленных, практичных агрономов в качестве директоров фермерского бизнеса. На Окружную ферму будут набираться безработных в городах, сельскохозяйственных рабочих, которые разъехались по городам в поисках работы, и многих неквалифицированных рабочих. На этих фермах должны быть максимально использованы все преимущества техники и каждое открытие сельскохозяйственной науки. Культуры должны быть тщательно подобраны с учетом почвы и вида — зерновые, фрукты, овощи — и культуры, адаптированные к данной культуре, с единственной целью - получить наибольшее количество продукции с наименьшими затратами человеческого труда. Будет ли земля наиболее прибыльно обрабатываться на больших или маленьких участках, зависит от урожая; и на большой площади фермы графства *большая и*

маленькая культура может иметь свое место. Экономия также выиграла бы от большого количества рабочих под руководством главного фермера, поскольку их можно было бы при необходимости сконцентрировать в любом заданном месте, например, во время сбора урожая, и рассредоточить для работы на более непрерывных видах обработки почвы по окончании сезонной работы.

На эти фермы также должны быть направлены квалифицированные рабочие из числа безработных, сапожники, портные, кузнецы, плотники и т.д.; так что Ферма округа может быть самообеспечиваемой, насколько это возможно, без потери производительной силы. В нем должны быть развиты все мелкие производства, необходимые в повседневной жизни, и таким образом должна быть создана промышленная коммуна. Можно верить, что демократия установит, что восьмичасовой рабочий день и комфортабельный дом должны быть частью условий жизни на ферме округа. Вероятно, у каждой крупной фермы вскоре появился бы свой центральный магазин с прилегающей железнодорожной станцией в дополнение к обычным фермерским постройкам; свой общественный зал в центре фермерской деревни, который использовался бы для лекций, концертов и всевозможных развлечений; свои государственные школы, начальные и технические; и вскоре, возможно, с самого начала, свою общественную столовую, что сэкономило бы время и хлопоты домохозяек и, при экономии топлива и продуктов питания, предоставило бы гораздо больший выбор блюд. Большие дома с наборами комнат, возможно, могли бы заменить старомодные коттеджи; ибо стоит отметить, что, демонстрируя уже существующую среди нас тенденцию к переходу от изолированной самостоятельности к преимуществам совместного проживания, многие современные квартиры строятся без комнат для прислуги, уборка дома и т.д. Выполняется людьми, нанятыми для всего квартала, а важные блюда подаются в ресторанах, чтобы избежать хлопот и расходов на индивидуальное приготовление пищи. Несомненно, при создании новых промышленных организаций было бы полезно начинать с самых передовых направлений и использовать в своих интересах все современные тенденции к менее изолированному образу жизни. Социалисты должны упорно трудиться, чтобы наладить муниципальные отношения с безработными, открывая им путь к более высокой жизни, а не скупаясь на использование нищенского труда. И поскольку они знают свою цель, а другие политические партии живут впроголодь, они должны быть в состоянии оказывать устойчивое и равномерное давление, которое только потому, что оно устойчивое и равномерное, повлияет на общее движение.

Отличительной чертой городской промышленной организации, как и любой другой, должно быть то, что каждый человек должен быть нанят для выполнения того, что он может делать лучше всего, а не для того, что у него получается хуже всего. Человеку может быть желательно иметь две профессии, но изготовление часов и разбивка камня - неподходящие альтернативные занятия. Там, где квалифицированные безработные заняты в повсеместно распространенных профессиях, таких как выпечка, сапожное дело, пошив одежды и т.д., они должны быть заняты на своих работах в муниципальных мастерских, а их продукцию приобретать в муниципальных магазинах. Эти мастерские будут находиться под руководством мастеров, высококвалифицированных рабочих, способных руководить ими, как при частной работе. Рабочий день должен быть восьмичасовым, а заработная плата в настоящее время - минимальной для профсоюза. Тогда вместо портных и сапожников, бродящих по улицам в лохмотьях и босиком, портные будут шить одежду, а сапожники - сапоги и подковы; и сапожник на заработанную им зарплату будет покупать изделия портного, апортной - сапожника. Тогда, вместо того, чтобы поддерживать безработных за счет ставок, взимаемых с занятых, они будут

вынуждены работать, чтобы обеспечить свои собственные потребности, и будут производителями богатства, которое они потребляют, вместо того, чтобы потреблять в вынужденном безделье или бесплодных карательных упражнениях на кладбище камней богатство, произведенное другими. Каменщиков, каменотесов, сантехников, плотников и т.д. можно было бы направить на работу по строительству приличных и приятных жилищ — в стиле многоквартирных домов, а не казарм, называемых образцовыми жилищами, — для размещения муниципальной промышленной армии. Я подчеркиваю приятность жилищ. Эти места должны быть жилищами для граждан, а не тюрьмами для нищих; и нет никаких возможных причин, почему их не следует сделать привлекательными. При социализме рабочие должны быть нацией, и все лучшее — для их служения; ибо, помните, мы обращены лицом к социализму, и наша организация труда должна быть социалистической.

Весьма вероятно, что среди безработных найдутся такие, чье ремесло может быть занято только большим количеством людей и не является одной из отраслей промышленности города, в который их забросила несчастливая судьба. Их следует направлять на муниципальную службу в города, где их торговля является основной отраслью промышленности, для работы на муниципальном заводе.

Одновременно с этой сельской и городской организацией нецентрализованных производств будет происходить захват крупных централизованных производств, централизованных для нас капиталистами, которые таким образом бессознательно прокладывают путь к своему собственному вытеснению. Все, что было организовано в Траст и какое-то время работало в рамках Траста, созрело для присвоения сообществом. Все полезные ископаемые наиболее надлежащим образом обрабатывались бы таким централизованным способом; и, вероятно, будет сочтено наиболее удобным аналогичным образом обрабатывать все крупные производственные отрасли, такие как текстильная промышленность. Бесполезно говорить, что это не может быть сделано государством, когда это делается группой капиталистов: местное правление, Железное Правление, Жестяное Правление может быть так же легко привлечено к ответственности перед нацией, как и перед случайной группой акционеров. При передаче не обязательно должно быть перебоев в производстве: активные организаторы и директора Траста не обязательно и даже не обычно владеют вложенным в него капиталом. Если государство сочтет удобным нанять этих организаторов и директоров, ничто не мешает ему делать это на такой длительный или короткий период, какой он выберет. Временные договоренности, заключаемые с ними в течение переходного периода, должны определяться целесообразностью.

Давайте на мгновение остановимся, чтобы оценить ситуацию на данный момент. Безработные были превращены в коммунальных работников — в сельской местности на больших фермах, улучшенных фермах Бонанза в Америке, — в городах в различных профессиях. Общественные магазины сельскохозяйственной и промышленной продукции открыты во всех удобных местах и заполнены товарами, произведенными таким образом сообща. Крупные отрасли промышленности, работающие как тресты, контролируются государством, а не капиталистическими кругами. Частный капиталист, однако, все еще будет заниматься бизнесом, производя и распределяя за свой счет в конкуренции с общинными организациями, которые в настоящее время займут лишь часть промышленного поля. Но помимо давления, которое будет признано, когда мы приступим к рассмотрению вопроса об оплате труда, эти частные предприятия будут функционировать в условиях все возрастающих трудностей. Перед

лицом упорядоченных общественных структур, играющих на руку друг другу, за которыми стоит кредит страны, предприятия частного капиталиста окажутся в таком же невыгодном положении, как кустарная промышленность прошлого века перед лицом фабричной промышленности нашего времени. Траксты научили нас, как вытеснять конкурирующие капиталы с рынка за счет ассоциированных капиталов. Центральные советы или Советы графств смогут использовать эту силу объединения шире, чем любые частные капиталисты. Таким образом, экономические силы, заменившие мастерскую фабрикой, заменят частную лавку муниципальным магазином, а частную фабрику муниципальной. И преимущества большей концентрации капитала и объединения труда будут не единственными, которыми будут пользоваться коммунальные рабочие. Все отходы будут пресекаться, каждое трудосберегающее приспособление будет использоваться в максимальной степени, когда целью является производство общего богатства, а не получение прибыли, подлежащей присвоению классом; ибо в первом случае в интересах производителей производить — поскольку их удовольствие зависит от производительности их труда, — тогда как в другом случае в их интересах стерилизовать свой труд настолько, насколько они осмелятся, чтобы сделать его необходимым в большем количестве и таким образом сохранить его цену. По мере того как организация общественного производства расширяется и все больше вытесняет производителя-индивидуалиста, будет легче оценивать вероятный спрос и регулировать предложение для его удовлетворения. Муниципалитеты и Центральные советы займут место конкурирующих мелких капиталистов и группировок крупных; и производство станет упорядоченным и рациональным, а не анархичным и безрассудным, как сегодня. Через некоторое время частные производители исчезнут, не потому, что будет принят какой-либо закон против индивидуалистического производства, а потому, что оно не будет окупаться. Никому не захочется сталкиваться с заботами, притеснениями, тревожными состояниями человека, борющегося за средства к существованию, когда в коммунальных службах можно наслаждаться легкостью, свободой и безопасностью.

Наилучшей формой управления в переходный период и, возможно, на долгое время вперед будут Общинные советы, которые будут назначать комитеты для руководства различными отраслями промышленности. Эти комитеты будут нанимать необходимых менеджеров и бригадиров для каждого цеха, фабрики и т.д. И будут обладать правом увольнения с момента назначения. Я не верю, что прямое избрание менеджера и бригадира работниками будет признано хорошо работающим на практике или соответствующим дисциплине, необходимой при ведении любого крупного коммерческого предприятия. Мне кажется, было бы лучше, если бы Коммуна избрала свой Совет, сохранив, таким образом, под своим контролем общую власть, но наделив Совет полномочиями по отбору должностных лиц, с тем чтобы право выбора и увольнения в различных подразделениях принадлежало кандидатам от всей Коммуны, а не от конкретной группы, которой это непосредственно касается.

Нет никаких практических трудностей в управлении обычными производственными отраслями, большими или малыми. Доверие и Сотрудничество между ними решили или поставили нас на пути решения всех проблем, связанных с ними. Но существуют трудности, связанные с отраслями промышленности, занимающимися производством таких товаров, как книги и газеты. На переходном этапе этих трудностей не возникнет; но когда все отрасли промышленности перейдут в ведение коммуны или Нации, как будут производиться книги и газеты? Я лишь выдвигаю следующие предложения. Полиграфия, как и выпечка, пошив одежды, изготовление обуви, является скорее общинной, чем национальной отраслью.

Предположим, у нас были типографии, контролируемые Общинным советом. Комитету по печати можно было бы предоставить свободу принимать любую публикацию, которую он сочтет ценной, поскольку сегодня частная фирма может взять на себя риск публикации, поскольку договоренность с автором заключается в прямой покупке или роялти с проданных экземпляров, в каждом случае столько, сколько должно быть положено на его счет в Общественном банке. Но есть много авторов, чьи произведения никому не нужны: было бы абсурдно заставлять сообщество публиковать все второстепенные стихи. Почему бы не принять принцип, согласно которому в каждом случае, когда комитет по печати отказывается печатать на общественный риск, автор может напечатать свое произведение, переведя со своего кредита в Общественном банке на счет комитета по печати сумму, достаточную для покрытия расходов на печать? Комитет не должен иметь права отказывать в печати, если расходы были покрыты. Таким образом, свобода выражения мнений охранялась бы как конституционное право, в то время как с сообщества не взимались бы расходы на публикацию каждого глупого излияния, которое его любимый композитор мог бы счесть достойным огласки.

Газеты могли бы выпускаться на аналогичных условиях; и отдельные лица или группы лиц всегда были бы открыты для публикации всего, что им заблагорассудится, при условии покрытия расходов на публикацию. При сравнительном достатке, которым пользовался бы каждый член общества, любой, кто действительно хотел бы привлечь внимание общественности, смог бы сделать это, сократив свои расходы в других направлениях.

Еще одна трудность, с которой мы столкнемся, хотя и не сразу, - это конкуренция за трудоустройство в определенных, более приятных отраслях промышленности. В настоящее время безработный охотно ухватился бы за любую хорошо оплачиваемую работу, которую он был бы в состоянии выполнить. Если бы он умел и набирать текст, и шить пальто, ему бы и в голову не пришло ворчать, если бы ему случайно предложили работу, которая ему нравилась меньше всего из этих двух: он был бы только рад получить и то, и другое. Но вполне возможно, что по мере значительного улучшения условий жизни Джешурун растолстеет и будет брыкаться, если, когда он предпочтет изготавливать микроскопические линзы, от него потребуют делать зеркала. При таких обстоятельствах, боюсь, Джешуруну придется смириться с этим требованием. Если количество людей, занятых изготовлением линз, достаточно для удовлетворения спроса на линзы, Джешурун должен согласиться на время направить свои таланты на изготовление зеркал. В конце концов, его состояние будет не очень плачевным, хотя социализму, правда, не удастся сделать $2 + 2 = 5$.

Это, однако, едва ли решает общий вопрос о распределении рабочих по различным формам труда. Но гениальный автор книги "Оглядываясь назад, из 2000 года нашей эры" нашел решение. Предоставив молодым мужчинам и женщинам свободу выбора профессии, он уравнивал бы уровень волонтерства, уравнивая привлекательность профессий. Во многих случаях выбор профессии определяется природными склонностями, которые могут развиваться в течение длительного учебного года. К счастью, человеческие существа очень разнообразны по своим способностям и вкусам; то, что привлекает одного, отталкивает другого. Но есть неприятные и незаменимые виды труда, которые, казалось бы, никого не привлекают, — добыча полезных ископаемых, чистка канализации и т. д. Их можно было бы сделать привлекательными, сделав часы работы в них намного короче обычного рабочего дня,

посвященного более приятным занятиям. Многие сильные, энергичные мужчины предпочли бы короткий период неприятной работы долгому сидению за письменным столом. Поскольку хорошо оставить индивиду максимально возможную свободу, такое уравнение преимуществ во всех профессиях было бы намного лучше, чем любая попытка выполнить невыполнимую задачу по выбору работы для каждой. Человек наверняка возненавидел бы любую работу, к которой его прямо принуждали, даже если бы это была та самая работа, которую он выбрал бы, если бы был предоставлен самому себе.

Кроме того, большая часть самой неприятной и трудоемкой работы могла бы выполняться машинами, как это было бы сейчас, если бы не было дешевле эксплуатировать класс илотов. Когда стало незаконным отправлять маленьких мальчиков лазить по дымоходам, подметать дымоходы не перестали: для их подметания была изобретена машина. Вырубка угля теперь могла бы производиться машинами, а не человеком, лежащим на спине и ковыряющим над головой с неминуемым риском для собственной жизни; но машина намного дороже людей, поэтому у шахтеров по-прежнему сдавливает грудь падающий уголь. При социализме человеческие жизни и конечности будут более ценными, чем машины; и перед наукой будет поставлена задача заменить одно другим.

По правде говоря, расширение производства машин, весьма вероятно, решит многие проблемы, связанные с дифференциальными преимуществами в сфере занятости; и представляется несомненным, что в самом ближайшем будущем квалифицированным рабочим будет не тот, кто способен выполнять определенный набор операций, а тот, кто был обучен использованию машин. Разница в торговле будет заключаться в машине, а не в человеке: будет ли продукт гвоздями или шурупами, ботинками или пальто, тканью или шелком, бумагоукладчиком или наборщиком, будет зависеть от внутреннего устройства механизма, а не от метода приложения усилия. Что мы, вероятно, сделаем, так это обучим всю нашу молодежь принципам механики и обращению с машинами; машины будут сконструированы таким образом, чтобы направлять силу в различные каналы, необходимые для производства различных изделий; и квалифицированный рабочий будет квалифицированным *механиком*, а не квалифицированным печатником или сапожником. В настоящее время обучение в течение нескольких часов или дней сделает квалифицированного механика мастером любой машины, которую вы можете поставить перед ним. Линия прогресса заключается в замене людей машинами во всех отраслях производства: пусть мозг планирует, направляет, контролирует; но пусть железо и сталь, пар и электричество, которые не утомляют и не поддаются жестокому обращению, выполняют весь тот тяжелый труд, который изматывает человеческие структуры сегодня. Нет ни малейших оснований предполагать, что мы находимся в конце изобретательской эры. Скорее всего, мы только начинаем нащупывать способы использования электричества: перед машинами открываются возможности, о которых сейчас и не мечтают, поскольку люди, созданные нашей системой, слишком грубы для манипуляций с тонкими и сложными устройствами. Я предлагаю это только как возможное упрощение уравновешивания спроса и предложения на различные формы труда в будущем: нашим непосредственным методом регулирования должно быть выравнивание преимуществ в них.

Можно предположить, что в каждой стране все Советы директоров и общинные органы власти в конечном итоге будут представлены в каком-либо центральном исполнительном органе или промышленном министерстве; что министр сельского хозяйства, горнодобывающей промышленности, текстильной промышленности и так далее будет поддерживать отношения с

аналогичными должностными лицами в других странах; и что, таким образом, как на международном, так и на национальном уровне, сотрудничество заменит конкуренцию. Но это еще не конец.

Теперь мы подходим к еще более щекотливому вопросу, чем организация рабочих. Каким должно быть вознаграждение за труд — какова доля продукта, получаемого соответственно отдельным человеком, муниципалитетом и государством?

Ответ зависит от ответа на предыдущий вопрос. Должна ли быть предпринята организация безработных для того, чтобы превратить их в самодостаточных, уважающих себя граждан; или это должно продолжаться как форма эксплуатации, использования нищенского труда для получения прибыли небедными? Все дело упирается в этот момент; и если мы не будем знать, что у нас на уме, и не будем бороться за правильный метод и против неправильного с самого начала, организация безработных будет опорой для существующей системы, а не шагом к лучшему. Уже идут разговоры о создании трудовых колоний в связи с работными домами; и нельзя терять времени, если мы хотим воспользоваться хорошим в этом предложении и исключить плохое. Советы графств также приведут к увеличению занятости в муниципалитетах; и метод такой занятости имеет жизненно важное значение.

Обычный служащий, вынужденный силой обстоятельств организовывать безработных, попытается извлечь выгоду для налогоплательщиков из бедных хозяйств, выплачивая им самую низкую заработную плату. Он нашел бы такой способ действий очень подходящим и вскоре, если бы ему разрешили, просто объявил бы муниципальной работоторговлю. Таким образом, муниципальная и сельская организация труда, даже когда осознаются ее необходимость и преимущества, не может сделать ничего, кроме изменения формы эксплуатации труда, если работникам, находящимся на государственной службе, будет выплачиваться заработная плата, установленная рыночной конкуренцией, а прибыль от их труда будет использоваться только для снижения ставок. При таких обстоятельствах мы получили бы все расценки, выплачиваемые коммунальными работниками, в то время как частные работодатели остались бы свободными. Это было бы не переходом к социализму, а всего лишь новым способом создания класса муниципальных крепостных, который превратил бы наши города в пародию на древнегреческие рабовладельческие “демократии”. Мы найдем более надежную почву, вспомнив и применив принцип социализма, согласно которому рабочие должны наслаждаться полным результатом своего труда. Мне кажется, что это можно было бы решить следующим образом:

Из стоимости общественного продукта должна складываться земельная рента, выплачиваемая местным властям, аренда оборудования, необходимого для работы отраслей промышленности, авансируемая и фиксируемая обычным способом заработная плата, налоги, резервный фонд, фонд накопления и другие сборы, необходимые для ведения общественного бизнеса. Все это вычтено, оставшаяся стоимость должна быть разделена между коммунальными работниками в качестве “бонуса”. Было бы явно неудобно, если не невозможно, для районной власти разделить эту стоимость и выделить столько—то каждому из своих отдельных предприятий - столько-то осталось от газовых заводов для занятых там людей, столько-то осталось от трамвайных путей для занятых на них людей и так далее. Для муниципальных служащих было бы гораздо проще и удобнее рассматривать их как единый организм, находящийся на службе у единого работодателя, местной власти; и что излишки от всего бизнеса, осуществляемого Общинным советом, должны быть разделены без различия между всеми коммунальными

служащими. Вероятно, возникнут разногласия по поводу разделения: должны ли все доли быть равными; или рабочие должны получать пропорционально предполагаемому достоинству или унизости их работы? Неравенство, однако, было бы отвратительным; и я уже предлагал (стр. 145) средство приспособления различных видов труда к системе равного разделения чистого продукта. Это решает проблему различной степени утомительности без завистливого провозглашения какого—либо общественно полезного труда более почетным, чем любой другой, - различие, по сути, антисоциальное и пагубное. Но поскольку в общественных делах этика склонна упираться в стену, а призывы к социальной справедливости слишком часто остаются без внимания, нам повезло, что в данном случае этика и удобство совпадают. Невозможность оценить отдельную ценность труда каждого человека с каким-либо действительно значимым результатом, трения, которые могли бы возникнуть, зависть, которая была бы спровоцирована, неизбежное недовольство, фаворитизм и безработица, которые возобладали бы: все это направит Общественный совет по правильному пути, равному вознаграждению всех работников. Однажды вступив на этот путь, принцип упрощения получит распространение; и в настоящее время, вероятно, будет сочтено удобным, чтобы все коммунальные советы направляли в Центральный совет свои отчеты с указанием количества своих служащих, количества произведенных ценностей, отчислений на арендную плату и других сборов, а также имеющихся у них излишков. Все эти излишки, сложенные вместе, затем были бы разделены на общее число коммунальных работников, и полученная таким образом сумма была бы долей каждого работника. Национальные тресты сначала будут работать отдельно по принципу, аналогичному тому, который был разработан для коммун; но позже они будут объединены с остальными и еще больше уравнивают вознаграждение за труд. По мере упадка частных предприятий все больше и больше рабочих будут переходить на общественную работу, пока, наконец, не будет достигнут социалистический идеал нации, в которой все взрослые являются работниками и все делят национальный продукт. Но следует отметить, что все это является результатом первой организации промышленности муниципалитетами и советами графств и будет развиваться так же быстро или так же медленно, как того пожелает сообщество и его части. Рассматриваемые значения и использованные на начальном этапе цифры не предполагают такой сложности деталей, которая характерна для многих крупных предприятий, которыми сейчас занимаются отдельные лица и компании. Для работы будут доступны те же мозги, которые сейчас нанимаются отдельными людьми; и скорее новизна идеи, чем трудность ее реализации, будут стоять на пути ее принятия.

Однако вполне вероятно, что в течение некоторого времени капитаны промышленности будут получать более высокую зарплату, чем рядовые промышленной армии, не потому, что справедливо, что они должны получать более высокое вознаграждение, а потому, что они, все еще имея альтернативу частному предпринимательству, смогут требовать своих обычных условий, при которых обществу будет выгоднее привлекать их, чем обходиться без них — что было бы действительно невозможно. Но их вознаграждение будет падать по мере распространения образования: их текущая стоимость является ценностью дефицита, в значительной степени зависящей от их монополии на высшее образование; и по мере того, как более широкое обучение будет открыто для всех, все большее число людей будут квалифицироваться в качестве организаторов и директоров.

Форма, в которой выплачивается доля работника, не имеет первостепенного значения. Вероятно, было бы удобно иметь Коммунальные банки, выпускающие чеки, подобные чековым

банкам; и эти банки могли бы открывать кредиты рабочим на сумму их вознаграждения. То, как каждый рабочий расходовал свое богатство, конечно, было бы его личным делом.

Описанный выше метод обращения с излишками, остающимися от общественного труда после уплаты муниципалитету арендной платы и других платежей, оказался бы наиболее мощным фактором вытеснения частных предприятий. Объемы, производимые коммунальными организациями, превышали бы объемы, производимые под контролем индивидуалистов; но даже если бы это было не так, все же доли коммунальных работников, поскольку они включали бы продукцию, потребляемую сейчас бездельниками, были бы выше любой заработной платы, которую мог бы выплачивать частный работодатель. Отсюда конкуренция за поступление на коммунальную службу и постоянное давление на коммунальные советы с целью расширения их деятельности.

Следует добавить, что дети и работники, утратившие трудоспособность по возрасту или болезни, должны получать равную долю с коммунальными работниками. Поскольку все они были детьми, временами болеют и надеются дожить до старости, все, в свою очередь, разделили бы это преимущество; и только справедливо, что те, кто честно трудился, пока был здоров и достиг зрелости, должны наслаждаться вознаграждением за труд в болезни и старости.

Таким образом, доли отдельных лиц и муниципалитетов распределены, и остается сказать только одно слово о Центральном национальном совете — “Государстве” *по преимуществу*. Это позволило бы получать доходы, необходимые для выполнения его функций, за счет взносов, взимаемых с Коммунальных советов. Очевидно, что при регулировании этих взносов могла бы быть произведена “национализация” любых особых природных ресурсов, таких как шахты, гавани и т.д., которыми пользуются исключительно удачно расположенные коммуны. Фактически этот сбор носил бы характер подоходного налога.

Такой план распределения — особенно та его часть, которая уравнивает доли в продукте, — вероятно, вызовет вопрос: “Каким будет стимул к труду при предлагаемой системе? Разве праздные не будут уклоняться от своей справедливой доли труда и жить припеваючи за счет трудолюбия своих соседей?”

Общим стимулом к труду будет, в первую очередь, тогда, как и сейчас, голодная смерть, которая последует за прекращением труда. Пока мы не откроем для себя страну, в которой булочки с джемом растут на кустах, а жареные поросята-сосиски бегают повсюду с криками “Приходите съесть меня!”, мы находимся под непреодолимой необходимостью производить. Мы будем работать, потому что в целом предпочитаем работу голодной смерти. При переходе к социализму, когда начнется организация труда коммунальными советами, выполнение работы будет условием трудоустройства; и поскольку отсутствие работы будет означать голодную смерть — ибо, когда предлагается работа, здоровому взрослому человеку, который отказывается ее выполнять, не нужно предоставлять никаких послаблений любого рода, — самый сильный из возможных стимулов заставит мужчин работать. Фактически, “работай или умри с голоду” будет альтернативой, поставленной перед каждым общественным работником; и поскольку люди сейчас предпочитают длительную и плохо оплачиваемую работу голодной смерти, они, безусловно, если природа человека полностью не изменится, предпочтут короткую и хорошо оплачиваемую работу голодной смерти. С отдельным прогульщиком поступят примерно так же, как с ним поступают сегодня: его предупредят и, если он окажется

неисправимо ленивым, уволят с общественной работы. Подавляющее большинство мужчин в настоящее время стремятся сохранить свою работу, разумно выполняя свои обязанности: почему бы им не делать то же самое, когда работа осуществляется на более легких условиях? Поначалу увольнение означало бы быть брошенным обратно в водоворот конкуренции - участь, которую нелегко оспорить. Позже, когда частные предприятия уступят конкуренции коммуны, это будет означать почти безнадежность в получении средств к существованию. Когда социальная реорганизация будет завершена, это будет означать абсолютный голод. И поскольку голодание было бы вызвано намеренно и добровольно, оно не вызвало бы ни сочувствия, ни облегчения.

Следующим стимулом будет аппетит рабочего к результатам общего труда и решимость его товарищей по работе заставить его взять на себя справедливую долю работы по его производству. В настоящее время установлено, что очень небольшая доля прибыли, получаемой от сопутствующего труда, действует как огромный стимул для каждого отдельного производителя. Фирмы, которые выделяют часть своей прибыли для распределения между своими сотрудниками, находят этот план выгодным для себя. Мужчины усердно работают над увеличением общего продукта, зная, что каждый получит большой бонус по мере увеличения общего продукта: они становятся бдительными в отношении отходов на производстве; они заботятся о технике; они экономят бензин и т.д. Одним словом, они снижают затраты настолько, насколько могут, потому что каждая экономия означает для них выгоду. Из экспериментов Леклера и Годена мы видим, что изобретательность также стимулируется участием в общем продукте. Работники этих предприятий постоянно пытаются найти более эффективные методы улучшения своего оборудования, одним словом, прогрессировать, поскольку каждый шаг вперед улучшает их положение. Изобретения проистекают из желания избежать неприятностей, а также из импульса изобретательского гения, радости от достижения интеллектуального триумфа и восторга от служения человечеству. Умные работники постоянно делают небольшие изобретения, чтобы облегчить свою работу, даже когда они сами лично от них не выигрывают; и нет причин опасаться, что это спонтанное проявление изобретательности прекратится, когда повышенная производительность труда облегчит задачу или увеличит урожай работника. Можно ли утверждать, что люди будут трудолюбивы, осторожны и изобретательны, когда они получают лишь часть результата связанного с ними труда, но погрузятся в лень, безрассудство и застой, когда получают все целиком? что небольшая выгода стимулирует, но любая выгода, кроме полного удовлетворения, парализует? Если и есть какой-то порок, который более других непопулярен в социалистическом сообществе, то это лень. Человек, который уваливает, обнаружит, что его товарищи делают его положение невыносимым еще до того, как его постигнет участь исключения.

Но в то время как эти непреодолимые мотивы будут оказывать сильное воздействие на человека таким, какой он есть сейчас, есть и другие, уже действующие на некоторых людей, которые однажды будут действовать на всех людей. Человеческие существа — это не те простые и односторонние организмы, какими они кажутся поверхностному взгляду индивидуалиста, движимые только одним мотивом, желанием денежной выгоды, одним страстным желанием — стремлением к богатству. При нашей нынешней социальной системе борьба за богатство приобретает ненормальное и искусственное развитие: богатство означает почти все, что придает смысл жизни: безопасность от голода, удовлетворение вкуса, наслаждение приятным и культурным обществом, превосходство над многими искушениями, самоуважение, внимание, комфорт, знания, свободу, насколько это достижимо в существующих условиях. В обществе, где

бедность означает социальную дискредитацию, где к несчастью относятся как к преступлению, где тюрьма рабочего дома - это предвестник неудачи, а горькие, изматывающие преследования повседневных потребностей, неудовлетворенных ежедневными поставками, постоянно нависают над головой каждого работника, что удивительного в том, что деньги кажутся единственной потребностью и что все остальные мысли теряются в бешеном стремлении сбежать от всего, что выражается одним словом "Бедность"?

Но это ненормальное развитие жажды золота исчезло бы, если бы была обеспеченность каждым из средств существования. Пусть каждый индивид почувствует себя абсолютно обеспеченным в средствах к существованию, пусть всякое беспокойство по поводу материальных потребностей своего будущего будет сметено; и стремление к богатству потеряет свой рычаг воздействия. Когда хлеб насущный будет обеспечен, тирания материальной выгоды будет сломлена, и жизнь начнет использоваться для того, чтобы жить, а не для борьбы за шанс выжить. Тогда на первый план выйдут все те разнообразные мотивы, которые уже сейчас действуют в сложном человеческом организме и которые приобретут должное значение, когда будет обеспечена основа физической жизни. Желание преуспеть, радость от творческой работы, стремление совершенствоваться, стремление заслужить общественное одобрение, инстинкт доброжелательности - все это начнет полноценную жизнь и одновременно послужит стимулом к труду и наградой за выдающиеся достижения. Поучительно заметить, что те же самые силы уже можно увидеть в действии в каждом случае, когда обеспечено существование, и только они являются стимулом к действию. Пропитание солдата гарантировано и не зависит от его усилий. Он сразу же становится восприимчивым к призывам к своему патриотизму, к своему боевому духу, к чести своего флага; он отважится на что угодно ради славы и ценит кусочек бронзы, который является "наградой за доблесть", гораздо больше, чем в сто раз дороже золота. И все же многие рядовые происходят из худших слоев населения, а военная слава и успех в убийстве - всего лишь плохие объекты для стремления. Если так много можно сделать в столь бесперспективных обстоятельствах, то на что же нам надеяться, исходя из более благородных устремлений? Или возьмем рвение, самоотречение и напряженные усилия, которые молодые люди вкладывают в свои простые игры! Желание быть капитаном оксфордской команды eleven, гребцом кембриджской шлюпки, победителем в беге пешком или прыжках в длину, одним словом, желание отличиться достаточно сильно, чтобы побуждать к нагрузкам, которые часто разрушают физическое здоровье. Повсюду мы видим, как многообразные желания человечества проявляют себя, как только средства к существованию становятся надежными. Именно на преданность этих людей служению обществу, поскольку развитие социальных инстинктов учит людей отождествлять свои интересы с интересами общества, социализм должен в конечном счете полагаться на прогресс; но, говоря это, мы лишь утверждаем, что социализм полагается для прогресса на человеческую природу в целом, а не на тот простой ее фрагмент, известный как стремление к наживе. Если человеческая природа сломается, то рухнет и социализм; но, по крайней мере, у нас есть сто струн к нашему социалистическому луку, в то время как у индивидуалиста только одна.

Но человечество не сломается. Вера, которая построена на этом, - это вера, основанная на камне. В более здоровых и счастливых условиях Человечество достигнет высот, о которых сейчас и не мечтают; и самые изысканные утопии, воспетые поэтом-идеалистом, покажутся нашим детям всего лишь тусклыми и разбитыми огнями по сравнению с их прекрасным днем.

Все, что нам нужно, - это мужество, благоразумие и вера. Вера, превыше всего, которая осмеливается верить, что справедливость и любовь не невозможны; и что однажды люди осуществят больше, чем лучшее, о чем человек может мечтать.

ПЕРЕХОД К СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД.[73]

Г. БЕРНАРД ШОУ.

Когда Британская ассоциация оказала мне честь приглашением принять участие в ее работе, я предложил сделать это, прочитав доклад, озаглавленный *“Завершение перехода к социал-демократии”*. Слово “отделка”, по размышлении, было опущено. В современном употреблении оно приобрело определенный неожиданный и зловещий смысл, который я хочу тщательно отделить от процесса, который будет описан. Я предложил это в первую очередь только для того, чтобы как можно короче показать, что мы находимся в середине перехода, а не уклоняемся от его начала; и что я предлагаю иметь дело с той его частью, которая нам предстоит, а не с той, которую мы уже выполнили. Поэтому, хотя я и начну с самого начала, я не стану извиняться за то, что преодолеваю столетия семимильными шагами, рискуя пожертвовать достоинством истории ради необходимости как можно скорее перейти к сути.

Итак, давайте для начала кратко взглянем на Средние века. Теоретически, там вы обнаружите гораздо более упорядоченную Англию, чем в Англии наших дней. Сельское хозяйство организовано по понятной и последовательной системе в феодальном поместье или коммуне; ремеслом распоряжаются городские гильдии. У каждого человека есть свой класс, и у каждого класса свои обязанности. Выплаты и привилегии устанавливаются законом и обычаем, санкционируются моральным чувством сообщества и пересматриваются в свете этого морального чувства всякий раз, когда функционирование спроса и предложения нарушает их регулирование. Свобода и Равенство неслыханны, но так же неслышанна и Свободная конкуренция. Закон не разрешает жене рабочего носить серебряный пояс; он также не заставляет ее работать по шестнадцать часов в день за современный шиллинг. Никому не приходит в голову мысль, что отдельный человек имеет какое-либо право торговать так, как ему заблагорассудится, безотносительно ко всему остальному. Когда горожане, например, формируют рынок, они вполне понимают, что взяли на себя такие хлопоты не для того, чтобы дать возможность спекулянтам зарабатывать деньги. Если они ловят человека, покупающего товары исключительно для того, чтобы продать их через несколько часов по более высокой цене, они обращаются с этим человеком как с негодяем; и он никогда, насколько я мог убедиться, не осмеливается утверждать, что это общественно полезно, и действительно благочестивый долг - покупать на самом дешевом рынке и продавать подороже. Если бы он это сделал, они, вероятно, сожгли бы его заживо, что не совсем непростительно. Что касается защиты, то для них это естественно.

Этот Общественный порядок, остатки которого до сих пор можно найти повсюду, рухнул не потому, что был несправедливым или абсурдным. Он был разрушен ростом социального организма. Его механизм был слишком примитивным, а администрация слишком наивной, слишком личной, слишком назойливой, чтобы справиться с чем-то более сложным, чем группа промышленно независимых коммун, централизованных очень слабо, если вообще централизованных, в чисто политических целях. Производственные связи с другими странами были за пределами его понимания. Его понимание обязательств межпартийной морали было не самым надежным: о международной морали он не имел ни малейшего представления. Француз или шотландец были естественными врагами; москвич был чужеземным дьяволом; родство негра с человеческой расой было гораздо более отдаленным, чем сейчас принято считать родство гориллы. Таким образом, когда открытие Нового Света положило начало той экономической революции, которая превратила каждый промышленный город в простой стенд на всемирной выставке и совершенно изменила непосредственные цели и взгляды производителей, английские авантюристы вышли в море в настроении, исключительно благоприятном для коммерческого успеха. Они были непритворно набожны и обладали силой характера, которая возможна только у людей, основанных на убеждениях. В то же время они считали пиратство храбрым и патриотическим занятием, а работорговлю - совершенно честной отраслью торговли, достаточно авантюрной, чтобы соответствовать чести джентльмена, и достаточно прибыльной, чтобы оправдывать риск. Когда они крали груз с иностранного корабля или получали крупную прибыль от партии рабов, они рассматривали свой успех как прямое доказательство божественного покровительства. Владельцы накопленных богатств поспешили "вложить" свой капитал в этих людей. Лица всех более богатых слоев общества, начиная с королевы Елизаветы и ниже, принимали участие в путешествиях купцов-авантюристов. Отдача оправдала их смелость; и был заложен фундамент промышленного величия и промышленного позора восемнадцатого и девятнадцатого веков; таким образом, современный капитализм возник на предприятиях, за которые цивилизованные нации теперь вешают или расстреливают людей как паразитов. И до сих пор любопытно видеть в коммерческих авантюристах нашего времени то же самое неуместное сочетание благочестия и прямоты с самым беспринципным и отвратительным злодейством. Все мы знаем князьков-торговцев, чья предприимчивость, чья непоколебимая настойчивость, чья высокая личная честь, безупречные семейные отношения, обширная благотворительность и щедрое финансирование общественных институтов делают их столпами общества; и которые, тем не менее, выжимают свое богатство из труда женщин и детей с такой убийственной алчностью, что им приходится передавать самых бедных из своих жертв производителям свитеров, единственной специальной функцией которых является уклонение от фабричных законов. На самом деле у них не больше чувства социальной солидарности с наемными рабочими, чем у Дрейка было с испанцами или неграми.

С ростом внешней торговли и капитализма промышленность настолько переросла контроль не только отдельного человека, но и деревни, гильдии, муниципалитета и даже центрального правительства, что казалось, что от любых попыток регулирования следует отказаться. Каждый закон, принятый для улучшения организации бизнеса, либо не работал вообще, либо работал только как монополия, навязываемая раздражающим вмешательством официальных лиц, наносящая прямой ущерб общим интересам и катастрофически отражающаяся на конкретных интересах, которые он был призван защищать. Законы также перестали быть даже честными из-за захвата политической власти капиталистическими классами, которые невероятно обогатились за счет действия экономических законов, которые тогда не были поняты. [74] Дело

дошло до того, что законодательство и регулирование были настолько вредными и коррумпированными, что анархия стала идеалом всех прогрессивных мыслителей и практиков. Интеллектуальный бунт, официально начатый Реформацией, был усилен в восемнадцатом веке великой промышленной революцией, которая началась с использования пара и изобретения прядильного станка.^[75] Затем наступил хаос. Феодалная система превратилась в абсурд, когда ее основа коммунизма с неравенством условий сменилась частной собственностью со свободными контрактами и конкурентной рентой. Цеховая система не имела механизма для борьбы с разделением труда, фабричной системой или международной торговлей: она признавала в конкурентном индивидуализме только то, что следовало подавлять как дьявольское. Но соревновательный индивидуализм просто овладел гильдиями и превратил их в столовые для олдерменов, а также в заметное дополнение к поводам для недовольства и посмешища потомков.

Отчаянные усилия человеческого интеллекта распутать этот клубок промышленной анархии привели к появлению современной политической экономии. Она оформилась во Франции, где путаница была трижды устранена; и доказала, что является более практичным разделом философии, чем метафизика схоластов, утопический социализм Мора или социология Гоббса. Она могла бы проследить свою родословную до Аристотеля; но как раз тогда человеческий интеллект порядком устал от Аристотеля, экономика которого, к тому же, была экономикой рабовладельческих республик. Политическая экономия вскоре провозгласила промышленную анархию; частную собственность; безрассудство личности во всем, кроме индивидуального накопления богатства; и отмену всех функций государства, за исключением тех, которые заключаются в пресечении актов насилия и посягательств на частную собственность. Это могло бы перекликаться с восклицанием Джека Кейда: “Но тогда мы в порядке, когда мы больше всего не в порядке”.

Хотя именно так предписывала политическая экономия, не следует делать вывод, что великие экономисты были большими сторонниками простой вольности, чем князь Кропоткин, или мистер Герберт Спенсер, или мистер Бенджамин Такер из Бостона, или любой другой современный анархист. Они не признавали, что альтернативой государственному регулированию является анархия; они считали, что Природа создала всемогущий автоматический регулятор конкуренции; и что благодаря его действию личный интерес развил бы порядок из хаоса, если бы только ему позволили идти своим собственным путем. Им нравилось верить, что правильный общественный порядок - это не искусственное и с трудом поддерживаемое правовое сооружение, а спонтанный результат свободной игры сил Природы. Они были реакционерами против феодального господства, средневекового вмешательства и церковной нетерпимости; и они смогли показать, как все три закончились позорным провалом, коррупцией и самоуничтожением. Возмущенные зрелищем борьбы крестьян против отрицания тех прав частной собственности, которые успешно узурпировал их феодал, они энергично отстаивали право частной собственности для всех. И хотя они были ослеплены огромным импульсом, приданным производству промышленной революцией в условиях конкурентного частного предпринимательства, они в то же время, из-за отсутствия статистики, были настолько оптимистично невежественны в отношении положения масс, что мы находим Дэвида Юма в 1766 году, писавшего Тюрго, что “ни один человек не является таким трудолюбивым, но он может добавить к своему труду еще несколько часов в неделю; и вряд ли кто-то настолько беден, но он может сократить часть своих расходов”. Ни один студент никогда не узнает из

изучения экономистов-индивидуалистов, что английский пролетариат кипел от ярости. в ужасе и деградации, в то время как богатство собственников росло не по дням, а по часам.

Историческое невежество экономистов, однако, не помешало им заниматься абстрактной научной политической экономией. Все их самые лелеемые институты и доктрины один за другим уступали место анализу законов производства и обмена. С помощью одного только закона — закона ренты — они разрушили весь ряд допущений, на которых основана частная собственность. Априорное представление о том, что среди свободных конкурентов богатство должно достаться трудолюбивым, а бедность — справедливому и естественному наказанию ленивых и расточительных, оказалось столь же иллюзорным, как кажущаяся плоская поверхность земли. Здесь была огромная масса богатства, называемая экономической рентой, увеличивающаяся с увеличением численности населения и состоящая из разницы между продуктом национальной промышленности, каким он был на самом деле, и тем, каким он был бы, если бы каждый акр земли в стране был не более плодородным или выгодно расположенным, чем самый худший акр, с которого можно было добывать средства к существованию: все это совершенно неспособно быть присвоено тому или иному индивиду или классу в качестве вознаграждения за его или ее отдельные усилия: все это чисто социальное или общее богатство, для частного присвоения которого не может быть приведено никакого постоянно действующего и интеллектуально честного оправдания. Рикардо был столь же откровенен и гораздо более основателен в этом вопросе, чем мистер Генри Джордж. Он указал — я цитирую его собственные слова, — что “весь избыточный продукт почвы, после вычета из него лишь такой умеренной прибыли, которая достаточна для стимулирования накопления, должен в конечном итоге оставаться у землевладельца”.^[76]

Только приняв абсурдную теорию стоимости, Рикардо смог утверждать, что рабочий, продающий себя за заработную плату собственнику, всегда будет распоряжаться своими производственными издержками, *то есть* своими ежедневными средствами к существованию. Даже это слабое утешение исчезло позже, перед возобновлением исследования стоимости, проведенного Джевонсом,^[77] который продемонстрировал, что стоимость товара зависит от доступного количества и может упасть до нуля, когда предложение превысит спрос настолько, что окончательное увеличение предложения станет бесполезным.^[78] Факт, который безработные обнаружили без помощи дифференциального исчисления еще до рождения Джевонса. Частная собственность, по сути, не оставляла места для новоприбывших. Мальтус указывал на это и настаивал на том, что новоприбывших быть не должно, что население должно оставаться постоянным. Но население обратило ровно столько же внимания на это скромное требование стагнации, сколько приливная волна обратила на лодыжки короля Канута. Действительно, спрос был менее разумным, поскольку производственная мощность на душу населения росла быстрее, чем численность населения (как это происходит до сих пор), а рост бедности был вызван просто увеличением и частным присвоением ренты. После того как Рикардо завершил индивидуалистический синтез производства и обмена, разразилась диалектическая война. Прудону достаточно было бегло просмотреть рикардианский трактат, чтобы понять его ровно настолько, чтобы суметь показать, что политическая экономия была *доведением до абсурда* частной собственности, а не ее оправданием. Фердинанд Лассаль, с Рикардо в одной руке и Гегелем в другой, обратил все тяжелое оружие философов и экономистов против частной собственности с таким эффектом, что никто не осмелился

оспорить его характерное хвастовство непреодолимым вооружением социал-демократии в плане культуры. Карл Маркс, даже не отказываясь от рикардianской теории ценности, ухватился за "синие книги", в которых содержалась подлинная история скачков процветания Англии, и обвинил частную собственность в массовом разграблении, убийствах и принудительной проституции; в чуме, море и голодоморе; в сражениях, убийствах и внезапной смерти. Вряд ли это было то, чего ожидали от учреждения, о котором так много говорили. Многие критики заявили, что нападение было не справедливым: никто не осмелился притвориться, что обвинения не соответствуют действительности. Факты были не только признаны; они были законодательно закреплены. Социал-демократия развивалась как практически, так и академически. Прежде чем перечислить этапы переходного периода, я для формы объясню, что такое социал-демократия, хотя, несомненно, почти все мои слушатели уже знакомы с ней.

Что экономически предполагает достижение социализма, так это передачу ренты от класса, который теперь присваивает ее, всему народу. Поскольку рента является той частью продукта, которая не заработана индивидуально, это единственный справедливый метод распоряжения ею. Не существует способа избавиться от экономической ренты. До тех пор, пока плодородие земли варьируется от акра к акру и количество людей, проходящих мимо витрины магазина в час, варьируется от улицы к улице, в результате чего два фермера или два лавочника совершенно одинакового интеллекта и трудолюбия будут получать неодинаковую отдачу от своего годовичного труда, до тех пор будет справедливо отбирать у более богатого фермера или лавочника превышение над доходом его товарища, которым он обязан щедрости Природы или преимуществу положения, и делить это превышение ренты поровну между ними обоими. Если пара ферм или лавок останется в руках частного землевладельца, он заберет излишки и, вместо того чтобы разделить их между двумя своими арендаторами, сам будет празднично жить на них за их счет. Экономическая цель социализма, конечно, состоит не в том, чтобы уравнивать фермеров и лавочников в парах, а в том, чтобы распространить этот принцип на все сообщество, собирая всю ренту и направляя ее в национальную казну. Поскольку у частного собственника нет причин цепляться за свою собственность, кроме законного права брать арендную плату и тратить ее на себя — это юридическое право фактически является тем, что действительно делает его собственником, — его отмена означала бы его экспроприацию. Обобществление ренты означало бы обобществление источников производства путем экспроприации нынешних частных собственников и передачи их собственности всей нации. Таким образом, этот переход является предметом перехода к социализму, который начался около сорока пяти лет назад, насколько вообще можно сказать, что началась какая-либо фаза социальной эволюции.

Сразу станет ясно, что обоснованные возражения против социализма состоят исключительно из практических трудностей. Исходя из абстрактной справедливости, социализм не только не вызывает возражений, но является священным императивом. Я боюсь, что, по мнению обычного среднего класса, социализм вопиюще нечестен, но его можно было бы установить прямо завтра с помощью гильотины, если бы не было полиции, а люди были достаточно злыми. По правде говоря, это столь же честно, сколь и неизбежно; но все толпы и гильотины в мире могут установить это не больше, чем полицейское принуждение может предотвратить это. Первая практическая трудность возникает из-за идеи о том, что весь народ коллективно владеет землей, капиталом или чем-либо еще. Вот рента, получаемая от народного производства: вот карманы частных собственников. Проблема в том, чтобы перевести эту ренту не в частные карманы, а в карман народа. Да; но где карман народа? Кто такой народ? что такое

народ? Тома мы знаем, и Дика, и Гарри тоже; но исключительно и по отдельности как личности: как троица они не существуют. Кто является их доверенным лицом, их опекуном, их деловым человеком, их менеджером, их секретарем, даже их заинтересованной стороной? Эта трудность намертво останавливает социалиста на пороге практических действий до тех пор, пока он не начнет думать о государстве как о представителе и доверенном лице народа. Теперь, если вы только наскоро составите картину правительств, которые называли себя Государствами во времена Рикардо, состоящих из богатых собственников, издающих законы либо по божественному праву, либо с помощью исключительного избирательного права более бедных собственников, и наполняющих администрацию порождениями своего покровительства и фаворитизма; если вы посмотрите за пределы их ораторских парламентских дискуссий, проводимых со всем блеском и благопристойностью дорогостоящей фиктивной борьбы; если вы рассмотрите их классовые интересы, их бесстыдную коррупцию, расточительство и бесхозяйственность, которые опозорили все их неуклюжие попытки вести практический бизнес любого рода, то увидите, что они не имеют ничего общего с политикой. вы поймете, почему Рикардо, ясно видевший экономические последствия частного присвоения ренты, никогда не мечтал о государственном присвоении в качестве возможной альтернативы. Социалисту того времени было все равно: он был всего лишь благожелательным утопистом, который планировал образцовые сообщества и время от времени осуществлял их с отрицательно поучительными и положительно катастрофическими результатами. Когда его преемники учились экономике у Рикардо, они увидели трудность так же ясно, как и вульгаризаторы Рикардо, доктринеры-виги, которые принимали некомпетентность и коррумпированность государств как постоянные неотъемлемые качества государства, подобные кислотности лимонов. Не то чтобы социалисты тоже не были доктринерами; но вне экономики они были учениками Гегеля, в то время как виги были учениками Бентама и Остина. Школа Бентама не была той школой, в которой люди учились решать проблемы, к которым только история могла дать ключ, или формировать концепции, принадлежащие эволюционному порядку. Гегель, с другой стороны, недвусмысленно проповедовал концепцию совершенного государства; и его ученики видели, что ничто в природе вещей не делало невозможным или даже особенно трудным сделать существующее государство если не абсолютно совершенным, то, по крайней мере, практически заслуживающим доверия. Они созерцали наглого и неэффективного государственного чиновника своего времени, не спеша с выводом о том, что государственная форма обладает волшебным свойством уничтожать в носителе все деловые способности, честность и обычную вежливость. Когда государственные чиновники получали свои посты благодаря фаворитизму и покровительству, эффективность с их стороны была случайностью, а вежливость - снисхождением. Когда они сохраняли свои посты без какой-либо реальной ответственности перед обществом, они, естественно, обманывали общественность, превращая свои должности в синекуры, и оскорбляли общественность, когда из-за личного расследования это создавало проблемы. Но каждое успешно действующее частное предприятие в королевстве было примером легкости, с которой государственные предприятия могли быть реформированы, как только появлялось действенное желание найти способ. Сделайте сдачу достаточного экзамена необходимым предварительным условием для вступления в исполнительную власть; сделайте исполнительную власть ответственной перед правительством, а правительство - перед народом; и государственным ведомствам будут предоставлены все гарантии честности и эффективности, на которые претендуют частные охотники за деньгами. Таким образом, старое пугало Государственного идиотизма не привело социалиста в ужас: оно только сделало его демократом. Но называть себя так просто означало бы причислить его к обычным

деструктивным политикам, которые являются демократами без скрытых взглядов во имя формальной демократии — теми, чье представление о радикализме заключается в вырывании с корнем аристократических институтов, — которые, вкратце, являются своего рода Универсальными аболиционистами. Следовательно, у нас есть особый термин "Социал—демократ", обозначающий мужчину или женщину, которые желают посредством демократии объединить весь народ в государство, чтобы государству можно было доверить ренту страны и, наконец, землю, капитал и организацию национальной промышленности - короче говоря, все источники производства, которые сейчас отданы на откуп алчности безответственных частных лиц.

Преимущества такого изменения, как это, настолько очевидны для всех, за исключением существующих частных собственников и их паразитов, что крайне необходимо настаивать на невозможности осуществить его внезапно. Молодой социалист склонен к катастрофизму в своих взглядах — планировать революционную программу как дело, длящееся двадцать четыре оживленных часа, с индивидуализмом в полном разгаре в понедельник утром, приливной волной восставшего пролетариата в понедельник днем и социализмом в полном рабочем состоянии во вторник. Человек, который верит, что такое счастливое завершение возможно, естественно, сочтет абсурдным и даже бесчеловечным настаивать на кровопролитии, чтобы добиться этого. Он может доказать, что сохранение нынешней системы в течение года стоит больше страданий, чем можно было бы вместить в любой понедельник днем, каким бы кровавым он ни был. Это та фаза убеждения, на которой произносятся те социалистические речи, которые создают то, что газеты называют "хорошим тиражом", и которые пока являются единственными, о которых они сообщают. Такие речи поощряются поспешным противодействием, которое они вызывают у легкомысленных людей, которые начинают с молчаливого признания того, что внезапные перемены возможны, и продолжают протестовать, что это было бы безнравственно. Опытный социал-демократ обращает своего слишком рьяного последователя, сначала признавая, что если бы изменение могло быть произведено катастрофически, оно того стоило бы, а затем продолжает указывать, что, поскольку это потребовало бы перестройки производственной отрасли для удовлетворения спроса, создаваемого совершенно новым распределением покупательной способности, это также потребовало бы изменений в применении рабочей силы и промышленного оборудования, которых не могла бы произвести никакая дневная работа. Вы не сможете убедить никого, что невозможно свергнуть правительство за один день; но все уже убеждены, что вы не можете превратить вагоны первого и третьего классов во второсортные, ночлежные дома и дворцы - в удобные жилища, а ювелиров и портних - в пекарей и строителей простым пением "Марсельезы". Ни один здравомыслящий человек, как бы глубоко он ни был убежден в том, что работа придворной портнихи не имеет истинной общественной пользы, не стал бы празднично нанимать ее среди по-настоящему продуктивных работников, пока для нее не подготовят место в их рядах. Ибо, хотя в настоящее время она, по сути, расквартирована на них, все же она, по крайней мере, избегает деморализации от безделья. Пока ее новое жилище не будет готово, лучше, чтобы ее покровители нашли ей занятие по пошиву одежды, чем чтобы сатана нашел пакости. Разрушить Бастилию с семьей заключенными в ней - это одно, а разрушить Бастилию с четырнадцатью миллионами заключенных - совсем другое. Мне нет нужды распространяться по этому поводу: необходимость осторожных и постепенных изменений должна быть очевидна для

всех присутствующих здесь, и могла бы стать очевидной для всех остальных, если бы только сторонники катастрофы были мужественно и разумно рассмотрены в ходе дискуссии.

Что же тогда конкретно означает постепенный переход к социал-демократии? Это означает постепенное расширение избирательного права; и передачу арендной платы и процентов государству не единовременно, а частями. При таком взгляде сразу станет видно, что мы уже далеко продвинулись по пути, и многие политики подталкивают нас к дальнейшему развитию, которым и в голову не приходит, что они соприкасаются с социализмом — более того, они искренне отвергли бы это прикосновение как заразу. Давайте посмотрим, как далеко мы зашли. В 1832 году политическая власть перешла в руки среднего класса; а в 1838 году лорд Джон Рассел объявил об окончательном решении. Тем временем в 1834 году средний класс смел последнее экономическое прибежище рабочих - старый Закон о бедных - и поставил их голыми перед фуриями конкуренции.^[79] Последовали десятилетние потрясения и активная эмиграция; а затем в дело вмешался тонкий кончик клина. Был установлен подоходный налог; и вступили в силу фабричные законы. Подоходный налог (1842), который с точки зрения индивидуалистических принципов является невыносимой расточительной аномалией, представляет собой просто принудительную передачу ренты, процентов и даже ренты за способности от частных владельцев государству без компенсации. Это оправдывало себя перед вигами на том основании, что те, у кого больше всего собственности, которую государство должно защищать, должны платить за ее защиту *адвалорно*. Фабричные акты вычеркнули анархическую теорию безответственности частного предпринимательства из практической политики; сделали работодателей ответственными перед государством за благополучие своих работников; и перевели дополнительную часть прибыли непосредственно рабочему путем повышения заработной платы. Затем последовали открытия золота в Калифорнии (1847) и Австралии (1851) и период скачков, поддерживаемый экономической рентой от изобилия полезных ископаемых в Англии, который разжег регрессивные инстинкты мистера Гладстона в тщетной надежде на отмену подоходного налога. Эти события ослабили давление, вызванное Новым Законом о бедных. Рабочие быстро организовались в профсоюзы, которые тогда были осуждены за их тенденцию подрывать мужественную независимость, которая раньше была характерна для британского рабочего,^[80] и которые сегодня преподносятся ему как самополезное воплощение этой мужественной независимости. Тем не менее, самопомощь процветала, особенно в Манчестере и Шеффилде; за государственную помощь голосовали как за бабку; заработная плата росла; и профсоюзы, подобно мухе на колесе, думали, что они ее повысили. Они ошибались; но ценность профсоюзного движения в пробуждении социальной совести квалифицированных рабочих была огромной, хотя этому сильно мешала его тенденция разрушать их художественную совесть, заставляя их осознавать, что их долг друг перед другом - препятствовать быстрому и эффективному мастерству всеми доступными им средствами. Расширение избирательного права, которое на самом деле было частью демократии, а не, подобно Законопроекту о реформе 1832 года, лишь шагом к ней, было достигнуто в 1867 году; и сразу же после этого последовал еще один шаг к социализму в форме дальнейшей передачи ренты и процентов от частных владельцев государству с целью образования людей. Тем временем необычайный успех почтового отделения, которое, согласно учению Манчестерской школы, должно было быть гнездом некомпетентности и халатности, не только продемонстрировал совершенную эффективность государственного предприятия, когда чиновники несут ответственность перед классом, заинтересованным в его успехе, но также доказал огромное удобство и дешевизну социалистических или коллективистских сборов по

сравнению с расходами частного предприятия. Например, главный почтмейстер взимает пенни за отправку письма весом в унцию из Кенсингтона в Бэйсуотер. Частное предприятие отправило бы полфунта на то же расстояние за фартинг и получило бы на этом солидную прибыль. Но главный почтмейстер также отправляет письмо весом в унцию из Лэндс-Энда в дом Джона о'Грота за пенни. Частное предприятие, вероятно, потребовало бы по меньшей мере шиллинг, если не пять, за такую услугу; и есть много мест, в которых частное предприятие ни на каких условиях не могло бы содержать почтовое отделение. Следовательно, гражданин, которому нужно отправить десять писем, значительно экономит за счет единой социалистической платы и вполне осознает необходимость жесткой защиты монополии почтмейстера.

После 1875 года^[81] стремительное процветание, после последнего рывка, во время которого подоходный налог упал до двух пенсов, выдохлось и до сих пор не восстановилось. Россия и Америка, среди прочих конкурентов, начали удивительно быстро повышать уровень самосовершенствования. Образование начало усиливать ощущение страдания и проливать свет на его причины в темных уголках. Капитал, необходимый для того, чтобы английская промышленность не отставала от растущего населения, начал привлекаться скачкообразным ростом иностранных займов и инвестиций,^[82] и привозить в Англию в счет уплаты процентов импорт, который не был оплачен экспортом — явление, невыразимо приводящее в замешательство Кобден-клуб. Старое давление тридцатых годов восемнадцатого века вернулось снова; и вскоре, словно чартизм и Фергюс О'Коннор восстали из мертвых, Демократическая федерация и мистер Х. М. Хайндман появились на поле боя, весьма значительные как знамения времени и чудовищно преувеличенные в виноватых глазах собственности, если и не имеющие большого значения как непосредственные факторы хода событий. Множество молодых людей, учеников Милля, Спенсера, Конта и Дарвина, воодушевленных “Прогрессом и бедностью” мистера Генри Джорджа, оставили в стороне эволюцию и свободомыслие; занялись экономикой восстания; изучали Карла Маркса; и были настолько убеждены, что социализм нужно было только ясно изложить рабочему классу, чтобы сконцентрировать мощь его огромного числа в одной непреодолимой организации, что Революция была назначена самое позднее на 1889 год — годовщину Французской революции. Я помню, как в то время меня насмешливо и публично спросили, сколько, по моему мнению, времени потребовалось бы, чтобы привести социализм в рабочее состояние, если бы я добился своего. Я ответил с наигранной скромностью, что для этой цели было бы вполне достаточно двух недель. Если я добавлю, что меня часто хвалили за то, что я один из наиболее разумных социалистов, вы сможете оценить пылкость наших убеждений и экстравагантное легкомыслие наших практических идей. Противодействие, которое мы получили, было неструктурным: оно в основном основывалось на предположении, что наши проекты теоретически несостоятельны, но возможны немедленно, в то время как наше слабое место заключалось в том, что в действительности все было с точностью до наоборот. Однако последующие годы просеяли и отрезвили нас. “Социалисты”, как их называли, стали социал-демократической партией, не более повстанческой по своей политике, чем любая другая партия. Но я не буду представлять остаток перехода к социал-демократии как работу вполне сознательных социал-демократов. Я предпочитаю вообще игнорировать их — предполагать, если хотите, что правительство вскоре последует совету *Saturday Review*, ради мира и тишины, повесит их.

Итак, во-первых, о завершении демократии. С 1885 года каждому мужчине, который платит четыре шиллинга арендной платы в неделю, могут помешать голосовать только аномальные условия регистрации, которые, вероятно, очень скоро исчезнут. Это все, кроме избирательного права взрослого человека; и вскоре оно превратится в избирательное право взрослого человека. Однако я могу оставить в стороне избирательное право взрослых, потому что объявление женщин вне закона, каким бы чудовищным оно ни было, - это вопрос не классовых привилегий, а сексуальных привилегий. Таким образом, чтобы завершить создание демократического государства, нам нужно избирательное право мужчин, отмена всех ограничений по бедности, упразднение Палаты лордов, государственная оплата расходов на выдвижение кандидатов, государственная оплата представителей и ежегодные выборы. Эти изменения теперь неизбежны, какими бы неприемлемыми они ни казались тем из нас, кто является консерваторами. На протяжении полувека они были обычным явлением для радикализма. Далее мы должны рассмотреть, что государство - это не просто абстракция: это машина для выполнения определенной работы; и если эту работу увеличить и изменить ее характер, то механизм тоже должен быть умножен и изменен. Расширение франшизы действительно значительно увеличивает объем работ и изменяет их, но это не оказывает прямого влияния на оборудование. В настоящее время государственная машина практически сломалась под давлением распространения демократии, работа ведется в основном на местах, а механизм - в основном в центре. Без эффективного местного механизма о замене частного предпринимательства государственным не может быть и речи; и вскоре мы увидим, что такая замена является одним из неизбежных последствий демократии. Демократическое государство не может стать *социал*-демократическим государством, если оно не имеет в каждом населенном пункте местного органа управления, столь же насквозь демократического по своей конституции, как центральный парламент. Этот вопрос также находится в стадии разработки. В 1888 году правительство, откровенно реакционное, приняло закон о местном самоуправлении, который осуществил заметный прогресс в направлении демократического муниципалитета.^[83] Более того, в этом Законопроекте нигде не было ни единого аспекта окончательности. Местное самоуправление по-прежнему занимает видное место в сфере практической политики. Когда это будет достигнуто, демократическое государство получит механизм для построения социализма.

А теперь, каким образом сырье социализма — иначе говоря, пролетарский человек — должно быть доставлено в демократическую государственную машину? И здесь путь легко найти. Политики, которые не подозревают, что они социалисты, выступают за дальнейший рост социализма с безрассудством косвенных результатов, которое шокирует сознательного социал-демократа. Феномен экономической ренты приобрел огромные масштабы в наших крупных городах. Несправедливость ее частного присвоения вопиющая, вопиюще, почти смехотворна. На длинных пригородных дорогах Лондона, где ряды совершенно одинаковых домов тянутся на многие мили вглубь страны, арендная плата меняется через каждые несколько тысяч ярдов ровно на сумму, ежегодно сэкономленную или понесенную при поездках к месту работы домовладельца и обратно. Искатель жилья, колеблющийся между "Блумсбери" и "Тоттенхэмом", обнаруживает, что домовладелец с научной точностью перечислил все преимущества ситуации. По мере того как сдается аренда за арендой, дома, магазины, коммерческие предприятия, являющиеся плодами труда всей жизни, попадают в пасть землевладельца. Конфискация капитала, разграбление семей, уничтожение стимулов - все, в чем самый невежественный и доверчивый владелец фонда когда-либо обвинял социалиста,

открыто свирепствует в Лондоне, который начинает задаваться вопросом, существует ли он и трудится ли только для типичного герцога, его знаменитого жокея и его знаменитой скаковой лошади. Лорд Хобхаус и его безупречно респектабельный комитет по налогообложению стоимости земли уже действуют на местах, заявляя о стоимости участка в Лондоне для Лондона коллективно; и их агитация получает дополнительный импульс с каждой поступающей арендой. Их доводы неопровержимы; и зло, на которое они нападают, - это то, которое давит на классы налогоплательщиков и арендаторов, а также на более скромных страдальцев. Это экономическое давление значительно усиливается политическими взглядами в рабочих ассоциациях. Здесь умеренные депутаты довольствуются требованием прогрессивного подоходного налога, что фактически является предложением лорда Хобхауса; а экстремисты всецело выступают за национализацию земли, что опять же является принципом лорда Хобхауса. Призывам к такому налогообложению невозможно постоянно сопротивляться. И весьма достойно замечания, что в этом призыве прозвучала новая нотка. Раньше налоги предлагались с определенной целью — например, для оплаты войны, образования или чего-то подобного. Теперь предлагается обложить налогом арендодателей, чтобы вернуть им часть *наших* денег — сначала заберите их у них, а потом найдите им применение. С тех пор как книга мистера Генри Джорджа попала к английским радикалам, растет склонность ввести налог в размере двадцати шиллингов с фунта на явно незаработанные доходы; то есть сбрасывать четверста пятьдесят миллионов^[84] в год на счет Казначейства; а затем удалиться с троекратными возгласами "ура" за возвращение земли народу.

Результаты такого судебного разбирательства, если бы оно действительно состоялось, в значительной степени ошеломили бы его сторонников. Улицы в настоящее время были бы заполнены голодающими рабочими всех сословий, домашней прислугой, каретниками, декораторами, ювелирами, кружевницами, модными профессионалами и бесчисленным множеством других людей, которые в настоящее время зарабатывают на жизнь, удовлетворяя нужды этих людей и класса собственников. "Вот, " кричали они, " до чего довели нас ваши теории! Вернемся к старым добрым временам, когда мы получали жалованье, которое, по крайней мере, было лучше, чем ничего". Очевидно, что у министра финансов были открыты для него три пути. (1) Он вернул бы деньги помещикам и капиталистам с извинениями. (2) Он мог бы попытаться запустить с их помощью государственную промышленность для трудоустройства людей. (3) Или он мог бы просто распределить ее среди безработных. О последнем думать не стоит: все лучше, чем *панем и цирк*. Второй (запуск государственной промышленности) был бы слишком масштабным мероприятием, чтобы приступить к нему достаточно быстро, чтобы справиться с насущной трудностью. Первое (возвращение с извинениями) было бы *доведением до абсурда* всего дела — признанием того, что частный собственник, при всей его праздности и ненасытности, действительно выполняет незаменимую экономическую функцию — функцию капитализации, какой бы расточительной и порочной она ни была, богатства, которое превосходит его неизбежно ограниченную способность к непосредственному личному потреблению. И здесь мы имеем шах и мат простому Генри джорджизму, или государственному присвоению ренты без социализма. Легко показать, что государство имеет право на весь доход герцога Вестминстерского, и на основании этого доказать, что он должен немедленно облагаться налогом в размере двадцати шиллингов с фунта. Но на практике государство не имеет права брать пять фартингов капитала у герцога или кого-либо еще, пока оно не будет готово вложить их в производительное предприятие. Последствия изъятия капитала из частных рук только для того, чтобы непродуктивно хранить его в казне, были бы настолько быстрыми и

разорительными, что ни один государственный деятель, как бы он ни был укреплен разрушительными ресурсами абстрактной экономики, не смог бы упорствовать в этом. В будущем, как и в прошлом, обнаружится, что правительства будут собирать деньги только потому, что они нужны им для определенных целей, а не для *априорных* демонстраций того, что они имеют на это право. Но следует добавить, что когда они *действительно* захотят этого для определенной цели, то и в будущем, как и в прошлом, они будут настаивать на этом, не обращая ни малейшего внимания на *априорные* демонстрации того, что они не имеют на это права.

Итак, мы зашли в тупик. Несмотря на демократов и сторонников национализации земли, на арендную плату нельзя повлиять, если только некоторое давление со стороны совершенно другой стороны не заставит государство создавать производственные предприятия. Такое давление уже оказывается. Быстрое истощение безработных, медленное истощение занятых, у которых нет относительно дефицитных специальных навыков, невыносимое беспокойство или опасное безрассудство тех, кто работает сегодня, а завтра останется безработным, рост арендной платы в городах, завышение заработной платы из-за иммиграции пауперов и увеличения числа домовладений, непрерывный рост образования и недовольство - все это приводит к взрыву. Бесполезно доказывать статистикой, что большинство людей стали жить лучше, чем раньше, как бы верно это ни было, благодаря частям социал-демократии. Однако даже это вызывает сомнение, поскольку бесполезно претендовать на авторитетность статистических данных о вещах, которые никогда не были зарегистрированы. У хаоса нет статистики: у него есть только статистики; и самый способный из них предваряет свои замечания о возросшем потреблении риса признанием, что “никто не может созерцать нынешнее состояние масс, не желая чего-то вроде революции к лучшему”.[85] Сами массы так быстро обращаются к такому взгляду на ситуацию, что у нас есть панангликанские синоды, сбитые с толку возрождением христианства, заявляющие, что, хотя социализм в высшей степени христианский, все же “Церковь должна действовать безопасно и возвышенно”.[86] Во время волнений, устроенных безработными прошлой зимой (1887-1888 гг.), главный комиссар полиции Лондона вздрогнул от собственной тени и принял мистера Джона Бернса за французскую революцию, к великому удовольствию этого гениального и мужественного защитника своего класса.[87] О существовании давления дополнительно свидетельствует количество и разнообразие предохранительных клапанов, предлагаемых для его снятия — монетизация серебра, импортные пошлины, “предоставление прав аренды”, распространение акционерного капитализма, маскирующегося под кооперацию,[88] и другие неуместные вещи. Мое собственное внезапное продвижение с улицы на эту платформу - в своем роде знамение времени. Но пока мы указываем на мораль и украшаем историю в соответствии с нашими различными мнениями, начинается настоящая борьба между безработными, которые требуют работы, и местными властями, назначенными для работы с бедными. Зимой безработные собирают круглые красные флаги и слушают речи, потому что им больше нечем заняться. Они приветствуют социализм, повстанчество, помешательство на валюте — все, что помогает скоротать время и, кажется, выражает тот факт, что они голодны. Местные власти, столь же невиновные в обоснованных экономических взглядах, отрицают существование какой-либо нищеты; посылают лидеров депутаций в Совет местного самоуправления, который немедленно отправляет их обратно опекунам; пробуют травлю; пробуют кладбища; пробуют избиения дубинками; и, наконец, беспомощно садятся и желают, чтобы снова наступило лето или безработные оказались на дне моря. Тем временем благотворительный фонд, который гораздо менее эластичен, чем фонд заработной платы, переполняется в Особняке только для того,

чтобы иссякнуть в постоянных учреждениях. Такое нестабильное положение вещей не может продолжаться долго. Избиение дубинками и шокирующий призыв к кровопролитию со стороны антинародных газет вызовут отвращение у гуманной части среднего класса. Часть, которая ослеплена классовыми предрассудками по отношению ко всякому чувству социальной ответственности, боится личного насилия со стороны рабочего класса с суеверным ужасом, который не поддается просвещению или контролю.^[89] Наконец-то должна быть предложена работа в муниципалитете. Это невозможно сделать только в одном месте: наплыв из других частей страны сведет на нет изолированный эксперимент. Где бы ни было давление, сброс должен быть произведен на месте. И поскольку общественная порядочность, а также уважение к вышестоящим должностным лицам не позволят Совету графства установить шестнадцатичасовой рабочий день с зарплатой в пенни в час или меньше, вскоре в его руках окажутся не только безработные, но и белые рабы свитеров, которые сбегут из своих берлог и обратятся в муниципалитет за работой, как только поймут, что работа в муниципалитете лучше, чем частное потение. Более того, сам свитер, простой надсмотрщик за рабами, которому платят “поштучно”, во многих случаях будет так же, как и его жертвы, стремиться сбежать от его отвратительного ремесла. Но муниципальная организация промышленности этих людей потребует капитала. Где муниципалитет может его взять? О повышении ставок не может быть и речи: обычные торговцы и домовладельцы уже оценены и арендованы на пределе своих возможностей: дальнейшее обременение едва ли не вынудило бы их выйти на улицу с красным флагом. Ужасная дилемма! в которой Совет графства, находясь между дьяволом и морской пучиной, услышит, как лорд Хобхаус поет песню освобождения, рассказывая золотую сказку о землях, которые должны быть муниципализированы путем налогообложения. Националисты земли пополнят хор: радикальные сторонники прогрессивного подоходного налога будут петь вместе, а платящие арендаторы будут кричать от радости. Таким образом, проблема с капиталом решена — поскольку нам не нужно всерьез ожидать, что землевладельцы действительно будут бороться, как когда-то угрожал наш президент^[90], — встанет вопрос о приобретении земли. Националисты заявят о его аннексии муниципалитетом без компенсации; но это будет отвергнуто как разграбление, достойное только социалистов-революционеров. Клич о бескомпенсации действительно является проявлением непрактичного катастрофического бунтарства; ибо, хотя компенсация была бы ненужной и абсурдной, если бы все собственники были экспроприированы одновременно, а система собственности сразу же заменена полномасштабным социализмом, все же, когда необходимо продвигаться постепенно, отказ в компенсации привел бы к выделению отдельных собственников для экспроприации, в то время как другие оставались бы невредимыми, и лишил бы их личных средств задолго до того, как для них была бы готова подходящая муниципальная работа. Следовательно, земля, как это требуется, будет куплена честно; а деньги на покупку или проценты по ним будут получены, подобно капиталу, путем обложения налогом ренты. Конечно, по сути, это будет актом экспроприации точно так же, как сбор подоходного налога сегодня является актом экспроприации. Как таковое, это будет осуждено землевладельцами просто как совершение новейшего греха самым старым способом. Фактически, они будут вынуждены при каждой покупке выкупать одного из своих членов и передавать его землю муниципалитету, тем самым справедливо распределяя убытки между всем своим классом, вместо того чтобы возлагать их на одного человека, который несет не большую ответственность, чем остальные. Но они будут вынуждены делать это таким образом, чтобы удовлетворить моральные чувства обычного гражданина так же эффективно, как и квалифицированного экономиста.

Теперь мы предполагаем, что наш муниципалитет получит землю и капитал для промышленных целей. Сначала они естественным образом расширят отрасли, которыми они уже занимаются, - дорожное строительство, газовый завод, трамвайные пути, строительство и тому подобное. Вполне вероятно, что они по большей части будут рассматривать свои действия как простой способ справиться с мимолетной чрезвычайной ситуацией. Манчестерская школа будет настаивать на своих протекционистских теориях об освобождении частного предпринимательства от конкуренции с государственным предприятием в одной из величайших попыток в последний раз попрактиковаться в массовом невежестве в отношении науки, которую она последовательно стремилась унижить и свести на нет. На какое-то время партии собственников удастся затруднить и ограничить муниципальные предприятия;^[91] в прикреплении к своей службе клейма пауперизма; в том, чтобы максимально приблизить количество своих работников к уровню частной конкуренции в плане тяжелой работы и низкой заработной платы. Но его сила будет подорвана исчезновением той общей необходимости снижать тарифы, которая сейчас вынуждает местные власти прибегать к гуманным призывам. Роскошь быть щедрым за чужой счет будет непреодолимой. Землевладельцем станет муниципальная дойная корова; а обычные налогоплательщики почувствуют преимущество спать спокойно, сразу избавившись от страха перед возросшим бременем и от того, что их окна будут разбиты, а помещения разграблены голодными толпами, ядрами всего социализма и негодяйства в городе. Они будут испытывать такие же угрызения совести, заставляя арендодателя платить, как и арендодатель заставлял платить их — ровно столько же и не больше. И по мере того, как муниципалитет станет более демократичным, он обнаружит, что лендлордизм теряет власть не только относительно демократии, но и абсолютно.

Однако обычная процентная ставка не останется неизменной надолго. В самом начале нового расширения муниципальных отраслей встанет вопрос о заработной плате. Минимальная заработная плата должна быть фиксированной; и хотя поначалу, чтобы избежать непреодолимого наплыва претендентов на работу, ее нужно сделать слишком маленькой, чтобы любой прилично нанятый рабочий бросил свое место и побежал в муниципалитет, все же это не будет откровенно адская заработная плата при конкуренции. Она будет, подобно средневековой заработной плате, фиксированной с учетом, по крайней мере, некоторой ссылки на общественное мнение как на становящийся стандартом комфорта. Сверх этого муниципалитету придется выплачивать своим организаторам, менеджерам и, случайно, необходимым квалифицированным рабочим полную рыночную цену их способностей, за вычетом только того, на что их может побудить высокий престиж и постоянство государственной службы. Но хотя эти высокие зарплаты произведут на рынке труда не больше потрясений, чем создание новой акционерной компании, минимальная заработная плата для рабочих окажет ощутимое влияние на этот рынок. Самые худшие свитеры обнаружат, что если они хотят сохранить свои “руки”, то должны обращаться с ними по крайней мере так же хорошо, как с муниципалитетом. Последующее повышение заработной платы поглотит узкую маржу прибыли производителя свитера. Следовательно, свитер должен повысить цену за штуку по сравнению с магазинами и оптовыми торговыми домами, для которых он потеет. Это снова уменьшит прибыль оптовых торговцев и владельцев магазинов, которые не смогут возместить эту потерю путем повышения цен на свои товары в ущерб населению, поскольку, если бы такой шаг был возможен, они предприняли бы его раньше. Но, к счастью для них, рыночная стоимость их способностей как деловых людей определяется теми же законами, которые регулируют цены на товары. Точно так же, как свитер стоит его прибыли, так и они стоят своей прибыли; и точно

так же, как свитер сможет взыскать с них свое старое вознаграждение, несмотря на повышение заработной платы, так и они смогут взыскать свое старое вознаграждение, несмотря на повышение условий для свитеров. Но от кого, спросят, если не от общественности путем повышения цен на товары? Очевидно, от землевладельца, на земле которого они организуют производство. Другими словами, они будут требовать и добиваться снижения арендной платы. Таким образом, организатор производства, чистый работодатель, *предприниматель*, как его часто называют в экономических трактатах в наши дни, не пострадает. При разделе продукта его доля останется постоянной, в то время как доля трудолюбивого наемного рабочего увеличится, а доля праздного собственника уменьшится. Это не уладится само собой без трений и шума; но такие трения постоянно продолжаются при нынешней системе в противоположном направлении, *т.е.* Путем увеличения доли собственника за счет доли рабочего.

Сокращение доходов арендодателей неизбежно приведет к уменьшению поступлений от налогообложения таких доходов. Предположим, что муниципалитет, чтобы сохранить свои доходы, добавляет дополнительный пенни к фунту стерлингов. В результате свеча домовладельца сгорит с обоих концов — очевидно, что это не тот процесс, который можно продолжать до бесконечности. Но задолго до того, как налогообложение перестанет быть источником муниципального капитала, муниципалитеты начнут экономить капитал за счет продукции своих собственных отраслей. На рынке конкуренция этих отраслей с частными концернами будет непреодолимой. Не обремененные ни одним праздным человеком и, следовательно, не имея ничего, что можно было бы обеспечить после выплаты заработной платы своим работникам, кроме увеличения капитала, они смогут предложить заработную плату, которую не смог бы себе позволить ни один бизнес, обремененный непроизводительным потреблением праздного землевладельца или акционера, если только он не приносил высокую арендную плату вследствие какого-либо заметного преимущества местоположения. Но даже арендная плата, если это городская рента, в долгосрочной перспективе зависит от муниципалитета. Хозяева улиц и дорожного движения могут ухаживать за одним участком и пренебрегать другим. Арендная плата магазина зависит от количества людей, проходящих мимо его витрин в час. Умело рассчитанная по времени серия экспериментов с мощением, новый мост, трамвайное сообщение, казармы или больница для больных оспой — вот лишь некоторые из обстоятельств, от которых зависит городская рента. Власть муниципалитета контролировать эти обстоятельства столь же очевидна, как и бессилие конкурирующих частных лиц. Опять же, конкурирующие частные лица вынуждены продавать свою продукцию по цене, эквивалентной полной себестоимости продукции на границе выращивания.^[92] Муниципалитет мог бы конкурировать с ними, снизив цены до средней себестоимости продукции по всей площади муниципального возделывания. Частные концерны, расположенные в более выгодном положении, могли справиться с этим, только прекратив платить арендную плату; менее выгодные предприятия уступили бы без каких-либо средств правовой защиты. Это было бы либо безвыходным положением, либо шах и мат. Частная собственность либо стала бы бесплодной, либо она приносила бы фактическому земледельцу средних способностей доход не выше того, который можно было бы более надежно получать при муниципальной работе. Простому собственнику она ничего бы не принесла. В конце концов земля и промышленность всего города перешли бы в результате стихийного действия экономических сил в руки муниципалитета; и пока что проблема обобществления промышленности была бы решена.

Частная собственность, удешевляя рабочего до предела, чтобы выжать из него еще больший излишек, снижает уровень развития человека и, таким образом, повышает “ренду способностей”. Наиболее важной формой этой ренты является прибыль от управления производством. Достижения великого художника-портретиста или модного врача гораздо менее значительны, поскольку они полностью зависят от существования очень богатого класса покровителей, подверженных острому тщеславию и ипохондрии. Но промышленный организатор независим от покровителей: вместо того, чтобы просто привлекать к себе большую долю продукта промышленности, он увеличивает объем продукта за счет своего руководства. Рыночная цена такой способности зависит от соотношения предложения и спроса: чем ее больше, тем она дешевле: чем меньше, тем дороже. Любая причина, увеличивающая предложение, снижает цену. Теперь очевидно, что, поскольку менеджер должен быть человеком образованным и решительным, бесполезно обычно обращаться к рабочему классу за управленческими навыками. Ни одному рабочему из миллиона не удастся подняться на плечах своих товарищей благодаря экстраординарным способностям, или экстраординарной удаче, или тому и другому вместе. Менеджеры должны набираться из классов, пользующихся образованием и социальной культурой; и цена на них, как бы быстро она ни падала с распространением образования и последующим ростом “интеллектуального пролетариата”, все еще высока. Это правда, что очень способного и высококвалифицированного менеджера сейчас можно нанять примерно за 800 фунтов стерлингов в год, при условии, что его должность не вынуждает его тратить две трети своего дохода на то, что называется “поддержанием своего положения”, а не на собственное удовлетворение.^[93] И все же, если учесть, что рабочие получают менее 50 фунтов стерлингов в год и что спрос на рабочих неизбежно велик пропорционально спросу на способных менеджеров, более того, что между ними существует обратное соотношение, поскольку талант менеджера ценен пропорционально количеству труда, который он может организовать, то будет признано, что 800 фунтов стерлингов в год представляют собой огромную ренту за способности. Но если бы образованием и культурой, которые являются практически необходимой частью оснащения кандидатов на такие должности, пользовались миллионы, а не тысячи, эта арендная плата значительно упала бы. Итак, тенденция частной собственности состоит в том, чтобы держать массы всего лишь вьючными животными. Тенденция социал-демократии состоит в том, чтобы обучать их, делать из них людей. Социал-демократия недолго была бы обременена рентой за способности, которая в течение последнего столетия сделала наших прирожденных капитанов промышленности нашими хозяевами и тиранами, а не нашими слугами и лидерами. Возможно даже, что рента за управленческие способности со временем может стать отрицательной,^[94] каким бы удивительным это ни казалось многим людям, которые к этому времени настолько безнадежно запутались среди существующих аномалий, что утверждение о том, что “кто из вас хочет быть самым главным, тот будет слугой всех”, поражает их скорее как утопический парадокс, чем как наиболее очевидное и неизбежное из социальных соглашений. Однако снижение арендной платы за мощь пойдет на пользу не только муниципалитету, но и его оставшимся частным конкурентам. Тем не менее, по мере роста престижа муниципалитета и по мере того, как люди все яснее видят, какое у него будущее, способные организаторы будут получать более низкую заработную плату на муниципальной службе, чем на частной; в то время как те, кто может превзойти даже муниципалитет в организации, или кто, как профессионалы, может лично общаться с общественностью без вмешательства промышленной организации, будут платить арендную плату за свои коммерческие помещения либо непосредственно муниципалитету, либо частному арендодателю, доход которого муниципалитет поглотит за счет

налогообложения. Наконец, когда рента за способность достигла своего неснижаемого естественного уровня, с ней можно было бороться за счет прогрессивного подоходного налога в очень маловероятном случае, если она создавала серьезные социальные неудобства.

Нет необходимости вдаваться далее в экономические подробности процесса исчезновения частной собственности. Большая часть этого процесса, описанного здесь, может быть предвосхищена секциями класса собственников, последовательно капитулирующими по мере того, как сеть закрывается из-за их особых интересов, на таких условиях, которые они, возможно, смогут отстаивать, прежде чем их власть будет полностью сломлена.^[95]

Мы также можем на данный момент спокойно пренебречь вопросом превращения Палаты общин в центральное правительство, которое будет органом федерализации муниципалитетов и национализации межмуниципальной ренты путем корректировки муниципальных взносов в имперское налогообложение: короче говоря, для ведения национального бизнеса в отличие от местного. Видно, что муниципальные правления будущем будет огромным делом, что иностранные государства будут сильно влияет на реакцию английский прогресса; это международная торговля, как всегда очень доминирующим фактором во внешней политике, придется пересмотреть с новой точки зрения, когда прибыль приходит, чтобы быть рассчитаны в натуральном выражении объем социального обеспечения, а не отдельных наживы; что наша нынешняя система имперской агрессии, в которой под предлогом разведки и колонизации, флаг следует за пирата и торговля следует за флагом, с миссионерской замыкавший колонну, должна рухнуть, когда контролем наших Вооруженных сил переходит из класса капиталистов в люди; что исчезновение различных классов с различными каковы сейчас смешно называемое "общественное мнение" будет сопровождаться сварочного общества в один класс с общественным мнением немыслимо вес; что это общественное мнение будет делать это впервые, можно эффективно управлять населением; что для экономической независимости женщин, и вытеснения главы семьи лицом как признанного единица государства существенно изменяет статуса детей и полезность института семьи; и, что неизбежно восстановления государственной церкви на демократических началах могут, например, открыть возможность избрания отъявленный свободомыслящий, как г-н Джон Морли и Мистер Брэдло в деканате Вестминстерского. Все это упоминается только ради того, чтобы взглянуть на плодородные поля мысли и действия, которые ожидают нас, когда решение нашего вопроса о хлебе с маслом позволит нам свободно использовать и развивать наши высшие способности.

Итак, такова скучная программа сегодняшнего практического социал-демократа. В ней нет ни одного нового пункта. Все они являются применением уже признанных принципов и продолжением практик, которые уже действуют в полную силу. На всех лежит печать ризницы, которая так близка британскому сознанию. Ни один из них не обязывает использовать слова "социализм" или "Революция": они ни в коем случае не предполагают гильотинизации, провозглашения прав человека, принесения присяги на алтаре страны или чего-либо еще, что считается по сути неанглийским. И все они обязательно придут — ориентиры на нашем пути уже видны дальновидным политикам даже той партии, которая их боится.

Позвольте мне, в заключение, отречься от всякого восхищения этим неизбежным, но грязным, медленным, неохотным, трусливым путем к справедливости. Я осмеливаюсь заявить о вашем уважении к тем энтузиастам, которые все еще отказываются верить, что миллионы их собратьев должны быть оставлены потеть и страдать в безнадежном труде и деградации, в то время как

парламенты и ризницы неохотно бредут ощупью к ничтожным улучшениям. Справедливость настолько очевидна, неправота настолько невыносима, Евангелие настолько убедительно, что им кажется, что *должно* быть возможно привлечь все сообщество рабочих — солдат, полицейских и всех остальных — под знамя братства и равенства; и одним махом водрузить Справедливость на ее законный трон. К сожалению, такую армию света нельзя собрать из человеческого продукта цивилизации девятнадцатого века, как виноград собирают с чертополоха. Но если мы радуемся этой невозможности; если мы чувствуем облегчение оттого, что перемены будут достаточно медленными, чтобы предотвратить личный риск для нас самих; если мы чувствуем что-то меньшее, чем острое разочарование и горькое унижение при открытии того, что между нами и землей обетованной все еще находится пустыня, в которой многие должны жалко погибнуть от нужды и отчаяния: тогда я заявляю вам, что наши институты развратили нас до самой низменной степени эгоизма. Социалистам не нужно стыдиться того, что они начали с того, что предложили боевую организацию рабочих классов и всеобщее восстание. Это предложение оказалось невыполнимым, и теперь от него отказались — не без некоторых откровенных сожалений — английские социалисты. Но она все еще остается единственно возможной альтернативой социал-демократической программе, которую я набросал сегодня.

СНОСКИ:

[73] Обращение, произнесенное 7 сентября 1888 года в Экономической секции Британской ассоциации в Бате.

[74] Объяснено в первом эссе этого тома.

[75] См. стр. 57-61.

[76] “Принципы политической экономии”, глава. xxiv, стр. 202.

[77] “Теория политической экономии”. У. Стэнли Джевонс (Лондон: Macmillan & Co.). Смотрите также “Азбуку экономической науки”. Часть Филипа Х. Уикстида. (Те же издатели.)

[78] См. стр. 7-9 *перед*.

[79] Общее впечатление о том, что старый Закон о бедных превратился в непростительную помеху, является правильным. Все попытки смягчить индивидуализм филантропией вместо того, чтобы заменить его социализмом, заранее обречены на путаницу.

[80] См. Заключительный отчет Королевской комиссии по профсоюзам, 1869. Том i, стр. xvii, с. 46.

[81] См. Выступление г-на Роберта Гиффена на тему “Последние темпы материального прогресса в Англии”. Труды Британской ассоциации в Манчестере в 1887 году, стр. 806.

[82] См. Г-на Роберта Гиффена о статистике импорта и экспорта, “Очерки финансов”, Вторая серия, стр. 194. (Лондон: G. Bell & Sons, 1886.)

[83] То же самое правительство, начиная осознавать, что оно непреднамеренно сделало для социал-демократии, уже (1889 г.) делает все возможное, чтобы сделать новые Советы графств

социалистически бессильными, настойчиво напоминая им об ограничениях, которые препятствуют их действиям.

[84] Подтверждение этой цифры можно найти в “Трактате Фабиана”, № 5, “Факты для социалистов”.

[85] Г-н Р. Гиффен, “Очерки финансов”, Вторая серия, стр. 393.

[86] Труды Панангликанского синода: Ламбет, 1888. Доклад Комитета по социализму.

[87] Наконец, комиссар был смещен; и мистер Бернс был избран членом первого совета Лондонского графства подавляющим большинством голосов.

[88] Лидерам кооперативного движения следует сказать здесь, что они не поддерживают замену погони мелких капиталистов за дивидендами стремлением к идеалу Роберта Оуэна, социалистического основателя кооперации; и что они полностью осознают, что кооперация должна быть как политическим, так и коммерческим движением, если оно хочет достичь окончательного решения трудового вопроса.

[89] Достаточный материал для изучения паники толпы в Вест-Энде можно найти в лондонских газетах за февраль 1886 г. и ноябрь 1887 г.

[90] Лорд Брэмуэлл, президент экономической секции Британской ассоциации в 1888 году.

[91] См. примечание, стр. 171.

[92] Значение этих терминов будет знакомо читателям первого эссе.

[93] См. Примечание, стр. 16.

[94] То есть менеджер получал бы за свою работу меньше, чем ремесленник. Случаи, когда прибыль работодателя меньше заработной платы работника, отнюдь не редкость в определенных отраслях промышленности, где мелкие торговцы имеют возможность нанимать квалифицированных рабочих.

[95] Такие капитуляции уже происходят, когда канцлер казначейства использует в своих интересах падение текущей процентной ставки (описано на стр. 20) для сокращения расходов. Это он делает, просто угрожая расплатиться с акционерами деньгами, только что взятыми в долг по текущему курсу. Они, зная, что не смогут реинвестировать деньги на более выгодных условиях, чем те, которые предлагает канцлер, вынуждены подчиниться. Нет причин, по которым муниципалитеты не должны обеспечивать те же преимущества своим избирателям. Например, жители Лондона сейчас платят акционерам газовых компаний полтора миллиона в год, или 11 процентов от 13 650 000 фунтов стерлингов, в которые обходятся газовые работы. Совет Лондонского графства мог бы собрать эту сумму примерно за 400 000 фунтов стерлингов в год. Угрожая сделать это и запустить муниципальный газовый завод, он, очевидно, может вынудить акционеров сдать свои работы за 400 000 фунтов стерлингов в год и пожертвовать дополнительными 8 процентами, которыми они сейчас пользуются. Экономия жителей Лондона составила бы 1 000 000 фунтов стерлингов в год, чего было бы достаточно для покрытия чистых расходов Лондонского школьного совета. Столичные читатели найдут ряд похожих примеров в трактате Фабиана № 8 “Факты для лондонцев”.

ПЕРСПЕКТИВЫ.

АВТОР: ХЬЮБЕРТ БЛЭНД.

Исторический обзор мистера Уэбба перенес нас от "распада старого синтеза" (его собственная фраза), социальной системы, основанной на религии, общей вере в божественный порядок, к тому моменту, когда сбитые с толку политики, признав бесполезность принципа индивидуализма для поддержания промышленной машины в рабочем состоянии, с "свободой контракта" на устах проводили ночи, принимая фабричные акты, и тратили свою финансовую изобретательность на то, чтобы отрезать кусок за куском от доходов, получаемых от ренты и процентов. Его статья была наглядной демонстрацией неспособности анархии удовлетворить потребности реальных конкретных мужчин и женщин — историческим доказательством того, что мир движется от системы через беспорядок и снова к системе.

М-р Кларк показал нам, также с помощью исторического метода, что, учитывая еще несколько лет экономического прогресса на нынешних уровнях, мы достигнем, через Кольцо и Доверие, того периода "четко выраженного противостояния богатых и бедных", на котором немецкая мысль остановилась как на краткой стадии социологической эволюции, непосредственно предшествующей органическим изменениям.

Истинность этого постулата тевтонских философов и экономистов вряд ли подвергнет сомнению тот, кто хоть на минуту серьезно задумался над ним. Никто из тех, кто следил за аргументацией, развитой в этих лекциях, также не верит, что переход от умеренного индивидуализма к полной коллективности может быть осуществлен до тех пор, пока капиталистическая система не выработает себя до своего последнего логического выражения. До тех пор никакие политические или социальные потрясения, какими бы жестокими они ни были, даже если "революционеры физической силы" будут беспорядочно гонять гвардейцев по Парламент-стрит, а Исполнительный комитет Фабианского общества проведет свои заседания в Зале заседаний Виндзорского замка, не будут чем-то большим, чем одним из тех "временных беспорядков", о которых говорила миссис Безант, которые "просто опрокидывают троны и обезглавливают монархов".^[96] Я думаю, все социологи, я уверен, все социалисты согласны с тем, что до тех пор, пока не наступит экономический момент, хотя голодные или невежественные могут поднять пыль в Уайтчепеле и натечь кровавой лужей на Трафальгарской площади, Социальная революция невозможна. Но я, со своей стороны, не верю ни в даже временный разгром Домашней бригады, ни, более того, в какие—либо народные волнения, которые нелегко подавить столичной полицией; и я не буду тратить время на обсуждение того решения социальной проблемы, о котором больше слышали в первые дни английского социалистического движения - в его дофабианскую эпоху, — чем сейчас, *а именно*, о физической силе, применяемой горсткой энергичных людей. Сторонник физической силы, как и привилегированный тори, не смог обратить внимания на изменение ситуации и признать перемены, вызванные голосованием. При франшизе жильцов баррикада - это последнее прибежище небольшого и отчаявшегося меньшинства, откровенное признание отчаяния, доведение до абсурда всего дела социализма. Революционный героизм, естественный и

незапятнанный в буйном ребячестве, является идиотским лепетом в мускулистом подростковом возрасте, а в зрелом возрасте был бы преступной глупостью.

Тогда давайте предположим, что нынешний экономический прогресс будет продолжаться в том же духе. Что машины будут продолжать заменять ручной труд; что акционерная компания поглотит частную фирму, которая, в свою очередь, будет поглощена Кольцом и Трестом. Что, таким образом, мелкие производители и дистрибьюторы будут постепенно, но постоянно возрастающими темпами вытесняться и низводиться до положения служащих крупных промышленных и торговых корпораций, управляемых высококвалифицированными промышленными капитанами в интересах праздных акционеров.

В таком парламентском государстве, как наше, экономический раскол, который отделяет собственников от неимущих, становящийся все шире и более четко очерченным, должен иметь свой аналог в мире политики. Революция прошлого века, закончившаяся созданием Крупной промышленности, была последней из великих бессознательных мировых перемен. Ей, конечно, помогло законодательство; но помощь была только негативного и разрушительного характера. “Разорвите наши оковы и оставьте нас в покое”, - таков был призыв революционеров к парламенту. Законодатели, не совсем понимая, что они делают, отреагировали, а затем беспечно влезли в долги и проголосовали за выделение денег на коммерческие войны. Такого зрелища больше никто никогда не увидит. Неоднократное расширение избирательного права сделало больше, чем заставило промышленные массы высказаться, оно придало им сознательности; и в будущем эхо голосов тех, кто страдает от экономических изменений, будет слышно в стенах собора Святого Стефана и городских ратуш.

Таким образом, грядущая борьба между “имущими” и “неимущими” будет конфликтом сторон, каждая из которых прекрасно осознает, за что она борется, и полностью осознает важность вопросов жизни и смерти, поставленных на карту.

Я говорю “будет”, ибо достаточно прочесть несколько речей политических лидеров или посетить дискуссию в рабочем клубе, чтобы убедиться, что в настоящее время только самые проникательные умы с обеих сторон более чем наполовину осознают истинную природу кампании, первые выстрелы которой уже сейчас можно услышать на каждом дополнительных выборах.

Но поскольку ничто так полно не заставляет человека осознать собственное существование, как острый приступ боли; поэтому именно к страданиям — голоду, отчаянию от завтрашнего обеда, беспокойству о следующей паре брюк, - вызванным растущим экономическим давлением на обособленный и образованный пролетариат, мы должны стремиться, чтобы пробудить то свободное самосознание, которое придаст экономическим изменениям политическое выражение и позволит рабочему практически использовать политическое оружие, которое у него есть.

Таким образом, перспектива с точки зрения этой статьи является политической — такой, в которой мы должны ожидать, что мировая политика постепенно станет отражением мировой экономики. То, что политика должна медленно приводиться в соответствие с экономическими фактами, согласуется только со всем, чему нас может научить прошлая история нашей страны. Годами и десятилетиями сквайрхия сохраняла влияние в Палате общин, несоизмеримое с ее потенциалом как экономической силы; и даже в этот момент “земельный интерес” играет

гораздо большую роль в законотворчестве, чем та, на которую дает ему право его реальное значение. Поэтому мы не должны ни удивляться, ни унывать, если при хладнокровном рассмотрении положения английских партий нам откроется истина, что темпы политического прогресса не имеют должного отношения к скорости, с которой мы движемся к социализму в сферах мысли и промышленности.

Этот факт, вероятно — нет, почти наверняка — гораздо более очевиден для социалиста и студента-политика, чем для обывателя или даже для пассажира железнодорожного вагона первого класса. Шумное ликование радикальной прессы по поводу победы местного правителя на дополнительных выборах, краткое и расплывчатое упоминание "домов народа" в двухчасовой речи лидера либералов или включение "социальной" темы в новую годовую программу хорошо и хитро рассчитано на то, чтобы ввести в заблуждение пылкого демократа и вселить холодный ужас в сердце робкого тори. Но совершенно беспристрастный анализ нынешнего положения партий убедит самых оптимистичных в том, что дыхание великих экономических перемен, о которых идет речь в статье мистера Кларка, пока еще едва затронуло Палату общин.

Когда составлялась программа этого курса лекций, ответственные за него предложили в качестве первого подзаголовка этой статьи избитую фразу "Исчезновение вигов". Это счастливое выражение, созерцание которого может принести много утешения оптимистичному и неаналитичному темпераменту. Напечатанные слова находятся в невыгодном положении по сравнению с устными, они не в состоянии передать более приятные *нюансы* значения, придаваемые тоном и ударением; и поэтому слово "исчезновение" бросается в глаза, не несущее в себе ни малейшего намека на иронию. И все же эта фраза бессмысленна, если не "подразумевается сурьезность"; ибо виги так далеки от "исчезновения", что они являются величайшим политическим фактом современности. Для людей, оглушенных ежедневными демократическими выкриками радикальных газет, это утверждение может потребовать некоторого подтверждения и опоры. Тогда давайте посмотрим на факты. Первое, что бросается нам в глаза в связи с нынешним парламентом, это то, что он больше не состоит из двух отдельных партий, *т.е.* из двух групп людей, отличающихся друг от друга *принципиально* разными принципами. Если не учитывать самоуправление,^[97] не остается никаких причин, за исключением довольно незначительного вопроса о роспуске, почему следует сохранять даже подобие партийной организации или почему структурные структуры Палаты общин не должны быть изменены настолько, чтобы они напоминали структуру ратуши, в которой все места обращены к председателю.

Но пятьдесят лет назад пол Дома был границей подлинного значения, а титулы "виги" и "Тори" были словами-символами реальных внутренних и духовных фактов. Партия Тори в основном состояла из людей, которые сознательно выступали против народного представительства и были готовы выстоять или пасть из-за своей оппозиции. В качестве живого политического кредо они придерживались того, что управление людьми было вечным наследием богатых, и особенно тех, чье богатство приносило ренту. Виги, с другой стороны, верили или говорили, что верят, в афоризм "*Голос народа, голос Дей*"; и они, в целом, последовательно выступали за меры, призванные придать этому голосу более отчетливое и громкое звучание. Таким образом, здесь было одно из тех фундаментальных различий, при отсутствии которых партийная номенклатура является фикцией. Но было и другое. В первой половине нынешнего столетия тори, скованные историческими традициями и глухие к похоронному звону старогорежима, звучащему в глухом

студе поршневых штоков новых паровых машин, трогательно цеплялись за старую идею функций государства и территориальных прав. Виги выступали за *laissez faire* и, как следствие, за превосходство делового человека. Я делаю совершенно доказуемое утверждение, когда говорю, что все политические споры[98], возникшие между революцией 1688 года и предоставлением избирательных прав домовладельцу за 10 фунтов Дизраэли, имели своей общей причиной одно из этих двух коренных различий. Но битва давным-давно проиграна и выиграна. Виги торжествовали по всей линии. Тори были не только разбиты, они были поглощены. Происходил процесс, подобный тому, который Маколей описал как последовавший за нормандским вторжением, когда люди постепенно перестали называть себя саксами и норманнами и гордо хвастались тем, что они англичане. Разница в рассматриваемом нами случае заключается в том, что, хотя тори полностью приняли принципы вигов, они по-прежнему отрекаются от имени вигов.

Сегодня ни один так называемый консерватор не рискнет выступить против расширения избирательного права на простой принципиальной основе. Самое большее, что он будет делать, - тянуть время и умолять об отсрочке. Смуглое лицо мистера Ричи не покраснело от сознательной непоследовательности, когда он представлял свой “откровенно демократический” законопроект о местном самоуправлении. И правильно делал, что не нарушал партийных принципов.

В вопросе функций государства поглощение Тори не столь очевидно, потому что никогда не было и, пока существует общество, никогда не может быть *parti serieux* логического невмешательства. Даже в разгар Промышленной революции разница между двумя великими партиями заключалась главным образом в тенденциях - в мировоззрении. У тори была определенная привязанность к государству — естественное себялюбие: виги не доверяли ему. Это недоверие теперь является чувством всех наших общественных деятелей. Они видят, некоторые из них, возможно, яснее других, что государство должно многое сделать; но все они хотят, чтобы этого было как можно меньше. Даже когда, движимые непреодолимой силой, которую они чувствуют, но не понимают (которую не понимает и не может понять никто, кроме социалиста), они выдвигают меры по усилению власти целого над частью, их аргументы всегда окутаны болезненным ореолом извинения: их жесты всегда выражают робкое осуждение и раздражительную неуверенность. Они всегда нервничают, пытаются объяснить, что это предложение не нарушает никаких принципов политической экономии, и для них политическая экономия означает не профессора Сиджвика, а Адама Смита.

Причина, по которой это единодушие всех выдающихся политиков в отношении великих фундаментальных принципов не проявляется в сознании обычного человека, заключается в том, что, хотя больше не из-за чего горячиться или даже умеренно подогреваться, политическая температура остается такой же высокой, как и прежде. Не в пыли арены, а только в покое зрительного зала можно осознать, что люди будут драться так же яростно и царапать друг друга так же злобно из-за сухой кости, как из-за живого принципа. Нужно немного отойти в сторону, чтобы увидеть, что политики подобны богословским полемистам, о которых профессор Сили где-то сказал, что они никогда так не злятся друг на друга, как тогда, когда их разногласия почти незаметны, за исключением, возможно, случаев, когда они совсем незаметны.

Как действенной, так и конечной причиной этого единодушия является своего рода бессознательное или полусознательное признание того факта, что слово “государство” приобрело для себя новые и разнообразные коннотации, что идея государства изменила свое содержание. Что бы ни означал государственный контроль пятьдесят лет назад, он никогда не означал враждебности к частной собственности как таковой. Сейчас для нас и, насколько мы можем судить, на перспективу это означает это и мало что еще. До тех пор, пока государство вмешивалось в частную собственность и полномочия одной группы собственников только с целью увеличения полномочий другой, существование сторон за и против такого вмешательства было необходимостью в данном случае. Пошлина на иностранный хлеб означала сохранение доходов, получаемых от ренты:^[99] ее отмена означала рост прибылей производителей. “Свободная торговля” раздула кошельки новой буржуазии: фабричные законы истощили их и дали сладкую месть зажиточному сквайру. Но мы подошли к концу этого манипулирования законодательной машиной в целях собственников или, по крайней мере, приближаемся к нему. Государство стало больше за счет огромного скопления единиц, которые когда-то были во всех отношениях отделены от него; и теперь его действия обычно указывают не на перераспределение частной собственности и привилегий между классами, а на их полное исчезновение. Таким образом, инстинкт, который объединяет имущих политиков, действительно направлен на самосохранение.

Но, может спросить сбитый с толку радикал, трепетный консерватор, оптимистичный социалист, если политические лидеры действительно выступают против увеличения штата, как получается, что каждая новая мера реформы, вносимая в Палату общин, более или менее окрашена социализмом, и что ни один популярный оратор не отважится выступить на публичном собрании, не сделав какой-нибудь ссылки социалистического толка на социальную проблему? Почему, например, этот чрезвычайно хорошо смазанный и точно сбалансированный политический флюгер сэр Уильям Харкорт, указывая на рассвет, кричит, что “теперь мы все социалисты”?

На эти вопросы (и я их не выдумывал) Я отвечаю: во-первых, потому, что оппозиция политических лидеров *является* инстинктивной и пока еще лишь полусознательной, даже в самых лицемерных проявлениях; во-вторых, потому, что значительная часть законодательного социализма проявляется скорее на словах, чем на деле; в-третьих, потому, что знаменитое изречение сэра Уильяма Харкерта было риторической ложью; и в-четвертых, потому, что, к счастью для прогресса человечества, инстинкт самосохранения не свойственен имущим классам.

Ибо это в значительной степени инстинктивное и полностью самосохраняющее изменение в отношении трудящихся к государству, это изменение, благодаря которому они перестали бояться его как реального врага и стали смотреть на него как на потенциального спасителя. Я знаю, что это утверждение будет яростно опровергнуто многими моими братьями-социалистами. Неестественно, что муха в колесе чувствует себя уязвленной, когда ей говорят, что, в конце концов, не она является движущей силой; и, насколько я понимаю, воспламененные ораторы Социалистической партии могут пользоваться всеми удобствами, которые они могут получить, воображая, что они, а не какие-либо великие, слепые эволюционные силы являются движущей силой социальной революции. Кроме того, метафора мухи на самом деле не бежит на четвереньках (на данный момент я забыл, сколько ног у мухи); ибо социалист, по крайней мере, знает, в каком направлении движется машина, даже если он

не является движущей силой. И все же мне кажется, что роль, которую играет и будет играть социалист, достаточно примечательна со всей совестью; ибо именно он превращает инстинкт в самосознательный разум; высказывает немое требование; и дает разумное направление мыслительной волне потрясающей мощности.

В политическом теле медленно проходит настоящий раскол; но клин все еще находится под поверхностью. Признаки его действия можно найти в реакционных мерах псевдореформы, отстаиваемых многими видными политиками; в действительно социалистических предложениях некоторых малоизвестных людей; в растущем отвращении члена политического клуба к чисто политическим пустякам; и в восприимчивом отношении определенной части образованного среднего класса к излияниям фабианского общества.

Это сознательное признание значения современных тенденций, это определение новой линии раскола, хотя и является источником большинства социалистических надежд, в не меньшей степени является источником некоторого живого страха. В настоящее время только более проницательные умы среди имущих классов вообще осознают реальную природу нападения. Стоит только прислушаться к болтовне среднего кандидата от либералов, чтобы заметить, насколько безнадежно слеп этот человек к тому факту, что существование частной собственности на средства производства вообще является каким-либо фактором в социальной проблеме; и то, что верно для рядовых, верно лишь в меньшей степени для самих вождей. Незнание экономики и неспособность освободиться от политической философии восемнадцатого века^[100] в настоящее время мешает лидерам “партии прогресса” занять определенную позицию либо за, либо против продвижения новых идей. Число английских государственных деятелей, которые, подобно принцу Бисмарку, видят в социализме нарастающую волну, океанский порыв которой должен быть остановлен своевременными законодательными волнорезами, все еще можно выразить только отрицательной величиной. Но этой политической близорукости не суждено долго продлиться. Каждый дополнительный голос, поданный за общепризнанных кандидатов-социалистов на муниципальных и других выборах, поможет донести до сознания либералов мысль о том, что часть новой демократии, которая рассматривает избирательный бюллетень просто как военную машину для атаки на капитализм, растет. Наконец-то наш Либерал окажется лицом к лицу с логичным, но раздражающим выбором. Либо отказаться от частного капитала, либо откровенно признать, что это различие без различия, которое отделяет его от консерваторов, против которых он в течение многих лет гневался.

На первый взгляд кажется, что этот политический момент в истории Либеральной партии будет в высшей степени благоприятным для дела социализма. Но хотя я свято верю в победу логики в долгосрочной перспективе, у меня есть не менее ясное понимание того, что для обеспечения триумфа гонка должна быть очень долгой; и, прежде всего, я глубоко уважаю выдержку политиков и их способность играть в выжидательную игру. Одно дело предложить государственному деятелю выбор одного из двух логичных путей; совсем другое - помешать ему увидеть третий, нелогичный, и пойти по нему. Такое предотвращение в данном случае будет настолько трудным, что практически невозможным, поскольку у либералов все еще на руках сильная масть — политические карты.

Совершенно очевидно, что социальная программа нашей партии станет великим фактом задолго до того, как все чисто политические предложения либералов получат королевское

одобрение; и игра политика будет заключаться в том, чтобы помешать принятию первых, шумно продвигая вторые. К сожалению, для нас это будет достаточно легкая игра. У несоциалистического политика острый нюх на политические отвлекающие маневры, а его аппетит к политическим фруктам Мертвого моря огромен. Количество "благословенных слов", одно звучание которых наполняет его душу, заполнило бы целую страницу. В век эгоизма его жалкое самоотречение было бы освежающим, если бы не было таким отчаянно глупым. Молодой артист, получающий двадцать пять шиллингов в неделю, который вместе с женой и детьми занимает две комнаты в "модели" и который с такой же вероятностью станет ламой, как и арендатор, будет до хрипоты кричать о предоставлении арендаторам избирательных прав и обливаться негодующим потом при виде грабежа богатых торговцев Вест-Энда богатыми домовладельцами Вест-Энда. "Безработный", чья последняя рубашка заложена, рискнет целостью своего черепа на Трафальгарской площади, защищая заявление мистера О'Брайена о том, что в тюрьме он одевается как джентльмен.

Конечно, все это очень трогательно: действительно, если говорить совершенно серьезно, это свидетельствует о благородстве характера и широте человеческих симпатий, в которых заключается наша надежда на социальное спасение. Но его безграничный потенциал не должен закрывать от нас тот факт, что в его действительности изворотливый либерал увидит свой шанс на неопределенную отсрочку обобществления политики. Избирательное право мужчин и женщин, горе сестер умерших жен, социальные амбиции несогласных министров, юридические препятствия для "свободного" приобретения земельной собственности, самоуправление для "миллой старой Шотландии" и "заброшенного маленького Уэльса", чрезвычайная десятина, реформа Палаты лордов: все эти и любое количество других препятствий могут быть успешно устранены на пути продвижения социалистической армии. И хуже всего то, что в значительной части своей obstructивной тактики либерал будет держать нас в ежовых рукавицах; ибо мы полностью привержены полной демократизации и должны поддерживать любые атаки на наследственные или классовые привилегии, откуда бы они ни исходили.

Но, возвращаясь к нашей метафоре карточного стола (метафоре, гораздо более применимой к играм политиков), политическая масть не исчерпывает либеральную руку. Остается еще козырная карта — настоящий козырь. Название этому - фиктивный социализм, а мистер Джон Морли - человек, который его разложит.

Я сказал выше, что тенденция к социализму лучше всего проявляется в изменившемся отношении людей к государственному вмешательству и контролю; и это правда. Тем не менее, не следует забывать, что, хотя социализм предполагает государственный контроль, государственный контроль не подразумевает социализма — по крайней мере, в любом современном значении этого термина. Мы должны обращать внимание не столько на то, что делает государство, сколько на цель, ради которой оно это делает, прежде чем сможем решить, социалистическое это государство или нет. Социализм - это общее владение средствами производства и обмена, *и владение ими в равных интересах всех*. Принимая во внимание тон, который сейчас принимают некоторые из нас^[101] Я не могу слишком сильно настаивать на важности этого различия, поскольку потеря его из виду друзьями и намеренное затемнение врагами представляют большую и непосредственную опасность. Выдвижение шестипенсовых

телеграмм в качестве примера государственного социализма может быть очень хорошим методом выиграть очко у оппонента-индивидуалиста в дебатах перед аудиторией среднего класса; но с точки зрения пролетариата государственное управление, которое щадит карманы только коммерческих и праздных классов, является социализмом не в большей степени, чем *права сеньора* средневековья. И все же это своего рода фиктивный социализм, который народная партия, несомненно, как смерть, будет раздавать в надежде, что простые действия государства будут ошибочно приняты за действительно социалистическое законодательство. И цель этих дарителей греческих даров будет безошибочно достигнута, если те социалисты, которые знают, чего они хотят, будут колебаться (из страха потерять популярность или из-за какой-либо более приятной слабости) громче всех выступать против любого предложения, принятие которого продлило бы жизнь частного капитала хотя бы на час.

Но если вообще не принимать во внимание фальшивый социализм, то в либеральной “и радикальной” программе есть и другие пункты, которые могли бы стать непреодолимыми барьерами на пути разрушителей частного капитала. Если, например, нас постигнет упразднение Церкви, в то время как *персонал* Палаты общин будет хоть сколько-нибудь походить на то, что есть сейчас, мало что может быть более определенным, чем то, что значительная часть того, что сейчас по сути является коллективной собственностью, перейдет в частные руки; что число лиц, заинтересованных в сохранении права собственности, увеличится; и что единственными удовлетворенными чувствами будут жадность этих людей и зависть к Маленькому Бетелю.

Опять же, общее настроение радикала в земельном вопросе вряд ли таково, чтобы рассмешить социалиста. Это правда, что ваш “прогрессивный” поддержит Генри Джорджа и сочувственно склонится к национализации (само по себе “благословенное слово”); но он вовсе не уверен, что национализация, бесплатная земля и крестьянская собственность - это не три названия для одного и того же предложения. И что касается эффективных членов Либеральной партии, то нет никаких сомнений в том, что второе и третье из этих “решений” находят гораздо большее одобрение, чем первое. Фактически, в этом вопросе о земле, метод решения которого соответствует самой пропедевтике социализма, радикал, выступающий за “свободную продажу” или за крестьянскую собственность, является менее мощной революционной силой, чем сам тори; ибо этот последний стремится лишь сохранить на земле то положение вещей, которое создатель Колец и Трастов стремится создать в капитале^[102]— и с той ролью, которую он играет в экономической эволюции, мы все согласны.

От подобных опасностей прогресс демократии сам по себе бессилен спасти нас; ибо, хотя демократия всегда и везде носит социализм в своем чреве, рождение может быть отложено на неопределенный срок из-за глупости с одной стороны и проницательности с другой.

Я довольно подробно остановился на анализе возможных искусственных препятствий на пути к социализму, потому что из-за дружелюбия и вежливости, проявленных к нам радикальным левым крылом в течение последних двенадцати месяцев; из-за успехов, которые голоса радикалов принесли некоторым нашим кандидатам на выборах в Школьный совет и других выборах; и из-за дружеского покровительства, оказанного нам некоторыми “передовыми” журналами, некоторые из наших самых ярких и в остальном наиболее дальновидных умонастроений начали возлагать большие надежды на то, что они называют “проникновением” Либеральной партии. У этих наших братьев есть способ сказать нам, что переход к социализму

будет настолько постепенным, что будет незаметен, и что никогда не наступит день, когда мы сможем сказать “теперь у нас социалистическое государство”. Они любят сравнивать тех из нас, кто попроще, кто не согласен с ними относительно чрезмерной затягиваемости процесса, с детьми, которым сказали, что во время дождя выпадает облако, и которые разочарованно смотрят в окно в дождливый день, не сознавая, что облако падает у них на глазах в форме капель воды. Этим осторожным душам я отвечаю, что, хотя в их утверждении о том, что процесс будет постепенным, есть много правды, мы сможем сказать, что у нас будет социалистическое государство в тот день, когда ни один человек или группа людей не будет обладать правами собственности на средства производства, благодаря которым труд производителей может быть подвергнут эксплуатации; и что, хотя их живописная метафора является как удачным, так и поэтическим замыслом, от политической проницательности нынешнего и следующего поколения социалистов зависит, упадет ли “туча” освежающим социалистическим дождем или унылой моросью радикализма, принося пользу. с ним копати больше, чем воды, загрязняя все и нигде не очищая.

Это проникновение радикальных левых, хотя и несомненный факт современной политики, заслуживает небольшого дополнительного внимания; поскольку существуют две возможные и обоснованные точки зрения относительно его конечного результата. Во-первых, это закончится медленным поглощением социалистов Либеральной партией, и что под действием этого губкообразного организма вся Рента и Проценты перейдут под коллективный контроль, хотя ни одна партия никогда определенно и открыто не заявляла об этом. Согласно этой теории, наступит время, и это произойдет очень скоро, когда признанные социалисты и в значительной степени социализированные радикалы будут достаточно сильны, чтобы удерживать равновесие во многих избирательных округах, и достаточно могущественны во всех, чтобы продвинуть продвинутого кандидата на много ступеней дальше, чем это было бы по его собственным желаниям. Тогда, либо воздержавшись, либо фактически поддержав реакционного лидера на выборах, они смогут пригрозить либералам неминуемым поражением. Либералы, будучи традиционно податливыми людьми (как и все поглощающие организации), таким образом, будут вынуждены идти на уступки и предлагать компромиссы; и либо примут определенное минимальное количество *тических* предложений социализма, либо позволят социалистам участвовать в самом представительстве. Таких уступок и компромиссов будет становиться все больше и важнее с каждым последующим обращением к электорату, пока, наконец, игра не будет выиграна.

Теперь мне кажется, что эти подающие надежды позволяют своим желаниям исказить их разум. Личное уравнение играет слишком большую роль в пророчестве. Как правило, это либо еще не полностью социализированные радикалы, либо социалисты, которые совсем недавно порвали с простым политическим радикализмом и все еще в значительной степени находятся под влиянием партийных связей и традиций. Им почти невозможно поверить, что партия, с которой они действовали так долго, так добросовестно и с таким удовлетворением для самих себя, в конце концов, не является той партией, которой принадлежит будущее. Во многих случаях они находятся в интимных дружеских отношениях с некоторыми менее заметными светилами радикализма и время от времени греются в покровительственном сиянии, проливаемом более крупными светилами. Определенная часть “продвинутой” прессы открыта для них для выражения своих политических взглядов. Конечно, ни одно из этих соображений

никоим образом не дискредитирует их и ни в малейшей степени не влияет на их мотивы или искренность; но они окрашивают их суждения и заставляют считаться со своим хозяином. Они немного склонны забывать, что значительная часть демократической программы еще (как я сказал выше) не реализована. Избирательное право для мужчин, упразднение Палаты лордов, роспуск, оплата членства: всего этого могут желать и вполне логично желают люди, которые так же упорно цепляются за частный капитал, как самый доблестный рыцарь Лиги Первоцветов. Такие люди считают, что жизненно важные положения социалистического кредо лежат совершенно вне конкретного мира — “сферы практической политики”. Между тем голоса социалистов находятся далеко в этой сфере; и с каждым днем становится все более очевидным, что без них вышеупомянутые устремления имеют ничтожные шансы на реализацию. Теперь, с точки зрения в высшей степени делового либерала, нет никаких причин, почему бы социалисту не пойти на уступки в кабине для голосования, если в Палате общин об этом не просят. И даже когда они востребованы, что может быть проще, чем заставить какой-нибудь животрепещущий политический вопрос играть ту роль, которую сейчас играет Самоуправление? Таким образом, бесконечная перспектива власти открывается перед горящими глазами практического политика, теми близорукими глазами, которые так мало видят дальше переносицы и которые только на таком расстоянии позволяют их владельцу попасть в цель.

Радикал, как обычно, прав, рассчитывая на социалистический альянс до определенного момента. Для нас полная демократизация институтов - политическая необходимость. Но задолго до того, как будет осуществлена эта полная демократизация, мы потеряем терпение, а радикалы - самообладание.

Ибо, как мистер Хайндман сообщает миру с ужасными (но наиболее правдивыми) повторениями, мы - “растущая партия”. Мы набираем людей по крупницам; но мы действительно набираем; и те, кто приходит к нам, приходят, как пишут все новые американские газеты, “чтобы остаться”. Наша вера, наш разум, наши знания говорят нам, что великие эволюционные силы с нами; и каждое пополнение наших рядов заставляет нас, в геометрической пропорции, быть все менее и менее терпимыми к политическим уверткам. Как только мы почувствуем себя достаточно сильными, чтобы иметь малейший шанс выиграть с нашей собственной биты, мы будем вынуждены как из принципа, так и из склонности отправить одиннадцатиметрового к воротам. Им придется столкнуться с оппозицией, объединенной или разрозненной, обеих ортодоксальных партий, как это произошло с проигравшими кандидатами-социалистами на выборах в школьный совет в ноябре 1888 года. И независимо от того, будет ли наш успех большим или малым, или его вообще не будет, мы будем осуждены радикальными проводниками и ныне такой покладистой и вежливой радикальной прессой. Альянсу придет конец.

Есть еще один способ, с помощью которого мы можем завоевать недоброжелательство наших временных союзников и, в настоящее время, очень хороших друзей. Я говорил выше о некоторых реакционных пунктах возможной радикальной программы, которые, хотя и имеют гротескное сходство с социализмом, далеки от того, чтобы быть таковыми сами по себе. Эти предложения мы не только не можем поддержать, но должны и будем активно и яростно противодействовать. При первых признаках такого противодействия тому, кто может быть либеральным пастырем в данный момент, все стадо партийных овец с воплем устремится по нашему следу. Свирепость *разъяренных мутонов* вошла в поговорку; и мы столкнемся с той же

злостью, хандрой и желчью, которые сейчас в такой изобилии изливаются на либеральных юнионистов.

Непосредственным результатом этого неизбежного раскола будет образование определенной социалистической партии, т.е. партии, приверженной обобществлению всех средств производства и обмена и готовой подчинить все другие соображения этой единственной цели. Тогда Палата общин начнет смутно отражать реальное положение нации за пределами страны; и в ней мы увидим, как в зеркале, смутно или размыто, что-то от того “четко очерченного противостояния богатых и бедных”, о котором так много слышат все, кто посещает лекции о социализме, и к которому *ex hypothesi* мир день ото дня приближается. Тогда также начнется процесс, который, я полагаю, более вероятен, чем поглощение социалистов или длительное проникновение радикалов: а именно, поглощение самого радикала определенной партией частного капитала, с одной стороны, и определенной партией частного капитала, выступающей против другой.

Когда-то сформировалась действительно однородная социалистическая партия, мировая политика отражает мировую экономику, и в ней больше нет места радикалам, поскольку мы знаем, что такое чудо. За каждой новой победой социалистов, за каждым захваченным аванпостом, за каждым захваченным окопом последует бегство встревоженных и зажиточных радикалов по залу Палаты общин, который снова станет настоящим фронтом; и, наконец, политическая битва будет состоять из небольшой оппозиции, противостоящей огромному и могущественному большинству, состоящему из всех тех, чьи реальные или воображаемые интересы страдают от экспроприации.

До сих пор перспектива была достаточно ясной и сфокусированной; и не требовалось никакого постороннего освещения, чтобы разглядеть детали. Все, что было нужно, - это нормальное зрение и разум, достаточно свободный от пещерных идолов. Но здесь перспектива становится туманной и неопределенной; и попытка проникнуть сквозь туман, окутывающий отдаленное будущее, не принесла бы особой пользы.

Многое, очень многое будет зависеть от мужества, великодушия, стойкости, такта, дальновидности и, прежде всего, от неподкупности тех, чьей высокой миссией будет определять политику и направлять стратегию Социалистической партии в те первые дни ее парламентской жизни. Она будет остро нуждаться в лидере, столь же способном и более добросовестном, чем любой из великих парламентских деятелей прошлого. Выжидающий взор тщетно ищет такого человека сейчас среди молодых отпрысков новой демократии. Вероятно, в этот момент он лежит в своей колыбели или по справедливости делится игрушками или леденцами со своими товарищами по детской. И это хорошо, ибо он должен быть человеком, избавившимся от всех воспоминаний об этих днях *Штурма и напасти*, мелочной зависти, постоянных ошибок и слабеющей веры. Он должен использовать в своей работе послушной список, свободный от неудач и без подозрений на пятно.

Но какие бы трудности ни ожидали нас, произносящих имя социализма, по крайней мере, в одном те, кто прослушал этот курс лекций, могут быть совершенно уверены. Что, какой бы долгой и изнурительной ни была борьба, каждый день приближает нас к победе. Те, кто сопротивляется социализму, борются против княжеств и держав в экономических сферах. Каждое новое промышленное развитие будет подкреплять наши аргументы и пополнять наши ряды солдатами. Непрерывное совершенствование организации труда будет ежечасно

пробуждать в рабочем сознание того, что его жизнь является коллективной, а не индивидуальной. Пролетариат даже сейчас остается единственным реальным классом: его единицы - единственные человеческие существа, которым не на что надеяться, кроме как на выравнивание совокупности, частью которой они являются. Усиление борьбы за существование, в то время как оно сжимает *горлобуржуаbourgeois*, навязывает рабочим союз и солидарность. Да и сами ряды буржуа сокращаются. Острота конкуренции, делающая с каждым годом все более очевидной невозможность для тех, кто родился без капитала, когда-либо достичь этого, лишит класс капиталистов поддержки, которую он сейчас получает от образованных и культурных, но безденежных молодых людей, чьи материальные интересы должны в конце концов восторжествовать над их классовыми симпатиями; и от той части рабочих, чье единственное стремление - выделиться из толпы. Подростающее поколение наемных рабочих, вместо того чтобы, как сейчас, быть затуманенным пылью и дымом простой фракционной борьбы, сможет с первого взгляда отличить форму друга от формы врага. Отчаяние встанет на сторону Надежды в борьбе за дело социализма.

Эти лекции достаточно ясно показали тем, у кого есть слышащие уши и понимающие мозги, что один только материальный эгоизм послужит мотивом, достаточно сильным, чтобы разрушить монополию; а после монополии наступает социализм или — хаос. Но интересы меньшего "я" - не единственная сила, которая помогает нам в настоящем или будет направлять нас в будущем. Ангелы на нашей стороне. Постоянное присутствие огромной массы человеческих страданий порождает в образованных классах глубокое недовольство, духовное беспокойство, которое толкает низшие типы к пессимизму, высшие - к исследованию. Пессимизм парализует руки и лишает силы сердца тех, кто был бы против нас. Исследование доказывает, что социализм основан на тройном камне: историческом, этическом и экономическом. Это дает тем, кто это делает, великую надежду - надежду, которая, однажды проникнув в сердце человека, остается, чтобы смягчить жизнь и подсластить смерть. В свете социалистического Идеала он видит зло — и все же видит, как оно проходит. Тогда и сейчас он начинает жить более чистой, храброй, святой жизнью будущего; и он идет вперед, закаленный и воодушевленный, решительным шагом, с пристальным взглядом, с ровным пульсом.

Именно тогда, когда дуют штормовые ветры, сгущаются тучи, а горизонт предельно черен, идеал социалиста сияет божественным сиянием, призывая его доверять вдохновению поэта, а не прислушиваться к бормотанию сбитого с толку политика, призывая его верить, что

“Ради” этого”, ради” этого”,
Это еще впереди, ради” этого”,
Ради”этого” как человек человеку, Весь мир
Будет братьями”.

СНОСКИ:

[96] Именно полусознательному признанию этого обобщения обязано исчезновение воинствующего республиканизма среди английского рабочего класса.

[97] Принципиальная разница здесь скорее очевидна, чем реальна. Гладстонианцы отвергают любое стремление к отделению и подтверждают свое намерение сохранить абсолютное право

вето имперского парламента; в то время как юнионисты заявляют о своем конечном намерении предоставить Ирландии те же полномочия самоуправления, которыми сейчас обладают или будут обладать Англия и Шотландия.

[98] Битвы за католическую эмансипацию и устранение религиозных ограничений велись скорее по сектантским, чем по политическим мотивам.

[99] С исторической точки зрения это, возможно, не совсем верно; но землевладельцы верили, что их собственное процветание зависит от исключения иностранного зерна, и этого достаточно для целей моей аргументации.

[100] Ср. Выступления мистера Джона Морли по поводу предложения о восьми часах и налогообложения арендной платы за землю. Также недавние работы мистера Брэдли, *passim*.

[101] Один из самых неутомимых и плодовитых членов Социалистической партии в широко распространенном трактате фактически привел существование *лицензий для лоточников* как пример “Прогресса социализма”!

[102] Стоит отметить, что те органы печати, которые в большей степени посвящены земельным интересам, были первыми, кто намекнул на возможную желательность борьбы с крупными *промышленными монополиями* посредством законодательства.

Примечания переписчика

Исправлены ошибки и пропуски в пунктуации.

Исправлена ссылка в оглавлении на начало статьи Уильяма Кларка о Фабианском обществе и его работе.

Страница **xiii**: “или *Дебаты*” заменено на “или *дебаты*”

Страница **xxxiii**: “невежественный и самонадеянный” заменено на “невежественный и самонадеянный”

Страница **14**: “быть беспристрастным” заменено на “быть неискренним”

Страница **30**: “более широкое согласие” изменено на “более широкий консенсус”

Страница **33**: “из этих людей” заменено на “из этих людей”

Страница **38**: “Французские современники” заменены на “французские современники”

Страница **40**: “чистый результат” изменен на “чистый результат”

Страница **52**: “необязательно” заменено на “необязательно”

Страница **71**: “завоевание или Канада” изменено на “завоевание Канады”

Страница **79**: “тщеславный, лицемерный” заменено на “тщеславный, лицемерный”

Страница **162**: “диалектическая война” изменена на “диалектическую войну”